

ВЕСТНИК МГПУ.

СЕРИЯ «ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ».

**MCU JOURNAL
OF PHILOSOPHICAL SCIENCES**

№ 1 (41)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ / SCIENTIFIC JOURNAL

**Издается с 2009 года
Выходит 4 раза в год**

**Published since 2009
Quarterly**

**Москва
2022**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

<i>Реморенко И. М.</i> председатель	ректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор педагогических наук, доцент, почетный работник общего образования Российской Федерации, член-корреспондент РАО
<i>Рябов В. В.</i> заместитель председателя	президент ГАОУ ВО МГПУ, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО
<i>Геворкян Е. Н.</i> заместитель председателя	первый проректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор экономических наук, профессор, академик РАО
<i>Агранат Д. Л.</i> заместитель председателя	проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ, доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

<i>Жукоцкая А. В.</i> главный редактор	профессор общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук МГПУ, доктор философских наук, профессор
<i>Черненко С. В.</i> зам. главного редактора	доцент общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук МГПУ, кандидат философских наук, доцент
<i>Осмоловская С. М.</i> ответственный секретарь	доцент общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук МГПУ, кандидат социологических наук
<i>Кожевников С. Б.</i>	профессор общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук МГПУ, доктор философских наук, профессор
<i>Ананишин В. М.</i>	профессор общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук МГПУ, доктор социологических наук, профессор
<i>Бирич И. А.</i>	профессор общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук МГПУ, доктор философских наук, доцент
<i>Мамедова Н. М.</i>	профессор кафедры истории и философии Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, доктор философских наук, профессор
<i>Савченко И. А.</i>	профессор общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук МГПУ, доктор социологических наук
<i>Хилханов Д. Л.</i>	профессор общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук МГПУ, доктор социологических наук, профессор
<i>Оганисян А. О.</i>	профессор кафедры философии и логики им. академика Георга Брутяна Армянского государственного педагогического университета им. Хачатура Абовяна, доктор философских наук
<i>Чжан Байчунь</i>	профессор Института философии Пекинского педагогического университета, кандидат философских наук

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

ISSN 2078-9238

© ГАОУ ВО МГПУ, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Слово главного редактора

Задачи номера	7
---------------------	---

Социальная философия

Васильев В. В. Козловская Г. Е. Концепт гарантированного бытия и социальная неопределенность	8
Сахарова М. В. Проектная деятельность и ее роль в актуализации курса философии в педагогическом вузе (из опыта работы)	19
Гогиберидзе Г. М., Скрынник М. А. Патриотизм как целевой ориентир взаимодействия социальных институтов образования и культуры: аксиологический аспект	33

История идей и современность

Черезов А. Е. Природа духа в философии Гегеля.....	47
--	----

Философия образования

Ермоленко Г. А., Кожевников С. Б. Проблемно-дискуссионная игра «Сальдо справедливости» как средство развития социальных навыков студентов	57
Кармова М. Р. Ахиллесова пята современного образования: тесты против коммуникации. Социально-философский анализ.....	66

Философия культуры

Миркушина Л. Р. Трансформация феминного образа в культурно-художественном пространстве начала XX в.	74
Авдониная М. Ю., Жабо Н. И. Лингвокультурема «сад» в романах М. А. Булгакова	86

Научная жизнь

Мапельман В. М. Рецензия на книгу: Карпов В. Э., Карпова И. П., Кулинич А. А. Социальные сообщества роботов: эмоции и темперамент роботов. Общение роботов. Модели контагиозного, подражательного и агрессивного поведения роботов. Командное поведение роботов и образование коалиций. Пространственная память анимата. М.: ЛЕНАНД, 2019. 352 с..... 100

Исследования молодых ученых

Ковалев Э. Ю. Влияние цивилизационного подхода к истории на формирование национальной идентичности общества в процессе глобализации..... 108

Требования к оформлению статей..... 122

CONTENTS

Word of Editor in Chief

The Objectives of the Issue 7

Social Philosophy

Vasiliev V. V., Kozlovskaya G. E. The Concept of Guaranteed Existence and Social Uncertainty..... 8

Sakharova M. V. Project Activity and its Role in Updating the Philosophy Course at a Pedagogical University (from Work Experience)..... 19

Gogiberidze G. M., Skrynnik M. A. Patriotism as a Target Guideline for the Interaction of Social Institutions of Education and Culture: Axiological Aspect..... 33

History of Ideas and Modern Age

Cherezov A. E. The Nature of Spirit in Hegel’s Philosophy 47

Philosophy of Education

Ermolenko G. A., Kozhevnikov S. B. Problem-Discussion Game “Balance of Justice” as a Means of Developing students’ Social Skills 57

Karmova M. R. The Achilles Heel of Modern Education: Tests Against Communication. Socio-Philosophical Analysis 66

Philosophy of Culture

Mirkushina L. R. Transformation of the Feminine Image in the Cultural and Artistic Space of the Early XX Century 74

Avdonina M. Yu., Zhabo N. I. Linguoculturema «Garden» in the Novels of Bulgakov M. A. 86

Scientific Life

Mapelman V. M. Book Review: Karpov V. E., Karpova I. P.,
Kulinich A. A. Social communities of robots: Emotions
and temperament of robots. Communication robots. Models
of contagious, imitative and aggressive behavior of robots.
Team behavior of robots and the formation of coalitions.
Spatial memory animat. M.: LENAND, 2019. 352 p..... 100

Research of Young Scientists' Research

Kovalev E. Y. The influence of the Civilizational Approach
to History on the Formation of the National Identity of Society
in the Process of Globalization..... 108

Requirements for Style Articles 122

Задачи номера

Если обозначить ключевые слова и понятия этого номера, то, скорее всего, это будет выглядеть так: культурные коды, культураны, глобализация и унификация, цифровизация образования, геймификация, а также концепты идеального, информации, гарантированного бытия, ситуации неопределенности, патриотизма, идентичности, гендерных ролей и т. д.

Одного беглого взгляда на эти ключевые слова достаточно, чтобы понять, что эта мозаика слов, концептов и понятий не что иное, как собирательный образ нового мира, новой реальности, ставшей для нас уже привычной средой обитания.

Фактически авторы этого номера ставят далеко не новые, но от этого не менее актуальные вопросы — о ценности личности, о духовности и духе,

о свободе и идентичности человека, об отношениях человека, государства и общества, о ценности образования, новых его существенных чертах, особенностях и образовательных практиках, о понимании и мироощущении человека в условиях, с одной стороны, стремительных изменений, с другой — ситуации неопределенности. Очевидно, что все эти вопросы и проблемы требуют философского осмысления не только в рамках сложившихся традиций, но и современная их постановка актуализирует использование новых методологических приемов и средств, призванных помочь разобраться в том многообразии социальных, культурных, образовательных трендов и мейнстримов, которые и составляют саму сущность нашей новой реальности и новой ментальности.

Научно-исследовательская
УДК 101.1:316
DOI: 10.25688/2078-9238.2022.41.1.01

КОНЦЕПТ ГАРАНТИРОВАННОГО БЫТИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ

В. В. Васильев

Самарский филиал Московского городского педагогического университета,
ул. Стара Загора, 76, Самара, Россия, 443081
E-mail: Vasilev-429@mgpu.ru
ORCID: 0000-0003-0643-8911

Г. Е. Козловская

Самарский филиал Московского городского педагогического университета,
ул. Стара Загора, 76, Самара, Россия, 443081
E-mail: KozlovskayaGE@mgpu.ru
ORCID: 0000-0003-0643-8911

Аннотация. В статье исследован концепт гарантированного бытия в контексте советской социально-политической, экономической и культурной систем. Рассмотрены культурные коды советскости как элементы механизма регулятивного воздействия на индивидуальные и коллективные бессознательные и неосознанные состояния, адаптирующие человека к жизни в условиях усиления социальной неопределенности. Обоснован тезис, согласно которому социальная неопределенность может быть аккомодирована человеком к своему существованию, но не исключительно через обращение к культурным кодам и образам прошлого.

Ключевые слова: социальная неопределенность, гарантированное бытие, культурные коды, этос.

Для цитирования: Васильев В. В., Козловская Г. Е. Концепт гарантированного бытия и социальная неопределенность // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2022. № 1 (41). С. 8–18. DOI: <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2022.41.1.01>

Scientific Research

UDC 101.1:316

DOI: 10.25688/2078-9238.2022.41.1.01

THE CONCEPT OF GUARANTEED EXISTENCE AND SOCIAL UNCERTAINTY

Vladimir V. Vasiliev

Samara Branch of Moscow City University,
ul. Stara Zagora, 76, Samara, Russia, 443081

E-mail: Vasilev-429@mgpu.ru

ORCID: 0000-0003-0643-8911

Galina E. Kozlovskaya

Samara Branch of Moscow City University,
ul. Stara Zagora, 76, Samara, Russia, 443081

E-mail: Vasilev-429@mgpu.ru

ORCID: 0000-0003-0643-8911

Abstract. Problem and purpose. The concept of guaranteed existence is investigated in the context of the Soviet socio-political, economic and cultural systems. Cultural codes of Sovietness are considered as elements of the mechanism of regulatory influence on individual and collective unconscious and unconscious states that adapt a person to life in conditions of increasing social uncertainty. The thesis is substantiated according to which social uncertainty can be accommodated by a person to his existence not only through an appeal to cultural codes and images of the past.

Keywords: social uncertainty, guaranteed existence, cultural codes, ethos.

For citation: Vasiliev, V. V., & Kozlovskaya, G. E. (2022). The concept of guaranteed existence and social uncertainty. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 1 (41), 8–18. (In Russian). <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2022.41.1.01>

Общей тенденцией и неотъемлемой характеристикой современного российского общества становится усиление социальной неопределенности. С утверждениями об усилении и более частом проявлении феномена неопределенности согласно большинство отечественных ученых, анализирующих с совершенно различных позиций современные социальные отношения, явления и процессы.

В качестве примера можно привести высказывание Г. А. Воробьева: «В условиях социальных, экономических и политических перемен воспроизводство социальной реальности в российском обществе оказывается все более явно встроено в разнообразные векторы и уровни социального существования, испытывающие воздействие «сложной современности», где с различной степенью интенсивности проявляются социальная неопределенность, социальная дезорганизация, отклонение от нормы, казуальность, то есть нарастают энтропийные проявления и процессы» [Воробьев, 2016, с. 8].

Необходимо отметить, что в данных тезисах постоянно присутствует хронологическая составляющая. Ученые констатируют проявление неопределенности именно в настоящее время, сейчас, на современном этапе развития общества и т. д. Данные заключения, чаще всего базируются на сравнении с каким-то идеальным периодом стабильности и определенности. Особенно это характерно для исследователей социальной сферы, изучающих состояние молодежной среды, систему образования, социальные отношения и т. д.

За такое идеальное, стабильное и гарантированное общество, принимается советское государство, политическая и социально-экономическая система, образование, наука и культура которого выступали в качестве гаранта определенности, стабильно и четко определяли векторы существования и развития как отдельных социальных групп, так и конкретного человека.

Начало 90-х годов XX века во многом стало переломным и определило новые направления развития Российского государства и общества. «Прекращение существования Союза кардинальным образом изменило военно-политическую конфигурацию мира, придало сильный импульс процессам глобализации экономики и одновременно развитию регионального сотрудничества. Прошедшее после этого десятилетие показало большую неопределенность развития государств, возникших на бывшем советском пространстве, и их зависимость от внешних экономических и политических воздействий» [Вардомский, 2002, с. 18].

В данной статье нет необходимости рассматривать процессы, которые привели к распаду Советского Союза. В современной историографии написано немало работ, посвященных «одному из крупнейших геополитических событий в мировой истории XX века» (устоявшееся выражение, широко используемое как государственными деятелями, политиками, так и учеными), в которых, однако, нет его однозначной оценки. Несмотря на видимое отсутствие объективности и единодушия в рассмотрении экономических и политических процессов, которые привели к подписанию соглашения в Беловежской пуще в 1991 году, в современном российском обществе утвердилось еще одно идеологическое клише — «лихие 90-е», — которым характеризуется период становления новой российской государственности, в основе которой лежали демократические принципы (в общественно-политической жизни) и рыночные отношения (в экономике).

«В России становление современной политической системы совпало по времени с рыночными экономическими преобразованиями. Новая система начала формироваться практически мгновенно после разрушения партии-государства» [Воробьев, 2017]. При этом указанный период противопоставляется как современным стабильным общественно-политическим отношениям, так и советскому периоду российской истории.

Необходимо отметить, что значительная часть населения современного российского общества родилась и жила в период существования советского государства, т. е. обладает реальными воспоминаниями, материальными и духовными фактами (артефактами), унаследованными от Советского Союза. Кроме этого, наметилась четкая тенденция в среде современных школьников и студентов,

родившихся после или гораздо позже распада советского государства, на идеализацию существовавших в СССР политических, экономических и социальных отношений. Источником подобной идеализации выступают как сами носители исторической памяти (родственники и знакомые), так и современные средства массовой информации, а также произведения массового искусства, в частности кинофильмы, телевизионные сериалы и т. д.

Казалось бы, зачем большинству населения современного государства актуализировать для себя и идеализировать период истории, который остался в прошлом, пускай и не очень далеким, пережитки и недостатки которого так активно пытались преодолеть и забыть в 90-е годы? Ответ может лежать в той же плоскости социально-экономических отношений, процессов, которые протекают в современной России. «В настоящее время мир находится в состоянии неравновесия, в связи с чем у людей теряется уверенность в будущем, и они находятся в постоянном напряжении, пытаюсь обеспечить себе необходимое постоянство» [Пецева, Самыкина, 2018].

К подобным выводам приходит и Н. Л. Смакотина: «Зримым проявлением этой “новой” реальности становится превращение общества в общество риска, сферу “рискованного бытия”, экономики — в “экономику неопределенности”, а человека — в несuverенное в рамках социальной реальности, “нефиксированное” в природе существо» [Смакотина, 1999].

Достигнутая политическая стабильность не приносит видимых и ощутимых для большинства населения положительных эффектов или результатов. Снижение уровня, качества и продолжительности жизни, отсутствие прозрачных социальных лифтов, проблемы образования, здравоохранения и т. д. — вот тот неполный перечень факторов, не позволяющий сделать вывод о том, что принесенные жертвы, понесенные издержки предыдущих периодов оправданы.

Неопределенность современности обостряется частотой и усложнением глобальных мировых процессов, в числе которых: политические (построение постбиполярной системы международных отношений), социальные (массовые миграции) и экологические (изменение климата и пандемия). На геополитическом уровне возможно говорить о том, что Россия, обладая достаточными ресурсами, в том числе информационными и интеллектуальными, перестает быть лидером на постсоветском пространстве, уступая эту роль прежде всего западным партнерам и конкурентам.

Л. Б. Вардомский констатирует: «В целом можно утверждать, что за десять лет после исчезновения СССР постсоветское пространство стало более дифференцированным, контрастным и конфликтным, бедным и одновременно менее безопасным. Пространство, создававшееся в течение столетий, довольно быстро утратило экономическое и социальное единство. Обнаружилось также, что по основным социально-экономическим показателям все постсоветские страны сместились на периферию мировой экономики» [Вардомский, 2002].

Исходя из этого, по мнению Н. Л. Смакотиной, возникает необходимость выработки технологий и механизмов, адаптирующих человека к жизни в условиях неопределенности, к действиям в ситуациях риска и неопределенности [Смакотина, 1999]. Таким механизмом становится сформировавшееся коллективное представление о советском периоде российской истории как «золотом веке», периоде стабильности, социальной определенности.

Подобное отношение к социально-историческим процессам укладывается в концепцию гарантированного бытия, сформулированного рядом исследователей. В частности, А. П. Андреев и З. Я. Рахматуллина рассматривают данный концепт через призму традиций, считая гарантированное бытие глубинной антропологической и экзистенциальной потребностью индивида, такой же, как потребности в самодостаточной интеграции индивидуального существования человека, в поиске его идентичности [Андреев, Рахматуллина, 2009].

Н. Л. Смакотина исходит из понимания гарантированного бытия как концепта, на который был ориентирован классический и неклассический этапы осмысления развития человеческой культуры и цивилизации, в разные исторические эпохи в качестве гарантов которого выступали Бог, государство, традиции [Смакотина, 1999]. Постнеклассическая современность, по мнению исследователя, характеризуется как негарантированное бытие, признаками которого выступают: неопределенные параметры бытия, отсутствие общепризнанных гарантий, нестабильности социальной реальности [Смакотина, 1999].

Согласно концепции Н. Л. Смакотиной во все времена в основе деятельности человека, в том числе в условиях неопределенности, должна лежать рациональность. Но если в классический и неклассический периоды в основе рационального поведения лежало когнитивно-понятийное моделирование социальной реальности в образах структур и процессов, то постнеклассический период основывается на возможности регулятивного воздействия не только на сознание, но и на индивидуальные и коллективные бессознательные и неосознанные состояния [Смакотина, 1999].

Таким образом, представляется возможным использовать концепт «гарантированное бытие» в качестве понятия, тождественного явлению социальной определенности, проявлением которой в общественном сознании стал советский период российской истории.

Следует отметить, что гарантированное бытие, представленное Н. Л. Смакотиной как «социальное согласие и солидарность», рассматривается через понятие «этос» — феномен, задающий возможность достижения солидарности через настройку индивидуальных переживаний реальности на коллективную волну [Смакотина, 1999] и, по моему мнению, может включать в себя более частные составные единицы — культурные коды, также предполагающие обращение особого внимания на формирование коллективных бессознательных представлений об отдельных объектах социальных отношений.

Целесообразным видится представление несколько подходов к рассмотрению и пониманию такого явления, как культурный код.

Во-первых, эпистемологический подход, понимающий культурный код как сумму гуманитарного знания субъекта, обеспечивающую его тождественность мировосприятию социальной группы (этнос, нация, социальная группа и т. д.), к которой он принадлежит.

Во-вторых, психологический, в основе которого — набор образов и общественных стереотипов на уровне общественного бессознательного, кодирующих поведение (в том числе и на этническом уровне).

В-третьих, социологический, анализирующий культурные коды через призму специфических социальных практик, определений, оценок, идентификаций, выбора действий, с которыми в целом согласны все носители данного культурного кода.

И, наконец, информационно-коммуникационный, рассматривающий культурные коды, как передачу информации о социокультурной идентичности (принадлежности индивида, объекта или явления к определенной культуре), закодированную в форме коммуникационных знаков (воспринимаемых образов).

Актуализация культурных кодов осуществляется в условиях необходимости идентификации, понимания значимости социального явления, оценки, выявлении смысла, выбора варианта поведения и проявляется через социальные институты, а также имеющиеся идеалы или ценности.

Лежащие в основании культурных кодов прецедентные феномены, по утверждению А. М. Клименковой, выполняют роль эталона культуры, функционируют как свернутая метафора и выступают как символ какого-либо феномена или ситуации [Клименкова, 2013].

Культурные коды как продукт постнеклассического осмысления мира, социальных явлений, ориентирующиеся и сформировавшиеся под воздействием коллективного бессознательного, могут использоваться для формирования представлений о возможности советского гарантированного бытия как своеобразного недостижимого идеала, с помощью которого преодолевается или по крайней мере снижается социальная неопределенность современности.

Для современного человека сложно конструировать структуры и процессы советской действительности, которые к тому же не укладываются в современную общественно-политическую жизнь. Но справедливости ради необходимо отметить, что попытки подобного моделирования начинают предприниматься, примером тому являются практики возрождения детских общественных организаций, военно-спортивные движения, актуализация в общественном сознании факта преемственности некоторых государственных структур и организаций и т. д. При этом нежелание объективного сравнительного анализа различных аспектов и количественных параметров советского социума и современного состояния общества объясняет бытовое отношение, бессознательное восприятие и трансляцию элементов поведения, реагирования и оценочного отношения ко всему советскому, становится тем наиболее распространенным способом преодоления негарантированного бытия. Можно констатировать

некритическое доминирование превосходных положительных оценочных характеристик советского периода отечественной истории, ностальгии по социалистической стабильности и возможности планировать свои действия на длительное время. С одной стороны, большинством понимаются превосходящие в настоящем потребительские возможности, но с другой — согласие с тем, что относительное благополучие может одномоментно прекратиться по независящим от человека причинам (пандемия, локдаун, цена на нефть, мировой ипотечный кризис и т. д.).

Более четкому пониманию концепции гарантированного бытия через призму советского общества позволит рассмотрение ряда примеров культурных кодов, сформировавшихся в Советском Союзе и актуализирующихся в настоящее время. Представленные культурные коды формировали и пронизывали практически все сферы жизни советского общества.

Один из самых распространенных культурных кодов — «общественно-полезный труд», «труд на благо Родины и коллектива», — актуальный на территории всего бывшего СССР, противостоящий современному коду «общество потребления». Не менее распространенной была уверенность в том, что советский народ живет в «самой лучшей стране», при «самом лучшем строе», а существующая власть «лучше всех заботится о народе». Мифологемой существования противников советской власти — «врагов народа, антисоветчиков и диссидентов» — пытались объяснить существовавшие проблемы.

Культурные коды, производные из понятия «равенство» обеспечивались рядом общепонятных идеологических принципов, подкрепленных экономическими и социальными гарантиями. К ним можно отнести следующие коды:

– номенклатурная система социального лифта, в основе которой лежали понятные условия соответствия необходимым характеристикам для прохождения четко определенных этапов;

– гарантированная стабильная работа для 90 % населения на промышленном предприятии: заводе или фабрике, в деревне, в учреждении, с возможностью прогнозирования на годы и десятилетия своей заработной платы, возможности карьерного роста (повышении разряда, должности и т. д.), а также получения бесплатного жилья;

– порядок и дисциплина на производстве: «вот раньше-то порядок был», который сменился промышленными авариями и катастрофами различного масштаба (если быть точным, доступной информацией о них);

– гарантированное и обязательное среднее образование, при этом высшее образование рассматривалось как необходимое условие социального лифта, изменения социального статуса, материального положения и возможного попадания в элиту;

– фундаментальность образования (изучение классической русской и советской литературы, серьезное физико-математическое образование) как способ формирования приоритетных культурных кодов;

- приоритетные воспитательно-идеологические функции советской школы (культурные коды «пионерский галстук», «значок октябренок» и т. д.);
- идеализация образа учителя и нравственная проблематика школьного образования в советском кинематографе;
- советские стереотипы потребления (походы в магазины, очереди, изобилие однообразных товаров, «доставание» дефицита) вступающие в диссонанс с современным потребительским поведением, в условиях доступности всего и низкой финансовой возможностью большинства населения, по причине невключенности в рыночные отношения с возможностью обеспечения достойного материального уровня;
- унификация одежды или ее элементов (школьная, спортивная и военная форма), выполняющая воспитательную и интегрирующую функции, при гарантированной возможности приобретения (культурный код советской школьной формы на последнем звонке);
- гастрономические пристрастия и кулинарные предпочтения советского периода, сформированные на основе примерно одинакового и постоянного набора продуктов, незначительно отличавшегося, даже в условиях различных материальных возможностей и системы общественного питания, гарантированного социального преимущества (заводские столовые, талоны на питание для студентов, детское питание на молочных кухнях);
- относительная дешевизна и доступность алкогольных напитков в советский период, что выразилось в формировании нескольких культурных кодов, а также в резко-негативном отношении к руководству страны и неприятию антиалкогольной кампании во второй половине 80-х годов XX века.

Следует отметить значительную роль СМИ, особенно телевидения, в создании, сохранении и трансляции советского культурного кода, которое можно рассматривать в качестве одного из факторов создания представления о гарантированной советской стабильности, которое в настоящее время активно поддерживается и культивируется многочисленными телевизионными каналами.

Безусловно, как уже отмечалось в начале статьи, многие социально-экономические, политические, культурные, а также бытовые советские явления и процессы воспринимаются излишне идеализированно. Но, следует отметить, основа этой идеализации заложена через индивидуальное, личное, субъективное восприятие и переживание этого периода значительной частью российского общества и оказавшее влияние на формирование коллективных представлений о гарантированном бытии, противопоставляемом современному состоянию социальной неопределенности.

Культурный код советскости на бытовом уровне обеспечивает существование своеобразного постоянного сравнительно-оценочного процесса, а также попытки возрождения элементов системы советских социально-политических отношений, экономических и социальных практик, технологий образования и воспитания.

Идеализация советской системы представителями поколения, родившихся и живших в рассматриваемый период, во многом психологически объяснима. Механизмы самозащиты сознания приводят к запоминанию преимущественно положительных и приятных моментов в жизни, не сохраняя плохое; кроме этого, с возрастом теряется острота восприятия мира в целом.

Помимо этого, вступает в действие эффект предвзятости подтверждения — когнитивное искажение, когда человек стремится искать, интерпретировать и отдавать предпочтение такой информации, которая согласуется с его точкой зрения или убеждением. Таким образом, представление о советском гарантированном бытии противопоставляется резко отрицательно характеризующемуся негарантированному современному.

Подобная упрощенная трактовка, кодификация сознания, способна на какое-то время положительно повлиять на общественное сознание части общества, нивелировать остроту социальных проблем, посредством советских культурных кодов реконструировать, воссоздать отношения и сгладить противоречия. Но использование однажды придуманных культурных кодов, в том числе и советских, не позволяет решать все проблемы неопределенности общества, значительно трансформировавшегося за несколько десятилетий после распада Советского Союза, и будет серьезно препятствовать социальным инновациям.

Подобный вывод подтверждается рядом исследователей. Понимая, что социальная неопределенность становится одним из условий и обстоятельств функционирования общества в контексте социокультурных изменений российской социальной реальности, Г. А. Воробьев, И. В. Печкуров и М. А. Гнатюк приходят к выводу о том, что решению остро стоящих перед Россией задач, связанных с формированием гражданского общества и правового государства, переходом к инновационной экономике и модернизационному прорыву, такой формат реставрации исторической памяти не поможет. Обращенность в прошлое как основание для развития настоящего и перехода к нормальному обществу не является в принципиально изменившихся условиях эффективным способом социальной регуляции и управления социальными процессами [Воробьев, Печкуров, Гнатюк, 2017].

На схожих позициях стоит и А. В. Пелин, заключающий, что «вступая на путь последовательного модернизма, общество должно отдавать себе отчет, что возвращение к традициям, как средству преодоления неопределенности будет недопустимо» [Пелин, 2003].

Подводя итог рассмотрению концепта гарантированного бытия и его роли в формировании чувства определенности, можно сделать вывод о том, что социальная неопределенность может быть адаптирована человеком к своему существованию, но не исключительно через обращение к образу прошлого, и согласиться с Н. Л. Смакотиной, которая считает, что «многочисленные ситуации неопределенности могут быть эффективно разрешены через механизмы функционирования развитого гражданского общества» [Смакотина, 1999, с. 41].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Андреев А. П., Рахматуллина З. Я Антропоцентрическая сущность традиции [Электронный ресурс]. URL: <https://smekni.com/a/229515/antropotsentricheskaya-sushchnost-traditsii/> (дата обращения: 10.01.2022).
2. Вардомский Л. Б. Десять лет после распада СССР: некоторые результаты и перспективы эволюции пространства СНГ [Электронный ресурс] // РСМ. 2002. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/desyat-let-posle-raspada-sssr-nekotorye-rezultaty-i-perspektivy-evolyutsii-prostranstva-sng> (дата обращения: 26.11.2021).
3. Воробьев Г. А. Социальная энтропия в предметном пространстве социально-философского изучения // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2016. № 5 (58). С. 7–16.
4. Воробьев Г. А. Социальная энтропия и социально-политическая неопределённость в пространстве воспроизводства социальной реальности в Российском обществе // Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 4. С. 11–20.
5. Воробьев Г. А., Печкуров И. В., Гнатюк М. А. Специфика энтропийных процессов в российском обществе в условиях вызовов современной реальности [Электронный ресурс] // Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 4. С. 2–10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-entropiinyh-protsesov-v-rossiyskom-obschestve-v-usloviyah-vyzovov-sovremennoy-realnosti> (дата обращения: 12.12.2021).
6. Клименкова А. М. Культурные коды как факторы формирования ценностных ориентаций [Электронный ресурс] // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2013. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnye-kody-kak-factory-formirovaniya-tsennostnykh-orientatsiy> (дата обращения: 05.11.2021).
7. Пелин А. В. Неопределенность как ядро новой социальной парадигмы [Электронный ресурс] // Публикации и исследования Александра Пелина: [сайт]. URL: <http://a-pelin.info/?go=pub&item=50> (дата обращения: 09.12.2021).
8. Пецева О. С., Самыкина Н. Ю. Возрастные особенности толерантности к неопределенности // Человек в условиях неопределенности: сб. науч. тр. в 2 т. Т. 2. Самара: Самар. гос. техн. ун-т, 2018. С. 62–66.
9. Смакотина Н. Л. Рациональное поведение в условиях неопределенности: методология социологического и социально-психологического анализа: автореф. дис. ... д-ра социол. наук: 22.00.01. М., 1999. 41 с.

References

1. Andreev, A. P., & Rakhmatullina, Z. Ia. (2009). *Antropotsentricheskaya sushchnost` traditsii* [Anthropocentric essence of tradition]. (In Russian). Retrieved from: <https://smekni.com/a/229515/antropotsentricheskaya-sushchnost-traditsii/> (accessed: 10.01.2022).
2. Klimenkova, A. M. (2013). *Kul`turnye kody kak factory formirovaniia tsennostnykh orientatsii* [Cultural codes as factors in the formation of value orientations]. *RUDN Journal of Sociology*, 2. (In Russian). Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnye-kody-kak-factory-formirovaniya-tsennostnykh-orientatsiy> (accessed: 05.11.2021).
3. Pelin, A. V. (2003). *Neopredelennost` kak iadro novoi sotsial`noi paradigmy* [Uncertainty as the core of a new social paradigm]. *Publications and research by Alexander Pelin*: [website]. (In Russian). Retrieved from: <http://a-pelin.info/?go=pub&item=50> (accessed: 09.12.2021).
4. Petseva, O. S., & Samykina, N. Yu. (2018). *Vozrastnye osobennosti tolerantnosti k neopredelennosti* [Age characteristics of uncertainty tolerance]. *Person in the conditions*

of uncertainty. Proceedings of scientific-practical conference with international participation, 2, 2, 62–66. (In Russian).

5. Smakotina, N. L. (1999). Ratsional'noe povedenie v usloviakh neopredelennosti: metodologiya sotsiologicheskogo i sotsial'no-psikhologicheskogo analiza [Rational behavior under uncertainty: methodology of sociological and socio-psychological analysis]. *Extended abstract of Doctor's thesis*: 22.00.01. Moscow. (In Russian).

6. Vardomskiy, L. B. (2002). Desyat' let posle raspada SSSR: nekotorye rezul'taty i perspektivy evolyutsii prostranstva SNG [Ten years after the collapse of the USSR: some results and prospects for the evolution of the CIS space]. *Russia and the contemporary world*, 2. (In Russian). <https://cyberleninka.ru/article/n/desyat-let-posle-raspada-sssr-nekotorye-rezultaty-i-perspektivy-evolyutsii-prostranstva-sng1> (accessed: 26.11.2021).

7. Vorobiev, G. A. (2016). Sotsial'naya entropiya v predmetnom prostranstve sotsial'no-filosofskogo izucheniya [Social entropy in the subject space of socio-philosophical study] // *P.O.I.S.K.: Policy. Social Science. Art. Sociology. Culture*, 5 (58), 7–16. (In Russian).

8. Vorobiev, G. A. (2017). Sotsial'naya entropiya i sotsial'no-politicheskaya neopredelennost' v prostranstve vosпроизводства sotsial'noi real'nosti v Rossiiskom obshchestve [Social entropy and socio-political uncertainty in the space of reproduction of social reality in Russian society]. *The Humanities and social sciences*, 4, 11–20. (In Russian).

9. Vorobiev, G. A., Pechkurov, I. V., & Gnatyuk, M. A. (2017). Spetsifika entropiinykh protsessov v rossiiskom obshchestve v usloviakh vyzovov sovremennoi real'nosti [Specificity of entropy processes in Russian society in the face of challenges of modern reality]. *The Humanities and social sciences*, 4, 2–10. (In Russian). Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-entropiinykh-protsessov-v-rossiiskom-obshchestve-v-usloviyah-vyzovov-sovremennoy-realnosti> (accessed: 12.12.2021).

Информация об авторах / Information about the authors:

Владимир Викторович Васильев — кандидат исторических наук, доцент, декан факультета педагогики и психологии Самарского филиала МГПУ.

443081, Россия, Самара, ул. Стара-Загора, д. 76

Vladimir Viktorovich Vasiliev — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Pedagogy and Psychology of the Samara Branch of Moscow City University.

443081, Russia, Samara, ul. Stara Zagora, d. 76

E-mail: Vasilev-429@mgpu.ru

Галина Ефимовна Козловская — директор Самарского филиала МГПУ, доктор исторических наук, профессор.

443081, Россия, Самара, ул. Стара-Загора, д. 76

Galina Efimovna Kozlovskaya — Director of the Samara Branch of Moscow City University, Doctor of Historical Sciences, Professor.

443081, Russia, Samara, ul. Stara Zagora, d. 76

E-mail: KozlovskayaGE@mgpu.ru

Научно-практическая

УДК 37.025.7

DOI: 10.25688/2078-9238.2021.41.1.02

ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ЕЕ РОЛЬ В АКТУАЛИЗАЦИИ КУРСА ФИЛОСОФИИ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ВУЗЕ (из опыта работы)

М. В. Сахарова

Московский городской педагогический университет,

2-й Сельскохозяйственный пр., 4, Москва, Россия, 129226

E-mail: SakharovaMV@mgrpu.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена противоречивым отношением обучающихся к дисциплинам общегуманитарного цикла, в том числе философии. Статья посвящена проблеме места и роли курса философии в современной модели высшего образования. Цель статьи — проанализировать возможности и границы применимости проектного метода в процессе изучения философии в вузе и оценить его потенциал в актуализации философского знания. В исследовании использован междисциплинарный подход, основой является эмпирическое обобщение, анализ и интерпретация результатов работы с использованием метода проектов в процессе преподавания курса философии автором статьи. Перечисляя имеющиеся проблемы преподавания философии, автор рассматривает проектный метод как один из способов их решения. В статье анализируются причины популярности данного метода в современной образовательной практике и предлагается конкретная модель реализации метода проектов в рамках курса философии в педагогическом вузе. Проблемы преподавания философии рассматриваются в контексте дискуссии о соотношении мягких и твердых навыков и их востребованности в современном обществе. Автор подчеркивает, что предлагаемая модель способствует формированию критического мышления, креативности, навыков коммуникации и командной работы, позволяет выстраивать индивидуальную траекторию обучения, повышая тем самым актуальность и полезность курса. При этом в рамках предлагаемой модели уделяется внимание и классическим задачам философии — чтению и анализу текстов, формированию теоретического мышления и др. В статье рассматриваются также дискуссионные вопросы и проблемы, возникающие при использовании проектного метода. Разработанная автором модель способствует внедрению в практику преподавания философии интерактивных технологий.

Ключевые слова: преподавание философии, метод проектов, критическое мышление, мягкие навыки, образовательные технологии.

Для цитирования: Сахарова М. В. Проектная деятельность и ее роль в актуализации курса философии в педагогическом вузе (из опыта работы) // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2022. № 1 (41). С. 19–32. DOI: <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2022.41.1.02>

© Сахарова М. В., 2022

Scientific and Practical

UDC 37.025.7

DOI: 10.25688/2078-9238.2021.41.1.02

PROJECT ACTIVITY AND ITS ROLE IN UPDATING THE PHILOSOPHY COURSE IN A PEDAGOGICAL UNIVERSITY (From Work Experience)

Maria V. Sakharova

Moscow City University,

2-i Sel'skokhoziaistvennyi pr., 4, Moscow, Russia, 129226

E-mail: SakharovaMV@mgpu.ru

Abstract. The relevance of the research is based on the students' contradictory attitude towards the disciplines of the general humanitarian cycle, including philosophy. The article addresses the problem of the place and role of the philosophy course in the modern model of higher education. The purpose of the article is to analyze the possibilities and limits of applicability of the project method in the process of studying philosophy at a university and to assess its potential in the actualization of philosophical knowledge. The study utilizes interdisciplinary approach based on the empirical generalization, analysis and interpretation of the results of making use of the project method in the process of teaching a philosophy course by the author of the article. Listing the existing problems, the author considers the project method as one of the ways to solve them. The article analyzes the reasons for the popularity of this method in modern educational practice and proposes a specific model for the implementation of the project method as part of philosophy course at a pedagogical university. The problems of teaching philosophy are considered in the context of discussing the ratio of soft and hard skills and their relevance in modern society. The author emphasizes that the proposed model contributes to the development of critical thinking, creativity, communication skills and team building and allows to build an individual learning path, thereby increasing the topicality and utility of the course. At the same time the proposed model takes into account the necessity of attending to the classical goals of philosophy — reading and analyzing texts, development of theoretical thinking etc. The article also discusses controversial issues and problems that arise during using the project method. The model developed by the author contributes to the introduction of the philosophy of interactive technologies into teaching practice.

Keywords: teaching philosophy, project method, critical thinking, soft skills, educational technology.

For citation: Sakharova, M. V. (2022). Project activity and its role in updating the philosophy course in a pedagogical university (from work experience). *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 1 (41), 19–32. (In Russian). <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2022.41.1.02>

Введение

Проблема роли и места курса философии в вузе — проблема в первую очередь российского образования. Именно в России философия входит в перечень дисциплин, обязательных для изучения студентами всех направлений подготовки. При этом за последние 10 лет объем курса философии сократился в 2–3 раза и на момент написания статьи составляет в среднем 36 аудиторных часов. Как известно, сокращают то, что не нужно. Так, согласно опросу, проведенному в 2020 году среди студентов-первокурсников Уральского федерального университета, только 3 % считают философию «полезным предметом» [Замошанский, Конашкова, Пырьянова, 2021, с. 30]. В условиях все большей ориентации на практику и корректировки учебных планов в соответствии с требованиями студентов (потребителей образовательных услуг) философия с ее абстрактными теориями и вечными вопросами на фоне других дисциплин выглядит этаким ископаемым животным, место которому в музее. Но только на первый взгляд.

Стремительные изменения, происходящие в мире, вызвали к жизни дискуссию о том, каким должно быть образование в XXI в. Теперь, когда близится к завершению первая четверть этого века, можно утверждать, что выбор сделан: образование должно быть ориентировано не только на получение знаний, но и на формирование умений. В условиях перехода от знаниевой модели образования к компетентностной востребованными будут мягкие навыки (*soft skills*), среди которых отдельно выделяют набор «4К»: коммуникация, креативность, критическое мышление и командная работа [Навыки будущего, 2017, с. 74]. Философия может стать предметом, вносящим свой вклад в формирование всех вышеперечисленных навыков. Однако сами студенты, считая, например, навык критического мышления одним из наиболее важных «с точки зрения личностной эффективности и профессиональных качеств», никак не связывают его с философией. Вместо нее они предпочли бы изучать такие курсы, как «Критическое мышление», «Логика», «Теория и практика эффективных коммуникаций», «Принятие решений» [Замошанский, Конашкова, Пырьянова, 2021, с. 30]. Причины негативного отношения к философии коренятся не в самом предмете, а в той системе обучения, которую практикуют многие преподаватели философии (под системой в данном случае мы имеем в виду совокупность целей, задач курса, его содержание, а также используемые методики и педагогические технологии). Акцент на фактологической составляющей, попытка изучить всю историю философии за 36 часов, нацеленность на запоминание и воспроизведение философского знания, а не его осмысление и интерпретацию — вот лишь некоторые причины подобного положения дел. Но все больше голосов раздается в поддержку переосмысления целей и задач курса философии в рамках современной образовательной системы. Часть из них — в поддержку философии как мощного инструмента формирования критического мышления. «Необходимость сформулировать собственное отношение

к философской проблеме заставляет систематизировать собственные идеи, расставить ценностные приоритеты» [Алашеева, Коломейцева, Макакенко, 2017, с. 9]. «Функция философии в системе современного вузовского образования сводится к формированию умения мыслить. Причем мыслить не как попало, а системно, критически» [Сахарова, 2016, с. 55]. «Философию можно и нужно... операционализировать, то есть превратить в своеобразный инструмент, который поможет студенту в будущей деятельности — персональной, социальной, профессиональной» [Замоцанский, Конашкова, Пырьянова, 2021, с. 32–33].

Новые цели и задачи предполагают перестройку всей системы, ведь формирование критического мышления невозможно без диалога и интерактивных методов обучения. Среди интерактивных методов все большую популярность приобретает проектный метод. Цель данного исследования — проанализировать возможности и границы применимости данного метода в процессе изучения философии в вузе и оценить его потенциал в вопросе актуализации философского знания.

Методология

Теоретической базой исследования является междисциплинарный подход, позволяющий анализировать образовательную практику в контексте, с одной стороны, философии образования, с другой — социокультурных изменений, происходящих в обществе. В основе исследования лежит эмпирическое обобщение, анализ и интерпретация результатов работы с использованием метода проектов в процессе преподавания курса философии автором статьи. Сравнительный метод, использованный при анализе представленного в научном дискурсе опыта других преподавателей, позволил рассмотреть, сравнить и оценить различные практики данного метода. К аксиологическим основаниям исследования можно отнести субъектно-деятельностный и функционально-деятельностный подход к образовательному процессу.

Результаты исследования

Отцами проектного метода считаются американские исследователи Дж. Дьюи и У. Килпатрик. Хотя иногда в качестве прародителей метода называют и других, более древних мыслителей. Например, Р. Ханней считает, что идея метода принадлежит Аристотелю [Hanneu, 2018, с. 770], а Е. С. Полат связывает начало использования метода с работой архитектурных школ Европы XVII – первой половины XVIII вв. [Полат, 2010].

В основе проектного метода лежит идея эффективности получения знаний и формирования умений в ходе решения конкретных проблем. Однако, кроме общей идеи, говорить о единстве в трактовке метода сложно. Причина не только

в современных трактовках метода, но и в принципиальных различиях между концепциями основателей метода: различиях, позволяющих говорить о существовании двух разных методов проекта — методе У. Килпатрика и методе Дж. Дьюи [Sutinen, 2013, p. 1052]. Новая волна популярности проектного метода в конце XX – начале XXI в. (первая относится к началу XX в.) характеризуется довольно вольной трактовкой как самого метода, так и понятия «проект». Вот одно из современных определений: «Метод проектов представляет собой исследование определенной проблемы, субъективно или социально значимой, и ее решение, оформленное в виде конкретного продукта (“проекта”)» [Алашеева, Коломейцева, Макакенко, 2017, с. 7]. Продуктом может быть практически все что угодно: научная статья, выступление на конференции, видеоролик, event-мероприятие, стенгазета, новый сайт и т. д. Такой обязательный компонент, как проблема, позволяет говорить о сходстве [Полат, 2010], а иногда и тождестве проектного метода и проблемного подхода [Daneykin, Kalpinskay, & Fedotova, 2020, p. 1402]. При такой трактовке рамки проектного метода еще больше расширяются.

Причины популярности и одновременно плюсы метода становятся понятны благодаря широкому спектру проблем, которые он, с точки зрения исследователей, призван решить, проблем, во многом сходных с проблемами преподавания философии. Например, Ю. В. Данейкин, О. Е. Калпинская и Н. Г. Федотова прямо пишут о том, что «проектно-ориентированная модель в условиях российской системы высшего образования выполняет задачу *дополнения и актуализации* [выделено нами. — М. С.] дисциплинарного подхода к обучению» [Daneykin, Kalpinskay, & Fedotova, 2020, p. 1406]. Также они отмечают роль проектного метода в развитии мягких навыков, «приобретающих решающее значение в эру нестабильности и высокой динамичности социальных процессов» [Ibid]. Общественные изменения, становление постиндустриальной экономики и новый набор умений, необходимый для успешной профессиональной деятельности в современном обществе, считают одной из причин популярности идеи проектов и зарубежные исследователи [Waks, 1997, p. 392–393; Kolodziejski, & Przybysz-Zaremba, 2017, p. 27; Cleveland-Innes & Garrison, 2012, p. 5; Zhylykybay, Magzhan et al., 2014, p. 602]. Л. Уэкс, опираясь на идеи Дж. Дьюи о роли школы в обучении коммуникации и социальному взаимодействию, возлагает на проектный метод надежды в деле формирования «демократического варианта постиндустриального порядка» [Waks, 1997, p. 402–403], а Р. Ханней выделяет в проектной деятельности даже онтологическую составляющую [Hanney, 2018].

В России разговор о проектной деятельности чаще всего ведется в рамках вопроса о реформировании образовательной системы. Очевидно, что практическая составляющая метода способствует формированию профессиональных умений и навыков. Помимо этого, метод помогает выстроить индивидуальную траекторию обучения [Виликотская, 2015; Данейкин, Калпинская, Федотова, 2020], увеличивает степень вовлеченности, активности и самостоятельности студентов [Алашеева, Коломейцева, Макакенко, 2017; Кулешова, Скрябина, 2021], расширяет возможности использования междисциплинарного подхода

[Старчикова, Шакурова, Мощенок, 2018; Данейкин, Калпинская, Федотова, 2020]. Некоторые исследователи даже считают, что проектная деятельность может стать ключевым фактором в процессе изменения системы высшего образования [Daneykin, Kalpinskay, & Fedotova, 2020].

На данный момент накоплен достаточно большой опыт использования проектного метода в процессе преподавания общегуманитарных (непрофильных) дисциплин. В Уральском федеральном университете и Рязанском филиале Московского Политеха проектный метод используется в преподавании философии. В первом случае основной формой проекта служит философская рецензия на литературное произведение или произведение из области кино, музыки, искусства [Алашеева, Коломейцева, Макаенко, 2017]. Во втором случае, так как проект понимается максимально широко, доклад-презентация на заданную тему также рассматривается в качестве такового [Виликотская, 2015]. В ряде вузов метод проектов используется для актуализации других дисциплин общегуманитарного цикла. Например, в Ивановском государственном политехническом университете проведен лонгитюдный эксперимент, доказавший повышение заинтересованности студентов технических специальностей в изучении истории при использовании проектного метода [Кулешова, Скрыбина, 2021]. Эти и другие примеры использования проектного метода будут служить для сравнения с моделью, предлагаемой автором статьи.

Дадим краткое описание представляемой модели. Проект условно называется «Представление философа». Мы сознательно избегаем таких слов, как «доклад» или «сообщение», так как они зачастую ассоциируются с чем-то официальным. Но результатом работы должен стать не сухой формальный доклад, а знакомство с философом, который интересен тем, кто работает над проектом, и с которым они действительно хотят познакомить слушателей (представить). Перед обучающимися не ставится задача рассказать обо всех его идеях, их задача показать актуальность философа (конкретной идеи или книги), заинтересовав тем самым своих одногруппников.

Работа над проектом включает в себя несколько этапов. Первый этап — это *выбор темы проекта*. Обучающиеся должны выбрать не просто философа, но определенную книгу и обосновать свой выбор, объяснив, чем эта книга и ее автор интересны каждому участнику проекта, какие актуальные проблемы в ней поднимаются, почему ее стоит читать и обсуждать. Для этого требуется изучить описание или краткое содержание книги в Интернете, прочитать хотя бы несколько страниц самой книги, оценить стилистику автора и сложность текста. Естественно, представление о книге будет лишь предварительным, составленным в основном по вторичным источникам. Однако сравнение первоначального представления и того, которое сформируется после прочтения книги полностью, — ценный опыт, наглядно демонстрирующий различие между знанием, формируемым на основе первоисточников, и знанием, полученным в результате знакомства с источниками вторичными. Различие, осознание которого является предварительным условием для перехода, говоря словами

одного из исследователей, от «школы воспроизведения» к «школе мышления» и далее — к «школе понимания» [Кулешова, Скрыбина, 2021, с. 172].

В помощь обучающимся предлагается примерный список философов (книг), который может быть дополнен по их желанию. Возможность самостоятельно выбрать тему проекта позволяет в большей мере учесть интересы студентов и изменить соотношение пассивного и активного обучения — *from teaching to learning* [Данейкин, Калпинская, Федотова, 2020, с. 104]. Однако, с нашей точки зрения, целесообразно ограничить выбор философов XIX–XXI вв., так как знакомство в первую очередь с современной философией позволяет лишней раз продемонстрировать, что философия — это не только история, философия — это живая, развивающаяся наука, откликающаяся на современные злободневные проблемы.

Чтобы быть актуальной, философия должна «проживаться», философские концепции должны рассматриваться сквозь призму личного опыта обучающихся. Поэтому важно, чтобы обоснование не было формальным. Тем более что проект предполагает высокий уровень активности и самостоятельности, а в их основе всегда лежит формулировка проблемы [Sutinen, 2013, p. 1046]. Как показывает опыт реализации данной модели, чаще всего выбирают книги, которые так или иначе связаны с повседневными проблемами, книги, в которых видят связь с практикой. Например, в книге П. Сингера «Освобождение животных» рассматриваются такие вопросы, как закрытие цирков и зоопарков, отказ от изделий из натуральной кожи и меха. Но, читая книгу, обучающиеся понимают, что для решения этих практических вопросов необходимо ответить на вопросы философские: «Является ли человек единственным живым существом, обладающим сознанием? Обладают ли разные живые организмы равными правами?». Другой пример — книга Симоны де Бовуар «Второй пол». В основании знаменитого афоризма «Женщиной не рождаются, женщиной становятся» лежит определенный ответ на вопрос о сущности человека, о соотношении в нем биологического и социального.

Второй этап работы над проектом — *чтение текста, его конспектирование, анализ и комментирование*. Конкретная книга как основание проекта — принципиальный момент. Конечно, темы проекта могут быть достаточно широкие. Такие темы, как «Юмор в сети Интернет», «Место человека в пространстве техники», «Философия языка», несомненно, интересны студентам [см., например, Виликотская, 2015; Старчикова, Шакурова, Мощенко, 2018]. Однако, взяв такую широкую тему, студенты, скорее всего, пойдут по легкому пути: найдут в Интернете статью с похожим названием и перескажут ее, хорошо, если своими словами, а могут ограничиться и простым цитированием. Но в основе проекта должны лежать знания, причем знания, добытые самостоятельно, ведь развитие и формирование компетенций, которые обеспечивает проектный метод, — это лишь «дополнение к традиционным целям образования, пусть важное, востребованное временем, современное, но — дополнение» [Жукоцкая, Черненькая, 2017, с. 70].

Современные студенты в большинстве своем не только не приучены и зачастую боятся читать большие тексты, но и из двух стратегий работы с текстом — «рассказывание знаний» и «создание нового знания» — чаще выбирают первую [Huutinen, Löfström, & Lindblom-Yläne, 2017]. Результаты масштабного социологического исследования финских студентов педагогических специальностей показало, что, многие студенты «плохо подготовлены к обучению в университете, так как не умеют писать, не умеют приводить аргументы, не умеют интерпретировать тексты» [Huutinen, Toom, & Postareff, 2018]. Предполагаем, что нарисованная картина знакома российскому преподавателю. Работа с текстом — один из лучших способов развития навыка критического мышления и в целом навыка анализа информации [Follmer, & Sperling, 2018]. Поэтому на втором этапе обучающимся предлагается прочитать книгу и законспектировать ее. Но то, что мы называем конспектом, на самом деле выходит за его рамки и включает в себя впечатления от книги, основные идеи книги, сформулированные своими словами, собственно конспект отдельных — самых значимых с точки зрения читателя — глав, комментариев к тексту, собственную позицию по рассматриваемым проблемам, согласие или несогласие с автором.

Таким образом, работа с конкретным текстом позволяет выделить основные умения, которые должны формироваться в процессе работы над проектом. В данном случае умение анализировать и интерпретировать текст. По этой же причине, с нашей точки зрения, предпочтительнее проекты, в которых понятно, на формировании какого умения сделан акцент. Например, при работе над проектом «Текстильные династии Ивановской области» (Ивановский государственный политехнический университет) или проектом, посвященным 70-летию Победы (Княгининский университет) студенты работали с архивными материалами, брали интервью и проводили опрос среди местных жителей [Кулешова, Скрябина, 2021; Гузнова, Павлова, Шумилов, 2015].

Второй этап — самый важный и именно с ним связано большинство трудностей, поэтому обучающихся необходимо готовить к работе над проектом. Целесообразно на первых семинарских занятиях давать задания по конспектированию и комментированию философских текстов, в ходе обсуждения прочитанного предлагать выделить основные идеи и аргументы автора, а также стимулировать дискуссию, поощряя обучающихся не только пересказывать текст, но и формулировать собственное отношение к прочитанному. Атмосфера «образовательного общения», характеризующаяся «максимальной открытостью, при которой студент чувствовал бы свою интеллектуальную состоятельность и успешность», — необходимое условие успешной работы над проектом [Замощанский, Конашкова, 2021, с. 32].

Конечно, проектная деятельность может быть организована по-разному. Однако наиболее эффективной она будет при постоянном консультировании (тьюторстве) и в какой-то степени контроле со стороны преподавателя. На первый взгляд, данное утверждение противоречит сути проектного метода, в котором учителю отводится вспомогательная роль. Однако, например, Дж. Дьюи

считал, что ученики нуждаются в помощи учителя, а проект — это результат совместной деятельности учителя и обучающихся. Те, кто на практике отводит учителю существенную роль, на словах иногда остаются сторонниками его минимальной роли. Например, польские авторы М. Колодзейски и М. Пшибыш-Заремба пишут о вспомогательной функции учителя, однако уже на следующей странице они приводят внушительную таблицу того, что должен делать учитель [Kolodziejcki, & Przybysz-Zaremba, 2017, p. 29–30]. С нашей точки зрения, ситуация, когда обучающиеся готовят проект самостоятельно, — это цель, к которой нужно стремиться, это то, что они должны уметь к концу обучения в вузе. Но для этого использование проектного метода должно носить системный характер, как, например, в НовГУ [Данейкин, Калпинская, Федотова, 2020]. На первом курсе, на котором обычно читается курс философии, предоставление полной самостоятельности будет способствовать воспроизведению привычных для студентов форм работы, а отнюдь не формированию новых навыков. При этом консультирование и помощь ни в коем случае не должны превращаться в давление или навязывание определенной точки зрения.

Третий этап — *подготовка выступления*. На этом этапе обучающиеся продумывают тезисы своего выступления, решают, как актуализировать материал и заинтересовать слушателей, а также определяют формы работы с аудиторией. Интерактивность выступления — одно из требований: в ходе защиты проекта, выступающие должны не только рассказывать, но и взаимодействовать со слушателями (задавать им вопросы, предлагать выполнить те или иные задания, инициировать дискуссию).

Умение представлять свой проект полезно для студентов любого направления, но в педагогическом вузе оно приобретает первостепенное значение, так как напрямую связано с формированием профессиональных компетенций будущих учителей. Умение структурировать материал, четко формулировать свои мысли, аргументировать их, выбирать методы, наиболее подходящие для представления той или иной темы, умение заинтересовать слушателей — всему этому студенты учатся каждый день, в том числе наблюдая за работой преподавателей. В случае с проектом по философии им предлагается применить накопленные знания и попробовать себя в роли преподавателя — того, кто хочет чему-то научить, о чем-то рассказать. Поэтому четвертый этап работы — это *защита проекта*.

Пятый этап — *рефлексия*, то есть анализ проделанной работы авторами проекта, отзывы слушателей, а также оценка работы преподавателем.

Дискуссионные вопросы

Выбор проектного метода в качестве центральной или одной из педагогических технологий влечет за собой изменение набора требований, предъявляемых к преподавателю. Так, руководство проектами требует от преподавателя

не только широкого кругозора, но и психологической готовности сопровождать обучающихся при подготовке проектов на темы, которые ему неинтересны или недостаточно знакомы. Руководство проектами достаточно трудозатратный процесс. С одной стороны, преподавателю необходимо держать в голове и вникать сразу в несколько проектов, с другой — помощь, которая требуется учащимся при подготовке проекта, очень разнообразна: кому-то нужно помочь выбрать книгу, кто-то испытывает затруднения при анализе текста, у кого-то отсутствует опыт изложения материала своими словами, некоторые студенты не умеют делать презентации, а кто-то и вовсе не может договориться и распределить работу внутри команды. О том, что далеко не все нынешние преподаватели готовы и хотят исполнять эту роль, написано достаточно много [например, Daneykin, Kalpinskaya, & Fedotova, 2020, p. 1406]. Но, с нашей точки зрения, неправильно возлагать ответственность за качество образования только на преподавателя (вуз), ведь без должного желания и подготовки самих обучающихся использование проектного метода невозможно. Не случайно теоретики — основатели проектного метода — во главу угла ставили именно потребности учеников и их готовность ставить цели и действовать ради их достижения. Согласимся с польскими исследователями, что «ключевым фактором успешности метода проекта является готовность обучающихся принять на себя ответственность за действия, определенные в проекте» [Kolodziejcki, & Przybysz-Zaremba, 2017, p. 31]. Как преподаватель должен взять на себя роль тьютора, так и обучающийся должен принять роль независимого и активного ученика [Cleveland-Innes, & Garrison, 2012, p. 20]. Однако в большинстве статей, посвященных использованию метода проектов в вузе, данное условие мыслится как априори данное, а обучающиеся наделяются характеристиками «сознательных агентов изменений» [Hanneu, 2018, p. 780]. В результате складывается впечатление, что проблема только в нехватке преподавателей, готовых использовать новые педагогические технологии. Но практика показывает, что далеко не все обучающиеся готовы к подобной форме работы, многие предпочитают традиционные, более формальные задания. Причем с данной проблемой сталкиваются и вузы, в которых использование метода проектов носит системный характер [Daneykin, Kalpinskaya, & Fedotova, 2020, p. 1406].

Заключение

Метод проектов не единственный метод, позволяющий актуализировать преподавание философии в вузе. Но он может стать «точкой сборки» [Алашеева, Коломейцева, Макаенко, 2017, с. 8]. Может способствовать тому, чтобы философия в глазах современных студентов, привыкших считать каждую минуту и не желающих тратить время на бесполезные предметы, если и не встала в один ряд с дисциплинами профессионального цикла, заняла, говоря словами одного из студентов, промежуточное положение между предметами

профессиональными и теми, что «нужно пересидеть». Дальнейшие исследования в этой области должны быть направлены на разработку разных моделей проектной деятельности, позволяющих решать задачи обучения специалистов разных специальностей.

Список источников

1. Алашеева Р. В., Коломейцева Т. С., Макаенко Я. А. «Философская рецензия» как реализация метода проектов в обучении философии [Электронный ресурс] // Педагогическое образование в России. 2017. № 17. С. 6–12. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28158846>
2. Виликотская Л. А. Проектный метод и вузовская философия [Электронный ресурс] // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2015. № 1 (46). С. 7–14. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23272563>
3. Гузнова А. В., Павлова О. А., Шумилов О. Н. Проектная деятельность как средство реализации научно-исследовательской работы и способ гражданско-патриотического воспитания студентов-бакалавров в рамках дисциплин социально-гуманитарного цикла [Электронный ресурс] // Вектор науки Тольяттинского государственного университета: Серия: Педагогика, психология. 2015. № 4 (23). С. 61–65. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25375799>
4. Данейкин Ю. В., Калпинская О. Е., Федотова Н. Г. Проектный подход к внедрению индивидуальной образовательной траектории в современном вузе // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 8–9. С. 104–116. DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-8-9-104-116>
5. Жукоцкая А. В., Черненькая С. В. Компетентностный и знаниевый подходы в образовании: борьба или единство [Электронный ресурс] // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2017. № 3 (23). С. 64–71. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30362070>
6. Замощанский И. И., Конашкова А. М., Пырьянова О. А. Технология развития критического мышления как средство актуализации учебного процесса по философии [Электронный ресурс] // Общество: философия, история, культура. 2021. № 2 (2). С. 27–33. DOI: <https://doi.org/10.24158/fik.2021.2.3>
7. Кулешова И. Н., Скрыбина Е. В. Проектная деятельность образовательного процесса по общественным дисциплинам в техническом вузе [Электронный ресурс] // Известия высших учебных заведений. Технология текстильной промышленности. 2021. № 2 (392). С. 169–172. DOI: https://doi.org/10.47367/0021-3497_2021_2_169
8. Навыки будущего. Что нужно знать и уметь в новом сложном мире / Е. Лошкарева, П. Лукша, И. Ниненко и др. М., 2017. 93 с. [Электронный ресурс]. URL: https://worldskills.ru/assets/docs/media/WSdoklad_12_okt_rus.pdf
9. Полат Е. С. Метод проектов: история и теория вопроса [Электронный ресурс] // Полат Е. С., Бухаркина М. Ю. Современные педагогические и информационные технологии в системе образования. М.: Академия, 2010. С. 193–200. URL: <https://studfile.net/preview/6306194/>
10. Сахарова М. В. Философия в вузе: мать всех наук или падчерица? [Электронный ресурс] // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Философские науки». 2016. № 2 (18). С. 49–56. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26288785>

11. Старчикова И. Ю., Шакурова Е. С., Мощенок Г. Б. Проектная деятельность как инновационная составляющая в гуманитарном блоке образовательного процесса технического вуза [Электронный ресурс] // Перспективы науки и образования. 2018. № 4 (34). С. 52–57. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35534450>
12. Cleveland-Innes M., Garrison R. Higher Education and Post-industrial Society: New Ideas about Teaching, Learning, and Technology // The Next Generation of Distance Education. Boston: Springer, 2012. P. 221–233. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-4614-1785-9_15
13. Daneykin Y., Kalpinskaya O., Fedotova N. Project activities at the university: Russian and European Experience // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences (EpsBS). 2020. Vol. 108. P. 1400–1407. DOI: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2021.05.02.178>
14. Follmer D. J., Sperling R. A. Interactions between reader and text: Contributions of cognitive processes, strategy use, and text cohesion to comprehension of expository science text // Learning and Individual Differences. 2018. Vol. 67. P. 177–187. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.lindif.2018.08.005>
15. Hanney R. Doing, being, becoming: a historical appraisal of the modalities of project-based learning, Teaching in Higher Education // Teaching in Higher Education. 2018. Vol. 23. Issue 6. P. 769–783. DOI: <https://doi.org/10.1080/13562517.2017.1421628>
16. Hyytinen H., Löfström E., Lindblom-Ylänne S. Challenges in argumentation and paraphrasing among beginning students in educational science // Scandinavian Journal of Educational Research. 2017. № 61 (4). P. 411–429. DOI: <https://doi.org/10.1080/00313831.2016.1147072>
17. Hyytinen H., Toom A., Postareff L. Unraveling the Complex Relationship in Critical Thinking, Approaches to Learning and Self-efficacy Beliefs among First-year Educational Science Students // Learning and Individual Differences. 2018. Vol. 67. P. 132–142. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.lindif.2018.08.004>
18. Kolodziejcki M., Przybysz-Zaremba M. Project Method in Educational Practice [Электронный ресурс] // University Review. 2017. Vol. 11. № 4. P. 26–32. URL: https://www.researchgate.net/publication/321542427_Project_Method_in_Educe
19. Sutinen A. Two Project Methods: Preliminary observations on the similarities and differences between William Heard Kilpatrick's project method and John Dewey's problem-solving method // Educational Philosophy and Theory. 2013. Vol. 45. № 10. P. 1040–1053. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1469-5812.2011.00772.x>
20. Waks L. J. The project method in postindustrial education // Journal of Curriculum Studies. 1997. Vol. 29. № 4. P. 391–406. DOI: <https://doi.org/10.1080/002202797183964>
21. Zhylykybay G., Magzhan S., Suinzhanova Z., Balaubekov M. The Effectiveness of Using the Project Method in the Teaching Process [Электронный ресурс] // Procedia: Social and Behavioral Sciences. 2014. № 143. P. 621–624. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1877042814043766>

References

1. Alasheeva, R. V., Kolomeytseva, T. S., & Makakenko, Y. A. (2017). «Filosofskaya retsenziya» kak realizatsiya metoda proektov v obuchenii filosofii [«The philosophical review» as a project method of teaching philosophy]. *Pedagogical Education in Russia*, 17, 6–12. (In Russian). Retrieved from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28158846>
2. Cleveland-Innes, M., & Garrison, R. (2012). Higher Education and Post-industrial Society: New Ideas about Teaching, Learning, and Technology. In: *The Next Generation of Distance Education*. Boston: Springer. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-4614-1785-9_15

3. Daneykin, Yu. V., Kalpinskaya, O. E., & Fedotova, N. G. (2020). Proektnyi podkhod k vnedreniiu individual'noi obrazovatel'noi traektorii v sovremennom vuze [Project Approach to the Implementation of Individual Educational Paths in Modern University]. *Higher Education in Russia*, 29-8-9, 104–116. (In Russian). DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-8-9-104-116>
4. Daneykin, Y., Kalpinskaya O., & Fedotova N. (2020). Project activities at the university: Russian and European Experience. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences (EpSBS)*, 108, 1400–1407. DOI: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2021.05.02.178>
5. Follmer, D. J., & Sperling, R. A. (2018) Interactions between reader and text: Contributions of cognitive processes, strategy use, and text cohesion to comprehension of expository science text. *Learning and Individual Differences*, 67, 177–187. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.lindif.2018.08.005>
6. Guznova, A. V., Pavlova, O. A., & Shumilov, O. N. (2015). Proektnaia deiatel'nost' kak sredstvo realizatsii nauchno-issledovatel'skoi raboty i sposob grazhdansko-patrioticheskogo vospitaniia studentov-bakalavrov v ramkakh distsiplin sotsial'no-gumanitarnogo tsikla [Projecting activity as a means to implement the research work and a way of civil and patriotic education of undergraduate students within subjects of social and humanitarian cycle]. *Vector of Science of Togliatti State University. Series: Pedagogy, Psychology*, 4 (23), 61–65. (In Russian). Retrieved from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25375799>
7. Hanney, R. (2018). Doing, being, becoming: a historical appraisal of the modalities of project-based learning, Teaching in Higher Education. *Teaching in Higher Education*, 23–6, 769–783. DOI: <https://doi.org/10.1080/13562517.2017.1421628>
8. Hyytinen, H., Löfström, E., & Lindblom-Ylänne, S. (2017) Challenges in argumentation and paraphrasing among beginning students in educational science. *Scandinavian Journal of Educational Research*, 61 (4), 411–429. DOI: <https://doi.org/10.1080/00313831.2016.1147072>
9. Hyytinen, H., Toom, A., & Postareff, L. (2018). Unraveling the Complex Relationship in Critical Thinking, Approaches to Learning and Self-efficacy Beliefs among First-year Educational Science Students. *Learning and Individual Differences*, 67, 132–142. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.lindif.2018.08.004>
10. Kuleshova, I. N., & Skryabina, E. V. (2021). Proektnaia deiatel'nost' obrazovatel'nogo protsessa po obshchestvennym distsiplinam v tekhnicheskome vuze [Project activity of the educational process for public disciplines at a technical university]. *Proceedings of higher educational institutions. Textile industry technology*, 2 (392), 169–172. (In Russian). DOI: https://doi.org/10.47367/0021-3497_2021_2_169
11. Kolodziejcki, M., & Przybysz-Zaremba, M. (2017). Project Method in Educational Practice. *University Review*, 11–4, 26–32. Retrieved from: https://www.researchgate.net/publication/321542427_Project_Method_in_Educational_Practice
12. Loshkareva, E., Luksha P., Nineko I., Smagin I., & Sudakov D. (2017). *Navyki budushchego. Chto nuzhno znat' i umet' v novom slozhnom mire* [Skills of the future. What you need to know and be able to do in a new complex world]. Moscow. 93 p. (In Russian).
13. Polat, E. S. (2010). Metod proektov: istoriia i teoriia voprosa [Project method: history and theory of the issue]. In: Polat, E. S., & Bukharkina M. Iu. (2010). *Modern pedagogical and information technologies in the education system* (pp. 193–200). Moscow: Academy. (In Russian). Retrieved from: <https://studfile.net/preview/6306194/>
14. Sakharova, M. V. (2016). Filosofii v vuze: mat' vsekh nauk ili padcheritsa? [Philosophy at the university: the mother of all sciences or stepdaughter?]. *MCU Journal*

of *Philosophical Sciences*, 2 (18), 49–56. (In Russian). Retrieved from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26288785>

15. Sutinen, A. (2013). Two Project Methods: Preliminary observations on the similarities and differences between William Heard Kilpatrick's project method and John Dewey's problem-solving method. *Educational Philosophy and Theory*, 45–10, 1040–1053. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1469-5812.2011.00772.x>

16. Starchikova, I. Yu., Shakurova, E. S., & Moshchenok, G. B. (2018). Proektnaia deiatel'nost' kak innovatsionnaia sostavliaiushchaia v gumanitarnom bloke obrazovatel'nogo protsessa tekhnicheskogo vuza [Design activities as innovative component in liberal arts section of educational process in technical university]. *Prospects for Science and Education*, 4 (34), 52–57. (In Russian). Retrieved from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35534450>

17. Velikotskaya, L. A. (2015). Proektnyi metod i vuzovskaia filosofiiia [The project method and philosophy in higher education]. *Ryazan State University Bulletin S. A. Yesenin*, 1 (46), 7–14. (In Russian). Retrieved from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23272563>

18. Zamoshchansky, I. I., Konashkova, A. M., & Pyryanova, O. A. (2021). Tekhnologiya razvitiia kriticheskogo myshleniia kak sredstvo aktualizatsii uchebnogo protsessa po filosofii [Technology of critical thinking development as a means of updating the educational process in philosophy]. *Society: Philosophy, History, Culture*, 2 (2), 27–33. (In Russian). DOI: <https://doi.org/10.24158/fik.2021.2.3>

19. Waks, L. J. (1997) The project method in postindustrial education. *Journal of Curriculum Studies*, 29–4, 391–406. DOI: <https://doi.org/10.1080/002202797183964>

20. Zhukotskaya, A. V., & Chernenkaya, S. V. (2017). Kompetentnostnyi i znanievyi podkhody v obrazovanii: bor'ba ili edinstvo [Competence and Knowledge Approaches in Education: Fight or Unity]. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 3 (23), 64–71. (In Russian). Retrieved from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30362070>

21. Zhylykybay, G., Magzhan, S., Suinzhanova, Z., & Balaubekov, M. (2014). The Effectiveness of Using the Project Method in the Teaching Process. *Procedia: Social and Behavioral Sciences*, 143, 621–624. Retrieved from: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1877042814043766>

Информация об авторе / Information about the autor:

Мария Викторовна Сахарова — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук МГПУ.

129226, Россия, Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр., д. 4

Maria Victorovna Sakharova — PhD (Philosophy), Associate Professor, Associate Professor of the All-university Department of Philosophy and Social Sciences, Institute of Human Sciences of Moscow City University.

2-i Sel'skokhoziaistvennyi pr., d. 4, Moscow, Russia, 129226

E-mail: SakharovaMV@mgpu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научно-исследовательская

УДК 101.1:316

DOI: 10.25688/2078-9238.2022.41.1.03

ПАТРИОТИЗМ КАК ЦЕЛЕВОЙ ОРИЕНТИР ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ ОБРАЗОВАНИЯ И КУЛЬТУРЫ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Г. М. Гогиберидзе

Московский городской педагогический университет,

2-й Сельскохозяйственный пр., 4, Москва, Россия, 129226

E-mail: giya28@mail.ru

М. А. Скрынник

Московский городской педагогический университет,

2-й Сельскохозяйственный пр., 4, Москва, Россия, 129226

E-mail: MA.1S@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается патриотизм как ценностный и целевой ориентир социального сотрудничества сфер образования и культуры. Об актуальности исследуемой проблемы говорит тот факт, что в постсоветскую эпоху отношение российских граждан к патриотизму в разных социальных группах колебалось от полного неприятия до безусловной поддержки. Насущным остается изучение причин такого положения. Значимость аксиологического аспекта определяется выявлением ценностно-смысловых установок гражданской идентичности современных россиян, которые, согласно концепции культурной травмы (П. Штомпка), находятся в континууме двух типов: от использования активных стратегий совладания с трудностями до пассивной стратегии примирения с ними. Исходя из этого, поставлена цель исследования: выявить эффективные формы и методы управления процессом гражданско-патриотического воспитания с использованием потенциала различных социальных институтов. Данная цель обусловила выбор методов исследования: анализ научной и методической литературы; социологический опрос; открытое включенное наблюдение; системный и сравнительный анализ результатов учебно-воспитательной и просветительской деятельности; обобщение накопленного опыта. Теоретико-прикладное исследование позволило сделать вывод о том, что часть современной российской молодежи, вопреки распространенным стереотипам, обладает позитивной гражданской идентичностью. При этом основными идентификационными патриотическими символами остаются: победа в Великой Отечественной войне, покорение космоса, спортивные успехи соотечественников, а также достижения в сфере науки, образования, культуры и искусства. В то же время представители подрастающего поколения в современной России не находят события и процессы, которые могли бы обладать ценностным значением патриотизма. В условиях кризиса гражданской и культурной идентичности и распространения радикальной патриотической риторики как националистическими, так и космополитическими

группами объединение усилий социальных институтов образования и культуры позволит создать востребованный в современном российском обществе мультидисциплинарный практико-ориентированный продукт: научно обоснованную систему воспитания, нацеленную на формирование патриотических установок и ценностных ориентаций.

Ключевые слова: патриотизм, ценностно-смысловые установки, гражданская идентичность, взаимодействие социальных институтов, мультидисциплинарный практико-ориентированный продукт.

Для цитирования: Гогиберидзе Г. М., Скрынник М. А. Патриотизм как целевой ориентир взаимодействия социальных институтов образования и культуры: аксиологический аспект // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2022. № 1 (41). С. 33–46. DOI: <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2022.41.1.03>

Scientific Research

UDC 101.1:316

DOI: 10.25688/2078-9238.2022.41.1.03

PATRIOTISM AS A TARGET GUIDELINE FOR THE INTERACTION OF SOCIAL INSTITUTIONS OF EDUCATION AND CULTURE: AXIOLOGICAL ASPECT

Georgi M. Gogiberidze

Moscow City University,
2-i Sel'skokhoziaistvennyi pr., 4, Moscow, Russia, 129226
E-mail: gija28@mail.ru

Maksim A. Skrynnik

Moscow City University,
2-i Sel'skokhoziaistvennyi pr., 4, Moscow, Russia, 129226
E-mail: MA.1S@yandex.ru

Abstract. The article examines patriotism as a value and target reference point for social cooperation in the spheres of education and culture. The relevance of the problem under study is evidenced by the fact that in the post-Soviet era, the attitude of Russian citizens to patriotism in different social groups ranged from complete rejection to unconditional support. The study of the reasons for this situation remains urgent. The importance of the axiological aspect is determined by the identification of value-semantic attitudes of civil identity of modern Russians, which, according to the concept of Cultural trauma (P. Shtompka), are in a continuum of two types: from the use of active strategies of coping with difficulties to a passive strategy of reconciliation with them. Based on this, the goal of the study was set: to identify effective forms and methods of managing the process of civil-patriotic education using the potential of various social institutions. This goal determined the choice of research methods: analysis of scientific and methodological literature; sociological survey; open surveillance; systemic and comparative analysis of the results of teaching and educational and educational activities; generalization of the accumulated experience. Applied-theoretical research has led to the conclusion that

a part of today's Russian youth, contrary to common stereotypes, has a positive civic identity. At the same time, the main identification patriotic symbols remain: victory in the Great Patriotic War, the conquest of space, the sporting successes of compatriots, as well as achievements in science, education, culture and art. At the same time, representatives of the younger generation in modern Russia do not find events and processes that could have the value value of patriotism. In the context of the crisis of civic and cultural identity and the spread of radical patriotic rhetoric by both nationalist and cosmopolitan groups, combining the efforts of social institutions of education and culture will create a multidisciplinary practice-oriented product that is in demand in modern Russian society: a scientifically grounded educational system aimed at the formation of patriotic attitudes and value orientations.

Keywords: patriotism, value orientations, value-semantic attitudes, civic identity, interaction of social institutions, multidisciplinary practice-oriented product.

For citation: Gogiberidze, G. M., & Skrynnik, M. A. (2022). Patriotism as a Target Guideline for the Interaction of Social Institutions of Education and Culture: Axiological Aspect. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 1 (41), 33–46. (In Russian). <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2022.41.1.03>

В политическом дискурсе концепт патриотизма как нравственной ценности претерпел ряд содержательных трансформаций, отражающих радикальные изменения в обществе и государстве, и приобрел сложную, противоречивую коннотацию. Дискуссия о содержании патриотизма, его связи с национальной и гражданской идентичностью отражена во многих публикациях [Абрамов, 2014; Гаврилюк, Маленков, 2007; Пушкарева, 2011; Рубцова, Кексин, 2014]. Но развитие теоретического аспекта патриотизма не входит в задачи статьи. Однако, опираясь на данный концепт как обобщение отношений индивида с государством, рассмотрим тенденции восприятия современной России ее гражданами, а также ценностные характеристики патриотизма и особенности патриотического воспитания в условиях разрастающегося комплекса накопленных социальных обид.

Справедливости ради следует заметить, что во всех трансформациях — от династического до государственного патриотизма — сначала дореволюционного, а затем советского и постсоветского образца в исканиях русской интеллигенции, выдвигавшей либеральную, консервативную, классовую версии концепта, его содержание отражало поиск ценностной формы достижения общенациональной гражданской идентичности. Так, например, революционный концепт патриотического подъема победившего пролетариата вскоре сменяется новой версией державного патриотизма. По мнению исследователей, «если еще в конце 1920-х гг. понятия “патриотизм” и “отечество” являлись лишь “вспомогательными” компонентами в общей стратегии мировой революции, то уже в 1930-е годов на первый план выходит идея государственности» [Баранов, Пеницын, 2017, с. 33]. В иерархии нравственных ценностей периода 1930–1950-х годов безусловным приоритетом становится также военно-патриотическая составляющая, которая опирается на положение о священном долге каждого гражданина защищать социалистическое Отечество от империалистической

агрессии. С этого момента патриотизм превращается в неотъемлемую часть советской символической политики. Феномен советского патриотизма стал важнейшим фактором победы в Великой Отечественной войне.

С конца 1960-х годов в социально-экономической сфере советского общества появляются признаки кризисных явлений. Как это не раз бывало ранее в подобных ситуациях, советское руководство применило универсальный способ микширования негативных тенденций, который заключался в усилении идеологической работы. Новые задачи в этой сфере деятельности вызвали необходимость переосмысления самого концепта патриотизма. «Выравнивание уровня экономического и культурного развития бывших национальных окраин Российской империи, а ныне союзных республик, и последовавшая некоторая децентрализация политического управления, сделали возможным формирование новой идентичности, повлекшей изменение представлений о патриотизме как базовой общенациональной ценности» [Завершинский, 2020, с. 20]. Основной предпосылкой обновления представлений о патриотизме послужила потребность в механизмах формирования идентификационных связей, объединяющих социальные сообщества. «В этот период проблему патриотизма рассматривали, как правило, вместе или параллельно с проблемой интернационализма. Это было своеобразным противовесом национализму» [Агаев, 2015, с. 85]. Экстраполируя проблему распространения национализма на сегодняшний день, следует заметить, что поиск и применение действенных методов профилактики радикальных националистических идей сохраняет свою актуальность. «Патриотизм предполагает не только некую абстрактную любовь к Отечеству, но и способность к активным действиям и проявлениям патриотических чувств и настроений в социальном поведении» [Лебедева, 2017, с. 111].

Таким образом, можно констатировать, что содержание патриотизма, смысловые и ценностные трансформации гражданской идентичности носят конкретно исторический характер, отражающий особенности социально-экономической, политической и духовной сфер общественного и государственного развития. Проблема гражданской идентичности и гражданской сознательности с легкой руки Морриса Дженовица, опубликовавшего статью «Реконструкция патриотизма: воспитание гражданственности» [Janowitz, 2013, с. 125], оказалась в фокусе внимания многих современных западных исследователей. Особый интерес в этом плане представляет собой работа шведского ученого Йохана Сандаля «Гражданское самосознание», посвященная проблеме воспитания учащейся молодежи на основе специально разработанной методики изучения исторических дисциплин [Sandahl, 2015]. В русле социокультурной трансформации российского общества именно «гражданская ответственность для широких слоев населения, представителей разных поколений, является ценностным ориентиром в развитии социальной активности» [Лебедева, 2018, с. 6]. Социальная активность, о которой пишет Л. Г. Лебедева, у различных слоев и групп населения распределяется по-разному. Так, например, «молодым, образованным, урбанизированным группам свойственны неформальное самовыражение, стремление

к самореализации, социальная инициатива. В то же время для старшего поколения и сельских жителей присущи формы гражданского участия институционального, конвенционального характера» [Трофимова, 2015, с. 72].

Еще одной особенностью проявления патриотизма у современных россиян стало то обстоятельство, что, по данным социологических исследований, проведенных фондом «Общественное мнение» (ФОМ) в 2015 году, «значимые и имеющие системообразующую роль качества, проявляющиеся в патриотизме, в последние три десятилетия существенно ослабли» [Мареева, 2015, с. 62]. В целях изучения патриотизма как ценностного ориентира взаимодействия социальных институтов на данном этапе необходимо отметить и другие особенности.

Первое. Сущность патриотизма составляет установка на исполнение гражданского долга, основанная на уверенности гражданина в том, что его безопасность, система личностных ценностей и интересов защищены государственными и общественными институтами. «Одним из важнейших условий сохранения патриотических чувств является осознание национальных интересов, коррелирующих с интересами гражданина, т. е. формирование личностных смыслов и их реализация в деятельности. В систему национальных интересов могут быть включены: защита цивилизационной идентичности, национальной самобытности, этносоциальных архетипов, сохранение общенациональных и этнических культурных ценностей, а также развитие социальных институтов образования, здравоохранения, науки и др.» [Гогиберидзе, Шаповалова, 2016, с. 76]. Операционализацией данной переменной выступает чувство сопричастности к судьбе своей страны и своего народа, желание осознать единство личностных, общественных и государственных целей и интересов.

Второе. Гражданский патриотизм генерализирует систему политических ценностей в политическое сознание гражданской идентичности. Эта общенациональная гражданская идентичность не является суммой идентичностей национальностей (этносов), составляющих многонациональный народ, а носит наднациональный характер и относится к политической сфере. Ценностные ориентации гражданской идентичности и патриотизма включают три подсистемы, отражающие когнитивную, эмоциональную и волевую стороны политического сознания. Операционализацией данной переменной выступает чувство гордости за свою страну и выражение этого чувства в идентификационных патриотических символах. По мнению Г. Риккерта, «ценности носят надисторический характер и образуют в общем идеальный мир. Из этого мира исходят идеи. По мере осознания ценностей люди вырабатывают установки, которыми руководствуются в реальной жизни и поведении» [Риккерт, 1994, с. 56].

Третье. В условиях нарастания недоверия к институтам власти и гражданскому обществу в личностном политическом сознании начинает проявляться ценностный конфликт. Результатом данного конфликта становится формирование независимой переменной, представляющей собой совокупность установок, нацеленных на отрицание гражданского патриотизма как нравственной ценности. При этом формируется негативный ценностно-смысловой аспект гражданской

идентичности, становятся оппозиционными по отношению друг к другу идентификационные категории «мы — граждане» и «они — власть». Так же может проследиваться их замещение другими ценностями (неполитического примордиального характера), например опора на этническую или религиозную идентичность. Поэтому «в структуре политического сознания можно предположить наличие патриотических установок разной мировоззренческой направленности и разной интенсивности» [Кондраль, Кузьмин, 2020, с. 96].

В целях выявления ценностно-смысловых установок гражданской идентичности современных россиян в 2019 году в Москве, Санкт-Петербурге, Республике Карелия и Чувашской Республике был проведен социологический опрос, в котором приняли участие 618 респондентов. Репрезентативность опроса подтверждается тем обстоятельством, что его участники представляли собой разные социально-демографические, социально-экономические и этно-конфессиональные группы. В соответствии с обозначенными выше независимыми переменными, раскрывающими ценностно-смысловую составляющую патриотизма, респондентам был задан вопрос, чем они могли бы гордиться как граждане России. При этом можно было назвать один, два или несколько вариантов. Наибольшее число участников опроса (74,1 %) в качестве события, которым можно гордиться, назвали победу в Великой Отечественной войне. При этом 51,3 % опрошенных предметом своей гордости считают «историю страны вообще». Здесь следует отметить весьма значимую для данного исследования деталь: количество опрошенных, выбравших варианты ответа, связанные с общенациональной Победой и историей России в целом, существенно превышает число тех респондентов, кто гордится лишь принадлежностью к своему этносу (28,9 %). Конечно, гордость за свою нацию — это социально одобряемое чувство, но в данном конкретном случае принципиально важное значение имеет то обстоятельство, что в иерархии патриотических ценностей большинство опрошенных, независимо от региона проживания, национальной принадлежности и возрастных особенностей, предпочтение отдали не этническим, а общенациональным ценностям. В то же время лишь 20,6 % респондентов в качестве предмета гордости назвали различные объекты общероссийского культурного наследия. Ролью и местом России в мировом сообществе гордятся 19,5 % участников опроса, а демократическими преобразованиями в стране — 4,3 % (см. рис. 1).

Далее респондентам был задан уточняющий открытый вопрос о том, какие именно события или достижения сыграли, по их мнению, положительную роль в истории страны. После кодировки и распределения полученных ответов по кластерам выяснилось, что из общего числа опрошенных 486 человек (78,6 %) в качестве исторического события, которым можно гордиться, снова назвали победу в Великой Отечественной войне. Значительным оказалось число упоминаний, связанных с достижениями советского периода: «полет Юрия Гагарина» (38,3 %), «победа в гонке вооружений» (31,8 %), «создание ядерной бомбы» (28,8 %), «хоккей» (27,3 %), «балет» (17,9 %), «уровень образования» (11,5 %) и др. При этом вышеперечисленными достижениями свободно и часто оперировали не только зрелые

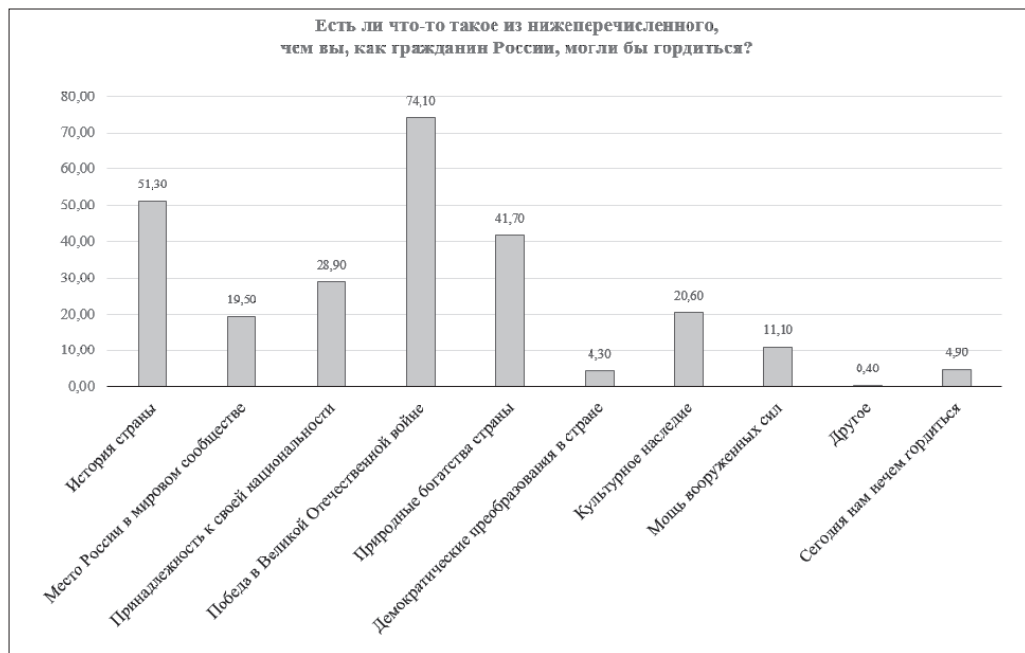

Рис. 1. Опрос о преобразованиях в стране

участники опроса, но и молодежь, т. е. респонденты, родившиеся в постсоветскую эпоху.

Следующий вопрос анкеты содержал просьбу назвать события, сыгравшие, на взгляд опрашиваемых, негативную роль в истории России. Анализ ответов и сопоставление полученных данных высветил следующую картину: 43,7 % респондентов считает, что наибольшее число бед и разрушений стране нанесли многочисленные войны, а также: распад Советского Союза (31,6 %), эпидемия коронавируса (28,2 %), внешние санкции (21,5 %). Однако самый высокий уровень негативных оценок, по общему мнению респондентов, принадлежащих к разным возрастным и этническим группам, получила совокупность факторов, которые условно можно объединить и отнести к социально-экономическим, правовым, социокультурным и политическим процессам современной России. Анализ и группировка ответов респондентов показывает, что дефицит внимания и результативности государственной политики в настоящее время ощущается по самому широкому спектру вопросов. При этом больше всего опрашиваемых волнуют проблемы развития экономики и тесно связанные с ней уровень и качество жизни, а также коррупция, вопросы развития сельского хозяйства и малого бизнеса, плачевное состояние здравоохранения, низкий уровень качества образования. Кроме того, особенно тревожным опрашиваемые назвали положение дел с ценами на продукты и товары первой необходимости, тарифы ЖКХ, размеры пенсий и зарплат, проблемы трудоустройства молодежи. Таким образом, круг актуальных вопросов пока еще по-прежнему задается доминантой стратегии выживания, а не развития.

Проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что, несмотря на обилие негативных факторов и оценок, 78,6 % респондентов на момент опроса в 2019 году обладало позитивной гражданской идентичностью, основными идентификационными патриотическими символами которой являются: победа в Великой Отечественной войне, покорение космоса, спортивные успехи соотечественников, а также достижения в сфере науки, образования, культуры и искусства. Таким образом, имеющиеся отдельные исследования, свидетельствующие о постепенной утрате в массовом сознании символического значения Великой Отечественной войны, не коррелируют с результатами опроса, подтвердившего, что она по-прежнему воспринимается как однозначно героическое и весьма значимое событие в истории Отечества. Данный символ прочно вошел в систему рангов доминирующих ценностей, что объясняется не только его героическим содержанием, но и тем обстоятельством, что в политическом сознании он ассоциируется с небывалой консолидацией многонационального советского народа, а также с высоким уровнем гражданской идентичности, проявленным в 1941–1945 годы.

В то же время, судя по результатам опроса, в современной политической истории страны респонденты видят недостаточно событий и процессов, которые могли бы обладать ценностным значением патриотизма и гражданской идентичностью. В системе идентификационных патриотических смыслов очень слабо представлены символы, которые означали бы не только прошлое, пусть и героическое, но и успешное современное развитие, а также вектор позитивных изменений в будущем. В целом исследование показало, что в общественном сознании функционирует достаточно устойчивая система мировоззренческих координат, обеспечивающая ее стабильную идентификацию.

В ходе следующего опросного исследования, которое состоялось в июле 2021 года в тех же регионах и с тем же контингентом участников, изучались социальные риски формирования негативных патриотических установок в случае конфликта ценностей в политическом сознании граждан, обусловленного дефицитом доверия к институтам государства и гражданского общества. Независимой переменной, позволяющей идентифицировать респондентов по признаку установки на патриотическое поведение, выступало признание ими данного поведения как социально одобряемого путем самоидентификации по критерию: «патриот – непатриот».

Подавляющее большинство респондентов (71,4 %) идентифицировались с позицией «патриот» или «скорее патриот». Еще 12,9 % опрошенных отнесли себя к «непатриотам». Затруднились ответить 15,7 %. Однако, как показал анализ ответов, полученных в группах «патриот» и «скорее патриот», на вопрос: «Каково ваше отношение к выполнению гражданского долга перед государством?», не все из них готовы проявлять патриотическое поведение. Менее половины опрошенных из числа «патриотов» (48,3 %) и «скорее патриотов» (42,6 %) выбрала ответы «граждане должны стремиться к выполнению гражданского долга, поскольку государство также выполняет свои обязательства

перед ними» или «граждане должны стремиться к выполнению гражданского долга, независимо от того, выполняет ли государство свои обязательства перед ними». В то же время 41,1 % «патриотов» и 47,4 % «скорее патриотов» считают, что «граждане не обязаны выполнять свой долг перед государством, поскольку государство само не выполняет свои обязанности перед ними». Таким образом, ту часть опрошенных, которая назвала себя «патриотами» или «скорее патриотами», но при этом не считает необходимым выполнять гражданский долг, условно назовем «оппозиционными патриотами».

Рассмотрим характеристики трех групп («патриотов», «оппозиционных патриотов» и «непатриотов») по возрастному и социально-экономическому признакам, которые, судя по результатам анализа полученных данных, высветили, в отличие от этноконфессиональных групп, существенную дифференциацию. Так, например, молодых (от 18 до 24 лет) «непатриотов» оказалось почти в три раза больше, чем зрелых (от 45 до 60 лет). Их соотношение выглядит следующим образом: 18,3 % против 6,6 %. И наоборот, «патриотов» в возрасте от 18 до 24 лет (24,4 %) также почти в три раза меньше, чем среди старшего поколения (68,1 %). К тому же молодых респондентов, затруднившихся ответить на вопрос о патриотических чувствах, на 11,4 % больше, чем зрелых опрашиваемых, испытавших сложности с самоидентификацией. При этом в группе «оппозиционных патриотов» наблюдалась несущественная разница в ответах между старшим и молодым поколением.

Помимо возрастных показателей заметна связь социально-экономического статуса респондентов с их отношением к патриотизму. Более половины опрашиваемых, оценивших свое экономическое состояние как «среднее» или «выше среднего», считают себя патриотами (56,1 %). В то же время лишь треть участников опроса, идентифицирующих свое материальное положение с позицией «ниже среднего» или «бедственное», назвали патриотами (32,4 %).

Таким образом, заметно влияние социально-экономических и демографических факторов на политическое поведение, и прежде всего на патриотические установки. Однако это влияние носит опосредованный характер, преломляясь в системе ценностей. При этом у всех групп респондентов, вне зависимости от их патриотических установок, имеется общее: универсальные ценности справедливости и защиты прав граждан. Также удалось выяснить, что респонденты, занимающие патриотические позиции, в большей степени разделяют традиционалистские и консервативные взгляды на государство, для них существенными являются ценности национальной безопасности и уважения к традициям. Этот контингент опрашиваемых чаще выбирает в качестве приоритета «сильное» и «справедливое» государство, и, напротив, «непатриоты» больше ценят «свободное» и «подлинно демократическое» государство. Респонденты, заявившие о своей «непатриотичности», более склонны поддерживать либеральные ценности: свободу слова, уважение к частной собственности и пр.

Задача формирования патриотических установок в сознании подрастающего поколения в условиях нарастания глобализационных процессов и распространения представлений о патриотизме как об устаревшей данности

достижима только при слаженном взаимодействии всех здоровых сил общества, и прежде всего социальных институтов образования и культуры. Кризис гражданской и культурной идентичностей среди прочих негативных явлений способствует разрушению традиционной системы ценностей, выступая в роли катализатора негативных процессов. П. Штомпка считает «воздействие на культурную идентичность наиболее глубоким, поскольку ввиду инерционности культурной сферы она сохраняется в коллективной памяти дольше других и передается от поколения к поколению... культурная травма может быть интерпретирована как угроза идентичности, поскольку приводит к разрушению привычного жизненного мира человека, искажает его мировосприятие, деформирует систему ценностей и норм» [Штомпка, 2005, с. 7].

В этих условиях философия, социология, психология, педагогика, культурология, развивающие ценностное учение о человеке, обществе и культуре, призваны найти оптимальное решение данной проблемы. Мультидисциплинарные исследования расширяют возможности объективного анализа деструктивных процессов, связанных в том числе с противоречием между традиционным содержанием патриотизма и новыми культуuroобразующими компонентами. Такой анализ необходим для решения прикладных задач по формированию продуктивных способов, методов и форм взаимодействия институтов образования и культуры в целях эффективной организации воспитательного процесса.

Сотрудничество ученых, педагогов-практиков, деятелей культуры и искусства при условии умелой координации действий позволит создать востребованный в современном российском обществе мультидисциплинарный практико-ориентированный продукт: научно обоснованную систему воспитания, нацеленную на формирование патриотических жизненных установок и ценностных ориентаций. Эта система предполагает многоуровневый характер сотрудничества между учреждениями науки, образования и культуры: от формирования стратегии патриотического воспитания до реализации конкретных массовых мероприятий, а также индивидуальных траекторий развития. Кроме того, взаимодействие социальных институтов образования и культуры в условиях распространения религиозно-националистических идей в ряде субъектов РФ является глобальным ресурсом, способствующим, с одной стороны, укреплению культурного и образовательного единства, с другой — формированию системной общности, в которую встраивается ряд вертикальных и горизонтальных взаимодействий с общими целевыми ориентирами:

- 1) наличие четких задач, определяющих последовательность совместных действий, а также роли и функции основных субъектов патриотического воспитания;
- 2) наличие молодежных лидеров в образовательных учреждениях и общественных организациях, способных выступить в роли активных субъектов педагогического воздействия;
- 3) использование социальных сетей как инструмента формирования ценностных и целевых ориентиров в молодежной и подростковой среде.

Таким образом, взаимодействие социальных институтов образования и культуры представляет собой многокомпонентное целевое сотрудничество, обеспечивающее непрерывный процесс патриотического воспитания. Его эффективная реализация зависит от обеспечения организационно-педагогических условий. Первым из них является формирование системы управления, структура которой включает:

- 1) нормативно-правовой компонент как совокупность федеральных и региональных законов и подзаконных актов, определяющих сферу ответственности учреждений образования и культуры;
- 2) наличие индикаторов оценки деятельности работников образования и культуры и мониторинга результативности проделанной работы;
- 3) отчетность, позволяющая анализировать уровень взаимодействия в процессе решения задач по формированию патриотической культуры.

Вторым организационно-педагогическим условием является профессиональное психолого-педагогическое сопровождение совместных мероприятий, посвященных патриотическому воспитанию. Разработка универсального учебно-методического обеспечения рассматривается в качестве третьего организационно-педагогического условия. Четвертым условием можно назвать создание открытой информационной среды с использованием цифровых технологий и сетевых сообществ, нацеленных на работу с конкретными социально-демографическими группами.

Комплексный научно обоснованный подход к созданию институциональной системы патриотического воспитания позволит провести четкую грань между реальным (классическим) патриотизмом и такими крайними его проявлениями, как национализм и космополитизм. Сегодня наблюдается тенденция усиления патриотической риторики как националистическими, так и космополитическими силами. «Дилемма “патриотов” и “глобалистов” связана с двумя взаимоисключающими сценариями развития: взаимовыгодное сотрудничество, базирующееся на уважении и защите культурных и исторических корней или плавильный тигель, принудительно устраняющий национальные различия в квазиедином улье социетального порядка» [Павлов, 2021, с. 4]. Вот почему в процессе дальнейших мультидисциплинарных прикладных исследований фокус внимания ученых и практиков смещается на следующие актуальные проблемы:

- выявление причин, вызывающих противоречия в понимании патриотизма, и поиск эффективных методов их преодоления;
- изучение диалектики этнической и общенациональной идентификации в условиях полиэтнического социума;
- анализ специфики понимания патриотизма у различных социальных групп в условиях глубокого расслоения общества.

Несмотря на выявленную современными отечественными исследователями тенденцию «ускорения и сжатия временных рамок, препятствующую развитию новых символов гражданской идентификации» [Миронов, 2012, с. 19], в практическом плане патриотизм был и остается важнейшим инструментом консолидации общества.

Список источников

1. Абрамов А. Патриотическая идеология в России: этапы эволюции // Молодежная политика, воспитательная и патриотическая работа: практика XXI века: мат-лы Всероссийской науч.-практ. конференции. М.: РГУТиС, 2014. С. 6–14.
2. Агаев А. Патриотизм и интернационализм советского человека. М.: РГСУ, 2015. 350 с.
3. Баранов А. В., Пеницын Ю. А. Изменения приоритетов молодежной политики России в контексте укрепления единства российской нации // PolitBook. 2017. № 3. С. 27–41.
4. Габеркорн А. И. Формирование концепта патриотизма в российской политической мысли // Теории и проблемы политических исследований. 2019. Т. 8. № 4 А. С. 19–28.
5. Гаврилюк В., Маленков В. Гражданственность, патриотизм и воспитание молодежи // Социологические исследования. 2012. № 4. С. 44–50.
6. Гогиберидзе Г. М., Шаповалова О. В. Формирование российской идентичности в московском образовательном пространстве. М.: МГПУ, 2016. 124 с.
7. Добренев В. И. Сталинградская битва — глобальный урок истории // Вестник Московского ун-та. Серия 12: Политические науки. 2020. № 3. С. 17–31.
8. Завершинский К. Ф. «Патриотизм элит» как дискурсивное измерение символических структур национальной памяти // Власть и элиты. 2020. Т. 7. № 2. С. 81–103.
9. Кондраль Д. П., Кузьмин А. Г. Модернизация политической системы современной России: развитие консервативных и национал-патриотических проектов // Общество: политика, экономика, право. 2020. № 4 (81). С. 21–32.
10. Лебедева Л. Г. Патриотизм против национализма в преемственной связи российских поколений // Вестник Самарского муниципального ин-та управления. 2017. № 3. С. 108–113.
11. Лебедева Л. Г. Социо-институциональные основы преемственности поколений в современном российском обществе // Известия Уральского федерального ун-та. Серия 3. Общественные науки. 2018. № 4 (170). С. 57–68.
12. Мареева С. В. Ценностная палитра современного российского общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные переменные. 2014. № 4. С. 50–65.
13. Миронов В. В. Культура в пространстве глобальной коммуникации // Вестник Российского философского общества. 2012, № 1 (21). С. 19–31.
14. Павлов Б. С., Гогиберидзе Г. М., Пацула А. В. Актуальные модели государственной и региональной политики в сфере патриотического воспитания. М.: ИНФРА-М, 2021. 154 с.
15. Пушкарева И. Идея патриотизма в истории советской и русской педагогики // Методические ориентиры. Пилотный вып. М., 2011. С. 11–15.
16. Риккерт Г. Ценности жизни и культурные ценности // ЭОН Альманах старой и новой культуры. Вып. 1. М., 1994. С. 55–100.
17. Рубцова М., Кексин А. «Идея государства» и «идея народа» как философские категории // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 4–2 (42). С. 167–169.
18. Трофимова И. Н. Гражданский активизм в современном российском обществе: особенности локализации // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 72–77.
19. Штомпка П. Социология: Анализ современного общества / пер. с польского С. М. Червонной. М.: Логос, 2005. 664 с.
20. Janowitz, M. The reconstruction of patriotism: Education for civic consciousness. Chicago: University of Chicago Press, 2013. 220 p.

21. Sandahl, J. Civic consciousness: A viable concept for advancing students' ability to orient themselves to possible futures? // *Historical Encounters: A journal of historical consciousness, historical cultures, and history education*. 2015. № 2 (1). P. 1–15.

References

1. Abramov, A. (2014). Patrioticheskaja ideologija v Rossii: etapy evoliutsii [Patriotic ideology in Russia: stages of evolution]. *Youth policy, educational and patriotic work: practice of the XXI century: materials of the All-Russian Scientific and Practical* (pp. 6–14). Moscow: Russian State University of Tourism and Service. (In Russian).

2. Agaev, A. (2015). *Patriotizm i internatsionalizm sovetского cheloveka* [Patriotism and internationalism of the Soviet man]. Moscow: Russian State Social University. 350 p. (In Russian).

3. Baranov, A. V., & Penitsyn, Yu. A. (2017). Izmeneniia prioritetov molodezhnoi politiki Rossii v kontekste ukrepleniia edinstva rossiiskoi natsii [Changes in the priorities of Russia's youth policy in the context of strengthening the unity of the Russian nation]. *PolitBook*, (3), 27–41. (In Russian).

4. Gaberkorn, A. I. (2019). Formirovanie kontsepta patriotizma v rossiiskoi politicheskoi mysli [Formation of the concept of patriotism in Russian political thought]. *Theories and problems of political research*, (8, 4), 19–28. (In Russian).

5. Gavrilyuk, V., & Malenkov, V. (2012). Grazhdanstvennost', patriotizm i vospitanie molodezhi [Citizenship, patriotism and education of youth]. *Sociological research*, (4), 44–50. (In Russian).

6. Gogiberidze, G. M., & Shapovalova, O. V. (2016). *Formirovanie rossiiskoi identichnosti v moskovskom obrazovatel'nom prostranstve* [Formation of Russian identity in the Moscow educational space]. Moscow: Moscow City University. 124 p. (In Russian).

7. Dobrenkov, V. I. (2020). Stalingradskaia bitva — global'nyi urok istorii [The Battle of Stalingrad — a global lesson in history]. *Bulletin of Moscow University*, (12: Political Sciences, 3), 17–31. (In Russian).

8. Zavershinsky, K. F. (2020). «Patriotizm elit» kak diskursivnoe izmerenie simvolicheskikh struktur natsional'noi pamiatii [“Patriotism of the Elites” as a Discursive Dimension of Symbolic Structures of National Memory]. *Power and Elites*, (7, 2), 81–103. (In Russian).

9. Kondral, D. P., & Kuzmin, A. G. (2020). Modernizatsiia politicheskoi sistemy sovremennoi Rossii: razvitie konservativnykh i natsional-patrioticheskikh proektov [Modernization of the political system of modern Russia: the development of conservative and national-patriotic projects]. *Society: politics, economics, law*, (4, 81), 21–32. (In Russian).

10. Lebedeva, L. G. (2017). Sotsio-institutsional'nye osnovy preemstvennosti pokolenii v sovremennom rossiiskom obshchestve [Patriotism against nationalism in the continuity of Russian generations]. *Bulletin of the Samara Municipal Institute of Management*, (3), 108–113. (In Russian).

11. Lebedeva, L. G. (2018). Sotsio-institutsional'nye osnovy preemstvennosti pokolenii v sovremennom rossiiskom obshchestve [Socio-institutional foundations of the continuity of generations in modern Russian society]. *News of the Ural Federal University*, (Series 3. Social sciences, 4, 170), 57–68. (In Russian).

12. Mareeva, S. V. (2014). Tsennostnaia palitra sovremennogo rossiiskogo obshchestva [Value palette of modern Russian society]. *Monitoring of public opinion: economic and social variables*, (4), 50–65. (In Russian).

13. Mironov, V. V. (2012). Kul'tura v prostranstve global'noi kommunikatsii [Culture in the space of global communication]. *Bulletin of the Russian Philosophical Society*, (1, 21), 19–31. (In Russian).

14. Pavlov, B. S., Gogiberidze, G. M., & Patsula, A. V. (2021). Aktual'nye modeli gosudarstvennoi i regional'noi politiki v sfere patrioticheskogo vospitaniia [Actual models of state and regional policy in the field of patriotic education]. Moscow: Infra-M. 154 p. (In Russian).

15. Pushkareva, I. (2011). Ideia patriotizma v istorii sovetskoï i russkoï pedagogiki [The idea of patriotism in the history of Soviet and Russian pedagogy]. *Methodological guidelines. Pilot release* (pp. 11–15). Moscow. (In Russian).

16. Rikkert, G. (1994). Tsennosti zhizni i kul'turnye tsennosti [Values of life and cultural values]. *EON Almanac of old and new culture* (Issue 1, pp. 55–100). Moscow. (In Russian).

17. Rubtsova, M., & Keksin, A. (2014). «Ideia gosudarstva» i «ideia naroda» kak filosofskie kategorii [“The idea of the state” and “the idea of the people” as philosophical categories]. *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice*, (4–2 (42)), 167–169. (In Russian).

18. Trofimova, I. N. (2015). Grazhdanskii aktivizm v sovremennom rossiiskom obshchestve: osobennosti lokalizatsii [Civic activism in modern Russian society: features of localization]. *Sociological studies*, (4), 72–77. (In Russian).

19. Shtompka, P. (2005). *Sotsiologiya: Analiz sovremennogo obshchestva* [Sociology: Analysis of modern society] (Chervonnaya, S. M. (translated from Polish)). Moscow: Logos. 664 p. (In Russian).

20. Janowitz, M. (2013). *The reconstruction of patriotism: Education for civic consciousness*. Chicago: University of Chicago Press. 220 p.

21. Sandahl, J. (2015). Civic consciousness: A viable concept for advancing students' ability to orient themselves to possible futures? *Historical Encounters: A journal of historical consciousness, historical cultures, and history education*, 2(1), 1–15.

Информация об авторах / Information about the authors:

Георгий Меджидович Гогиберидзе — доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры философии и социальных наук Московского городского педагогического университета.

129226, Россия, Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр., д. 4

Georgy Madjdovich Gogiberidze — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of Philosophy and Social Sciences Department, Moscow City University.

129226, Россия, Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр., д. 4

E-mail: giya28@mail.ru

SPIN-код: 9184-0413 AuthorID: 766209

Максим Анатольевич Скрынник — аспирант кафедры философии и социальных наук Московского городского педагогического университета.

129226, Россия, Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр., д. 4

Maksim Anatolievich Skrynnik — postgraduate student of Philosophy and Social Sciences Department, Moscow City University.

129226, Russia, Moscow, 2-i Sel'skokhoziaistvennyi pr., d. 4

E-mail: MA.1S@yandex.ru

Научно-исследовательская

УДК 1(091)

DOI: 10.25688/2078-9238.2022.41.1.04

ПРИРОДА ДУХА В ФИЛОСОФИИ ГЕГЕЛЯ

А. Е. Черезов

Московский городской педагогический университет,

2-й Сельскохозяйственный пр., 4, Москва, Россия, 129226

E-mail: cherezov.a@list.ru

Аннотация. В статье анализируется понятие духа в философии Гегеля. Показывается, что генезис духа связан с развитием души. Раскрывая идею понятия, Гегель уточняет, что понятие, есть то же самое что душа у Аристотеля. Это пояснение позволяет понять природу духа, обращаясь к его предшествующей ранней форме. Душа по Аристотелю есть внутренняя цель живых существ, начало жизни, она имматериальна, бестелесна. Идеальное в качестве души и духа есть главное определение их природы. В статье показывается, что для познания духа необходимо выяснить, что представляет собой природа идеального. Анализируется природа идеального в философии Гегеля. Идеальность выступает в виде знаковой формы какого-либо содержания. Знаковая форма определяется как язык, как нечто, выраженное с помощью языка, кодовой системы передачи информации. Показывается, что появление живых систем связано с природой информации, кодированием характеристик живого. Это позволяет интерпретировать понятие внутренней цели в качестве информации, содержания генетической программы. С позиции современной науки не отрицается понятие души, но ей придается материалистическая форма через призму природы информации. Раскрывается структура деятельности духа.

Ключевые слова: дух, душа, внутренняя цель, идеальное, материальное, диалектическое самодвижение, информация, знаковая форма.

Для цитирования: Черезов А. Е. Природа духа в философии Гегеля // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2022. № 1 (41). С. 47–56. DOI: <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2022.41.1.04>

Scientific Research

UDC 1(091)

DOI: 10.25688/2078-9238.2022.41.1.04

THE CONCEPT OF SPIRIT IN HEGEL'S PHILOSOPHY

Alexander E. Cherezov

Moscow City University,

2-i Sel'skokhoziaistvennyi pr., 4, Moscow, Russia, 129226

E-mail: cherezov.a@list.ru

Abstract. This study set out to analyse the concept of spirit in Hegel's philosophy. The genesis of the spirit is shown to be linked to the development of the soul. Hegel himself specifies that the notion he works with is equal to the Aristotelian soul. This definition makes it possible to comprehend the nature of the spirit, referring to its' prior form. According to Aristotle, the soul is the inner purpose of the living beings, the immaterial, incorporeal origin of life. The absolute serves as the main definition of the soul and spirit's essence. However, the article states that is impossible to understand the spirit without clarifying the nature of the absolute. Thus, a broad insight is given into the Hegel's philosophy of absolute in its' sign form of varying content. Throughout this paper, the term sign form will refer to an information transfer code system, a notion, expressed with a use of language. The peculiarities of information and the ongoing being codification functions as the basis for the living systems' establishment. An inner purpose in consequence is a part of our genetic program. By the way of conclusion, previously mentioned peculiarities of information treat the soul in a more materialistic light.

Keywords: spirit, soul, inner purpose, absolute, material, dialectic self-development, information, sign form.

For citation: Cherezov, A. E. (2022). The nature of Spirit in Hegel's Philosophy. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 1 (41), 47–56. (In Russian). <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2022.41.1.04>

Познание духа в истории философии выступает главной проблемой, раскрывающей природу философии. В предисловии к коллективной монографии Н. В. Мотрошилова пишет: «В 2007 г. философская общественность во всем мире отмечала двухсотлетие одного из самых значительных произведений всех времен “Феноменологии духа” великого немецкого мыслителя Георга Вильгельма Фридриха Гегеля. Речь идет о таком произведении, которое на протяжении двух веков неизменно волновало своими проблемами, решениями, тайнами и загадками философские умы» [Мотрошилова, 2010, с. 3].

Познание духа в истории философии связывали с понятием души. Наиболее развитое воззрение на природу души представлено в философии Аристотеля. По поводу центральной категории «понятие», Гегель поясняет, что его «понятие» есть то же самое, что «душа» у Аристотеля. «Душа, — пишет Аристотель, — есть как бы начало живых существ... оно в высшей степени бестелесное и непрестанно текущее... все философы определяли душу тремя

(признаками) движением, ощущением, бестелесностью... душа сообщает живым существам движение... душа и ум — одно и то же... душа есть причина и в значении цели» [Аристотель, 1976, с. 371]. Душа в значении внутренней цели — это внутренняя программа, информационная модель поведения. Бестелесность души Аристотель называет имматериальностью.

Аристотель представлял душу как идеальную форму, внутреннюю цель, начало живых существ. Развитие души проходит три ступени. Растительная душа самая простая, она обуславливает питание и рост. Животная душа обеспечивает способность двигаться, обладает чувствительностью, ощущением, отражает внешний мир. Еще выше стоит разумная душа, присущая человеку. Она обладает мышлением, сознанием, поэтому самая свободная. Третья ступень развития души соответствует понятию духа.

Таким образом, душа и человеческий дух представляют природу идеального. Если выразить идеальное на языке современной науки, то это содержание отражаемого объекта, явления, субъектом. Это содержание отражаемого удваивает материальное с помощью знаковой формы, языка, кодовой системы. Это удвоение за счет идеализации Гегель называет снятием. Сущность знака в том, что он обозначает некоторое содержание, не являясь им самим. Знак можно поменять на значение, и наоборот. Следовательно, идеальное есть определенное содержание, выраженное в информационной, знаковой, кодовой форме. Ключевой момент в определении идеального — это удвоение, раздвоение, что составляет сущность понятия «отражение».

Гегель дает несколько пояснений природы идеального, которые можно интерпретировать в свете современной науки. Он пишет: «Подобно тому, как в отношении живого вообще все идеальным образом уже содержится в зародыше и порождено им самим, а не какой-либо чуждой силой, точно также и все особенные формы живого духа должны проистекать из его понятия как из своего зародыша» [Гегель, 1977, с. 11].

Согласно Гегелю, в зародыше в идеальной форме хранится неродившийся будущий организм. Сам зародыш, как идеальную форму организма, он называет понятием. С позиции современной науки в зародыше в информационной форме в виде генетической информации содержится организм, закодированный в молекуле ДНК. Эту форму называют генотипом, а организм, возникающий в процессе эмбрионального развития, называют фенотипом.

Таким образом, живое раздвоено на фенотип и генотип. «Каждая биологическая особь, — пишет Майр, — имеет своеобразную двойственную природу, слагаясь из генотипа (полного набора имеющихся у данной особи генов...) и фенотипа (организма, получившегося в результате трансляции генов, содержащихся в генотипе)» [Майр, 1981, с. 25]. Информационная форма организма как знаковая система представляет природу идеального. С философской точки зрения такое разделение соответствует делению живого на идеальную душу и материальное тело. Противоречивое единство идеальной и материальной формы понятия Гегель называет идеей. Следовательно, идея — это процесс

постоянного воспроизводства, который воплощает принцип жизни. А две стороны идеи представлены как идеальное понятие и его материальная форма.

Идеальное в качестве информации обладает странными свойствами, не присущими материальным объектам. Всему материальному свойственны пространственно-временные характеристики. Но идеальное как информация отражает в себе некоторую реальность, содержание, которое не подчиняется пространству и времени. Оно застыло, мумифицировалось, поэтому выпадает из пространственно-временных связей. Если его переносить на новые носители, как это происходит с генетической информацией, то это содержание не подвластно времени и пространству. Например, ранние гены, возникшие еще в начале истории филогенеза, сохраняются в человеческом геноме в неизменном виде. Замена старого носителя информации новым не влияет на само содержание. Таким образом, выделив в природе информации форму и содержание, можно прийти к выводу, что содержание может быть каким угодно, но общим, атрибутивным признаком идеального является своеобразная форма — природа знаков, кодов.

Развивая представление о природе понятия, Гегель пишет: «Зародыш растения — это чувственно наличное понятие — завершает свое развертывание некоторой равной ему действительностью, а именно порождая семя. То же самое справедливо и относительно духа, и его развития достигает своей цели, если его понятие оказалось полностью осуществленным» [Гегель, 1934, стр. 12]. Это понятие, или зародыш живого, Гегель называет идеальным понятием, а переход в свою противоположность порождает то же понятие, но в материальной форме. Поэтому в таком развитии, считает Гегель, ничего нового не появляется. В онтогенезе фенотип формируется на основе генотипа, у них общее содержание. Зародыш отождествляется с природой идеального понятия, внутренней целью, ее реализация порождает то же содержание, но в материальной форме.

Таким образом, центральный пункт познания духа — это переход (снятие) из идеальной формы понятия в материальную форму того же содержания. Об этом переходе Гегель пишет: «Только в том случае, если мы будем рассматривать дух в изображенном процессе самоосуществления его понятия, мы познанием его в его истинности (ибо истиной и называется соответствие понятия его действительности). Все развитие духа есть не что иное как возвышение самого себя до своей собственной истинности» [Гегель, 1934, с. 12].

Идеальность души появляется вместе с живой природой, идеальное не при-суще неживой природе. «Если геологический организм, — пишет Гегель, — есть всего лишь система построения образов без идеальности, то с субъективностью растительной жизни эта идеальность появляется на сцену» [Гегель, 1977, с. 379]. Поэтому идеальный дух не может создать природу, так как он сам есть высшая форма развития души. «Разумная душа», согласно Аристотелю, — это третья ступень развития души, она соответствует понятию духа. Гегель отмечает, что в природе дух представлен в виде идеи, а идея есть непосредственно жизнь. Гегель пишет: «Для нас дух имеет своей предпосылкой природу ... дух обнаружился в ней как идея, достигшая своего для-себя-

бытия, — как идея, объект которой, так же, как и ее субъект, есть понятие. Это тождество есть абсолютная отрицательность, ибо в природе понятие обладает своей полной внешней объективностью» [Гегель, 1977, с. 15]. «Внешняя объективность» — это фенотипическое проявление генотипа. Согласно Гегелю, все живое есть субъект, идея как принцип живого состоит из двух форм понятия, идеальной и материальной, между которыми обнаруживается абсолютное тождество, поскольку они имеют одно и то же содержание, но в противоположных формах. Поэтому переход одной формы в другую Гегель определяет, как отрицание, но особое отрицание, — снятие, которое отрицает форму, но сохраняет содержание. Первое отрицание — это переход в противоположную форму, а отрицание этой формы, означает возвращение к первой. Получается диалектическая формула самодвижения, саморазвития, — «отрицание отрицания». Этот принцип называют основным законом диалектического самодвижения. По своей структуре — это кольцевая обратная связь, основа самоуправления живых систем, принцип кибернетической саморегуляции. Гегель, анализируя диалектику идеи, пишет: «Идея есть кругооборот, в котором понятие, как всеобщность, которая есть единичность, определяет себя к объективности и к противоположности этой объективности, и эта внешность, имеющая понятие своей субстанцией, своей имманентной диалектикой, возвращает себя обратно в субъективность» [Гегель, 1930, с. 325]. В этом определении идеи Гегель раскрывает принцип отрицания отрицания. Идея как кругооборот есть кольцевой процесс реализации понятия. Переход от идеальной формы понятия в материальную форму — это первое отрицание. Затем оно опять отрицается, осуществляется обратный переход, Двойное снятие описывается как циклический процесс реализации цели. На языке современной науки, это принцип кольцевой обратной связи, обеспечивающий целесообразную деятельность живых существ. Схема кольцевого процесса лежит в основе теории функциональной системы П. К. Анохина.

Особое значение в анализе идеального духа имеет определение материи, которая противоположна идеальному. Материя, как считает Гегель, обладает пространственно-временными характеристиками и состоит из материальных атомов. Это положение отмечает академик А. М. Деборин, он пишет: «В природе, говорит Гегель, идея осуществляется в элементе пространства. Природа прямо противоположна духу... Все предметы вещественной природы существуют в пространстве и времени... Материя, составляющая общую основу всех явлений природы, бесконечно дробится в самой себе, ибо она слагается из материальных атомов... заслуга Гегеля состоит в том, что он... положил в основу учения о духе... идею развития, начало историзма» [Гегель, 1977, с. 150]. Деборин определяет философию Гегеля как идеализм, но диалектический метод, подчеркивает он, выступает как методология развития, заслуга Гегеля в развитии историзма.

Вызывает интерес проблема определения материи как обладающей пространственно-временными характеристиками, она есть объективная реальность, не зависящая от субъекта познания. В этом вопросе столкнулись позиции

Гегеля и Канта. Касаясь этого вопроса, Гегель пишет: «Если мы... сказали, что содержание ощущения получает от созерцающего духа форму пространственного и временного, то это положение не следует понимать в том смысле, будто пространство и время суть только субъективные формы. Такими хотел сделать пространство и время Кант. Однако в действительности вещи сами по себе пространственны и временны» [Гегель, 1977, с. 275].

Гегель отмечает, что внешняя природа, противостоящая духу, — это материя со своими объективными свойствами, главный атрибут материи пространственно-временные параметры всех вещей. Анализируя это положение, Гегель пишет: «Все относящееся к природе пространственно и временно... материя, это всеобщая основа всех существующих формообразований природы... распадается на конкретные точки, на материальные атомы из которых она составлена» [Гегель, 1934, 16].

Понятие идеальности духа, как и души, Гегель связывает с живой природой. Идеальность духа — это развитие идеальной души, которая в качестве внутренней цели управляет живым организмом на основе познания, отражения внешнего мира. Определяя природу идеального, Гегель пишет: «Впервые это происходит в духе... Это принадлежащее понятию духа снятие внешности есть то, что мы называли идеальностью. Все деятельности этого духа суть не что иное, как различные способы приведения внешнего к внутреннему, которое и есть сам дух, и только через... эту идеализацию или ассимиляцию, внешнего дух становится духом и есть дух» [Гегель, 1934, с. 19].

В этом положении идеальное Гегель называет снятым, внешний мир снят в духе, идеализируется. В современной науке идеализация внешнего мира трактуется как отражение, получение информации, модель внешнего мира. Снятие, с одной стороны, это отрицание формы внешнего мира, отрицание материальности, а с другой — сохранение содержания в идеальной форме.

Движение, развитие, самодвижение связано с диалектикой отрицания отрицания. Описывая диалектику кругового движения, Гегель раскрывает переход противоположных форм, он пишет: «“Я” есть нечто простое, всеобщее... Это у-себя-самого-бытие “я” в процессе его различения есть его бесконечность, или идеальность... Уже в конечном духе идеальность имеет смысл возвращающегося к своему началу движение, посредством которого дух, продвигается вперед из своей неразличности, как первого полагания, к некоему другому — к отрицанию этого полагания — и посредством отрицания этого отрицания возвращаясь к самому себе, обнаруживает себя как абсолютную отрицательность, как бесконечное утверждение самого себя» [Гегель, 1934, с. 21].

Идеальность «я» в процессе целесообразной деятельности переходит в материальную форму реализации себя во внешнем мире. Идеальная форма переходит в материальную — это первое отрицание. Когда отрицается это отрицание, то совершается обратный переход от материальной формы, путем ее снятия, совершается переход к идеальной форме. Получается формула диалектического самодвижения «отрицание отрицания». В этом определении духа как активной

целесообразной деятельности самосохранения, обнаруживается диалектика двойного снятия.

Развитие духа — это развитие мыслящей духовности человека на основе усвоения культуры, накопленных знаний, познания мира и себя самого. «Только человек, — пишет Гегель, — впервые поднимается от единичности ощущения к всеобщности мысли, к знанию о самом себе, к постижению своей субъективности, своего “я”, — только человек есть мыслящий дух и этим существенно отличается от природы» [Гегель, 1934, с. 24].

По своей природе дух есть деятельность «я». Эта деятельность на основе познания культуры и мира обеспечивает свободу. Но такое состояние свободы не есть изначально данное духу, а является результатом упорной деятельности. «Действительная свобода, — пишет Гегель, — не есть непосредственно сущее в духе, но нечто такое, что еще только должно быть порождено его деятельностью... Сущность духа есть с формальной стороны — свобода» [Гегель, 1934, с. 26].

Разработка системы диалектики в философии Гегеля, на основе истории философии, по общему мнению, является самым ценным достижением гегелевской философии. Эта проблема метода одна из центральных в философии. Что представляет собой диалектическое движение, остается спорным, неясным до сих пор. Приведем точку зрения известного отечественного философа Я. А. Бермана: «Главным мотивом ...гегелевской философии служит самодвижение (*Selbs bewegung*) понятия, идеи... движение должно быть непрерывным... и бесконечным... Следующий этап гегелевского понятия — это переход в его противоположность. Дальнейшее движение понятия заключается в переходе второго понятия к третьему, которое составляет полную противоположность второму; в тоже время третье понятие должно объединить противоположность первых двух понятий в одном высшем единстве или тождестве противоречий» [Берман, 2011, с. 20].

В этой трактовке гегелевской диалектики самодвижения, необходимо внести поправку. Я. А. Берман допускает ошибку, считая, что речь идет о трех понятиях. У Гегеля формула самодвижения протекает не как переход от первого понятия ко второму, а от второго к третьему, все движение проходит внутри одного понятия, но это понятие раздвоено на две противоположные формы — идеальную и материальную. Поэтому процесс образует кольцевую связь, согласно принципу «отрицание отрицания». Переход от первой формы ко второй — это первое отрицание, а отрицание этой формы дает второе отрицание, получается отрицание отрицания, в результате движение возвращается к первой форме. Кольцевое движение есть основа самодвижения живых систем, основа целесообразной деятельности, принцип кибернетической саморегуляции, на основе обратной связи.

В этой связи анализа диалектики Гегеля приведем точку зрения Д. Лукача, который пишет: «Противоречивость выступает у Гегеля в качестве живого и движущего принципа; она... постоянно воспроизводится на более высоких ступенях развития (тем самым... радикально изменяется и отношение к рефлексии, которая становится необходимым моментом общего диалектического движения)».

<...> Формулировка сути диалектического противоречия — высший результат работ Гегеля франкфуртского периода» [Лукач, 2002, с. 256].

В структуру диалектического самодвижения входит кольцевая связь, ее называют рефлексивной, она связывает две противоположные формы одного и того же содержания. Примером может служить раздвоение живого организма на генотип и фенотип. Генотип — это знаковая форма организма, он представлен генетической информацией. Фенотип представляет собой реализацию информации в процессе эмбрионального развития. Идея Гегеля как противоречивое единство идеального понятия и материальной формы понятия получает рациональную интерпретацию.

Принцип кольцевой связи лежит в основе теории функциональной системы П. К. Анохина. Идеальная цель в процессе реализации деятельности создает материальный результат, он отражается (обратная афферентация) и сопоставляется с параметрами цели. Если результат не совпадает с начальной целью, деятельность продолжается до тех пор, пока не будет достигнуто тождество. Целесообразное поведение, деятельность осуществляется согласно кольцевой схеме функциональной системы. Одно и то же содержание цели в этой схеме представлено в виде двух противоположных формах, замкнутых в кольцевую связь.

В теории эволюции живых систем известный немецкий ученый, лауреат Нобелевской премии М. Эйген показал, что основой воспроизводства живых систем является кольцевая связь, между информацией и ее реализацией, обеспечивающая постоянное воспроизводство живого. Он пишет: «Не может быть организованной “функции”, если нет “информации”, а эта “информация” приобретает смысл только через “функцию”, которую они кодируют... Такую систему можно сравнить с замкнутой петлей» [Эйген, 1973, с. 10].

Круговая обратная связь, «замкнутая петля», лежит в основе диалектики самодвижения. Информация определяет фенотип, а организм сохраняет и размножает информацию. Получается программа через свою материальную форму сама себя сохраняет и размножает. На молекулярном уровне обнаруживается кольцевой принцип. В философии он получил название принципа «отрицание отрицания», «двойное снятие».

Анализируя принцип самодвижения, воспроизводства капитала, К. Маркс выявляет диалектику товара: «Две противоположно направленные фазы товарного метаморфоза образуют кругооборот: товарная форма, сбрасывание товарной формы, возвращение к товарной форме» [Маркс, 1980, с. 105]. Обнаруживается общая схема движения в виде кругооборота, которая выявляет структуру диалектики самодвижения. Кругооборот капитала — это вечный двигатель, кольцевая связь, объединяющая идеальную форму с материальной. Первое отрицание представляет собой переход товарной формы в денежную, меновую стоимость. Второе отрицание — обратный переход меновой формы (идеальной формы) в первоначальную товарную форму. По поводу природы идеального в «Капитале», К. Маркс пишет: «Денежная форма товаров... есть нечто, отличное от их чувственно воспринимаемой реальной телесной формы, следовательно — форма лишь идеальная» [Маркс, 1980, с. 122].

Таким образом, диалектическое движение в абстрактной форме — это принцип понятия, которое представлено в двух противоположных формах, снимающих друг друга, образующих противоречивое единство идеи, которая есть жизнь. Эта же кольцевая структура, кругооборот, образует перпетуум-мобиле диалектики товара в «Капитале» К. Маркса. Развитие духа, самосохранение его подчинено той же логике понятия. В процессе исторического развития дух в форме науки выступает как прогресс в познании, что обеспечивает самосохранение и свободу. Поэтому прогресс в истории мыслится Гегелем как прогресс в развитии понятия свободы.

Список источников

1. Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1976. С. 371–404.
2. Берман Я. А. Диалектика в свете современной теории познания. М.: ЛКИ, 2011. 240 с.
3. Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа. М.: Мысль, 1977. 470 с.
4. Гегель. Энциклопедия философских наук. Ч. 1. Логика. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. 368 с.
5. Гегель. Философия природы. М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. 683 с.
6. Деборин А. М. Диалектика в немецкой классической философии. М.: ЛИБРОКОМ, 2019. 304 с.
7. Дубровский Д. И. Зачем субъективная реальность или «почему информационные процессы не идут в темноте?» (Ответ Д. Чалмерсу) // Вопросы философии. 2007. № 3. С. 90–104.
8. Лукач Д. Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества. М.: Наука, 2002. 616 с.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. М.: Политиздат, 1980. С. 122.
10. Майр Э. Эволюция // Эволюция. М.: Мир, 1981. С. 25.
11. Мотрошилова Н. В. Богатство идей и актуальность «Феноменологии духа» Гегеля // «Феноменология духа» Гегеля в контексте современного гегелеведения. М.: Канон+, Реабилитация. 2010. С. 3–33.
12. Эйген М. Самоорганизация материи и эволюция биологических макромолекул. М.: Мир, 1973. 214 с.

References

1. Aristotle (1976). *Soch.* [Essays]: in 4 volumes (Vol. 1, pp. 371–404). Moscow: Mysl. (In Russian).
2. Berman, Y. A. (2011). *Dialektika v svete sovremennoy teorii poznanya* [Dialectics in the light of modern theory of knowledge]. Moscow: ILKI. 240 p. (In Russian).
3. Hegel (1977). *Entsiklopediia filosofskikh nauk. T. 3. Filosofii dukha*. [Encyclopedia of Philosophical Sciences. Vol. 3. Philosophy of the Spirit] Moscow: Mysl, 470. (In Russian).
4. Hegel (1930). *Entsiklopediia filosofskikh nauk. Ch. 1. Logika* [Encyclopedia of Philosophical Sciences. Part 1. Logic]. Moscow; Leningrad: Gos izdatelstvo. 368 p. (In Russian).
5. Hegel (1934). *Filosofii prirody* [Philosophy of Nature]. Moscow; Leningrad: Socekgiz, 683 (In Russian).

6. Deborin, A. M. (2019). *Dialektika v nemetskoj klassicheskoj filosofii* [Dialectics in German Classical Philosophy]. Moscow: LIBROKOM. 304 p. (In Russian).

7. Dubrovskiy, D. I (2007). *Zachem sub`ektivnaia real`nost` ili «pochemu informatsionnye protsessy ne idut v temnote?» (Otvét D. Chalmersu)* [Why subjective reality or “why information processes do not go in the dark?” (Answer to D. Chalmers)]. *Voprosy filosofii*, (3), 90–104. (In Russian).

8. Lukach, D. (2002). *Molodoi Gegel' i problemy kapitalisticheskogo obshchestva* [The young Hegel and the problems of capitalist society]. Moscow: Nauka. 616 p. (In Russian).

9. Marks, K., Engels, & Soch F. (1981). *Soch.* [Essays]. 2nd ed. Vol. 23. 122 p. (In Russian).

10. Mair, E. *Evoliutsiia* [Evolution]. In: *Evoliutsiia* [Evolution]. Moscow: Mir. 25 p. (In Russian).

11. Motorshilova, N. V. (2010). *Bogatstvo idei i aktual`nost` «Fenomenologii dukha» Gegel'ia* [The richness of ideas and the relevance of Hegel's “Phenomenology of Spirit”]. In: *«Fenomenologiya dukha» Gegel'ia v kontekste sovremennogo gegelevedeniia* [Hegel's “Phenomenology of the Spirit” in the context of modern Hegelian Studies] (pp. 3–33). Moscow: Kanon+; Reabilitatsiya. (In Russian).

12. Eigen, M. (1973). *Samoorganizatsiia materii i evoliutsiia biologicheskikh makromolekul* [Self-organization of matter and evolution of biological macromolecules]. Moscow: Mir. 214 p. (In Russian).

Информация об авторе / Information about the autor:

Александр Евгеньевич Черезов — профессор, доктор философских наук, доцент общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Московского городского педагогического университета.

129226, Россия, Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр., д. 4

Alexander Evgenievich Cherezov — Professor, Doctor of Philosophy, Associate Professor of the University-wide Department of Philosophy and Social Sciences, Moscow City University.

129226, Russia, Moscow, 2-i Sel'skokhoziaistvennyi pr., d. 4

E-mail: CHerezovAE@mgpu.ru

Научно-публицистическая

УДК 378.147

DOI: 10.25688/2078-9238.2022.41.1.05

ПРОБЛЕМНО-ДИСКУССИОННАЯ ИГРА «САЛЬДО СПРАВЕДЛИВОСТИ» КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАВЫКОВ СТУДЕНТОВ

Г. А. Ермоленко

Московский педагогический государственный университет,

просп. Вернадского, 88, Москва, Россия, 119571

E-mail: ga.ermolenko@mpgu.su

ORCID: 0000-0002-7615-2516

С. Б. Кожевников

Московский городской педагогический университет,

2-й Сельскохозяйственный пр., 4, Москва, Россия, 129226

E-mail: KozhevnikovSB@mgpu.ru

ORCID: 0000-0003-4847-2229

Аннотация. В статье представлен проект проблемно-дискуссионной игры «Сальдо справедливости», направленной на развитие навыков рациональной аргументации при обсуждении сложных социальных ситуаций столкновения индивидуальных и групповых интересов. Игра призвана сформировать стремление к разработке компромиссного решения, с которым по рациональным соображениям могли бы согласиться все заинтересованные стороны, участвующие в дискуссии. В статье разработана методика игры, обозначены ее основные этапы и процедурные нормы, которых должны придерживаться участники. Игра предназначена для студенческой аудитории и предполагает способность участников к развитой рефлексии и осознанной постановке социально значимых целей, а также разработке рациональных средств их достижения. Такая постановка целей осуществляется в контексте философско-мировоззренческих представлений, опирающихся на ту или иную концепцию общественного блага. Позиции участников дискуссии определяются их приверженностью определенной

системе ценностей и выражают систему общественно-политических представлений. Таким образом участники дискуссии представляют политические идеологии, наиболее влиятельные в современных политических процессах: консервативную, либеральную и социал-демократическую. В процессе аргументации своей позиции участники учатся развивать логику политического мышления и искать рациональное решение сложных социальных проблем. Проблема справедливости является одной из ключевых тем социально-политического дискурса и имеет давнюю историю обсуждения в политических науках. Авторы рассматривают проблему справедливости с точки зрения ее дидактического потенциала. В статье приводятся примеры, взятые из произведений русской литературы, свидетельствующие о том, что тема справедливости занимает важное место в отечественной культуре и русском национальном самосознании. Вместе с тем стремление к справедливости трактуется в статье как универсальный регулятор социальных отношений. Игра «Сальдо справедливости» разделена на три этапа, предполагающих: (1) предварительную подготовку, (2) сам процесс игры и (3) самостоятельный анализ студентами итогов игры, включающий самооценку вклада участников.

Ключевые слова: методика преподавания, геймификация, деловая игра, справедливость, идеология, социальный консенсус, моральная аргументация.

Для цитирования: Ермоленко Е. А., Кожевников С. Б. Проблемно-дискуссионная игра «Сальдо справедливости» как средство развития социальных навыков студентов // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2022. № 1 (41). С. 57–65. DOI: <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2022.41.1.05>

Scientific and Journalistic

UDC 378.147

DOI: 10.25688/2078-9238.2022.41.1.05

PROBLEM-DISCUSSION GAME “BALANCE OF JUSTICE” AS A MEANS OF DEVELOPING STUDENTS’ SOCIAL SKILLS

Galina A. Ermolenko

Moscow State Pedagogical University,
prosp. Vernadskogo, 88, Moscow, Russia, 119571
E-mail: ga.ermolenko@mpgu.su
ORCID: 0000-0002-7615-2516

Sergey B. Kozhevnikov

Moscow City University,
2-i Sel'skokhoziaistvennyi pr., 4, Moscow, Russia, 129226
E-mail: KozhevnikovSB@mgpu.ru
ORCID: 0000-0003-4847-2229

Abstract. The article presents a project of the problem-discussion game “Balance of Justice”, aimed at developing the skills of rational argumentation when discussing complex social situations of individual and group interests clash. The game is designed to form a desire

to develop a compromise solution, with which, for rational reasons, all interested parties involved in the discussion could agree. The article develops the methodology of the game, outlines its main stages and procedural rules that participants must adhere to. The game is intended for a student audience and suggests the ability of participants to develop reflection and conscious setting of socially significant goals, as well as the development of rational means to achieve them. Such setting of goals is carried out in the context of philosophical and ideological ideas based on a particular concept of the public good. The positions of the participants in the discussion are determined by their adherence to a certain system of values and express a system of socio-political ideas. Thus, the participants of the discussion represent the political ideologies that are most influential in modern political processes: conservative, liberal and social democratic. In the process of argumentation of their position, participants learn to develop the logic of political thinking and look for a rational solution to complex social problems. The problem of justice is one of the key topics of socio-political discourse and has a long history of discussion in the political sciences. The authors consider the problem of justice from the point of view of its didactic potential. Russian literature provides examples taken from the works of Russian literature, indicating that the theme of justice occupies an important place in Russian culture and Russian national identity. At the same time, the desire for justice is interpreted in the article as a universal regulator of social relations. The game “Balance of Justice” is divided into three stages, involving: (1) preliminary preparation, (2) the process of the game itself and (3) independent analysis by students of the results of the game, including self-assessment of the contribution of participants.

Keywords: teaching methodology, gamification, business game, justice, ideology, social consensus, moral argumentation.

For citation: Ermolenko, E. A., & Kozhevnikov, S. B. (2022). Problem-discussion game “Balance of Justice” as a means of developing students’ Social skills. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 1 (41), 57–65. (In Russian). <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2022.41.1.05>

Образовательный потенциал игры и ее цель. «Сальдо справедливости» — ролевая проблемно-дискуссионная игра, предназначенная для студенческой аудитории, в основе которой лежит стремление участников к выражению оценки какого-либо социального явления или социальной ситуации с точки зрения общественного блага. Изучение проблемы справедливости в форме аудиторной игры соответствует современным тенденциям геймификации учебного процесса. Геймификация позволяет представить учебную задачу в наиболее простой и удобной для восприятия форме, а также использовать эффективные инструменты перевода сложных теоретических вопросов в план коммуникативных практик, распространенных в повседневной жизни и привычных для массовой аудитории. Игра направлена на формирование навыков социальной коммуникации и достижение социального консенсуса в сложных практических ситуациях, требующих нетривиальных, непредсказуемых и зачастую парадоксальных решений. Целью игры является выработка рациональной стратегии обсуждения проблемы справедливости с учетом различных социальных позиций и разнонаправленных интересов участников дискуссии. Действия участников строятся вокруг обсуждения стратегий

решения кейс-задач, поставленных перед тремя командами, выступающими представителями трех политических идеологий: консервативной, либеральной и социал-демократической. Участники призваны решить проблему с учетом интересов различных социальных групп, достичь компромисса с оппонентами, найти способы согласования спорных позиций.

Проблема справедливости и общественное благо. Слово «справедливость» происходит от древнеславянского слова «праведный», в русском языке оно указывает на правило, которое учитывает интересы всех членов общества. По смыслу слово «справедливость» тесно связана со словами «право», «правый», «правда» и содержит в себе требование соответствия между поступком и его результатом, правами и обязанностями человека. Тем самым принцип справедливости выражает такое одобряемое социальное действие, которое должно вызывать надлежащий социальный ответ: завершаться заслуженной наградой или благодарностью. Такое одобрение выполняет в обществе превентивную, воспитательную и регулятивную функции, стимулирует дальнейшие действия участника социальной коммуникации в избранном им направлении. Социальное взаимодействие выступает при этом как разновидность отношений, возникающих между экзистенциальными инстанциями «Я» и «Другой». Представления о справедливости выражаются в дискурсивных практиках в качестве теоретического обоснования поступков, оправдывающих их совершение, аргументирует их общественную полезность, ценность, высокую значимость для членов общества.

Разрушение веры в социальную справедливость зачастую приводит к правовому нигилизму, моральному релятивизму и всякого рода социальным девиациям. Удачной иллюстрацией этому являются хорошо известные школьникам и студентам сюжеты русской литературы, с помощью которых можно сформировать единое ценностное пространство для обсуждения поставленной проблемы. Так, например, Ф. М. Достоевский в романе «Преступление и наказание» показывал, что социальная несправедливость, которую Родион Раскольников ощущал на себе, как и многочисленные проявления несправедливости, примеры которой он видел вокруг, стали причиной умозрительного разделения им людей на «тварей дрожащих» и «право имеющих». В романе «Дубровский» А. С. Пушкина главный персонаж, столкнувшись с несправедливостью и желая отомстить за смерть своего отца, стал разбойником и начал грабить богатых и влиятельных людей. Герой повести Н. В. Гоголя «Шинель» «вечный титульный советник» Акакий Акакиевич Башмачкин, глубоко уязвленный произошедшей с ним несправедливостью, после смерти в поисках своей украденной шинели также начал грабить других чиновников.

Каковы те причины, которые толкают человека на преступление, делают его маргиналом, социальным изгоем? Что приводит его в состояние конфликта с обществом? Что происходит в душе человека, который бросает вызов общепринятым нормам, вступает в конфликт со своим социальным окружением, стремясь восстановить поправную, с его точки зрения, справедливость?

Эти вопросы можно отнести к «проклятым вопросам» русской литературы, поскольку они находились в центре внимания А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. И. Тургенева, Н. И. Лескова, В. Г. Короленко, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого и др. По сути, раскрытие темы социальной справедливости являлось одной из важных задач русской литературы, как и в целом стремление к разоблачению социальных пороков во многом способствовало развитию критического реализма в XIX в.

Изучение социальных девиаций приводило к обнаружению важных ментальных предпосылок формирования антиобщественных настроений: не только неблагоприятные жизненные обстоятельства способны сформировать в человеке антисоциальные установки, но и само чувство утраты сопричастности сообществу, отчаяние, разрушение веры в человеческую добродетель и справедливость социального порядка. В частности, этой теме посвящен рассказ А. П. Чехов «Крыжовник». В образе Николая Ивановича мы видим, как обладание собственностью разрушило внутренний мир героя, сделало его безразличным и жестоким по отношению даже к самым близким людям, поэтому, писал А. П. Чехов, «надо, чтобы за дверью каждого довольного, счастливого человека стоял кто-нибудь с молоточком и постоянно напоминал бы стуком, что есть несчастные...» [Чехов, 1962, с. 302].

Представление о справедливости социального порядка, доверие к социальным установлениям и институтам являются ключевым фактором социальной стабильности. Еще Платон считал справедливость главной политической идеей, а достижение справедливости — основной целью и задачей государства. Справедливость выражалась в некой совокупности признаков, описывающих общее благо. Она должна, по Платону, подчинять «ненасытность» «умеренности» и воплощается в законах государства, которыми руководствуется мудрый правитель [Платон, 2017].

Однако определение понятия справедливости представляет собой сложную теоретическую задачу. С трудностями, возникающими в связи с попытками определения содержания понятия «справедливость», связано одно из главных препятствий на пути достижения социального консенсуса. При этом, полагая, что стремление к достижению социальной гармонии является благом по своей природе и социальный консенсус всегда является желаемой целью любого общественного порядка, мы порой закрываем глаза на очевидные факты: интересы отдельных граждан и социальных групп зачастую противоречат друг другу, ни одно из известных нам обществ не обходилось без внутренних конфликтов, для любых исторических периодов характерны проявления как социальных девиаций, так и радикальных форм делинквентного поведения. Кроме того, при обсуждении содержания понятия «справедливость» возникает весьма дискуссионный вопрос об историко-культурных предпосылках формирования социальных целей и идеалов.

Благодаря чему формируется содержание исходных принципов той или иной модели справедливости? Основоположник метаэтики Дж. Мур в работе «Принципы

этики» утверждал, что суждения о справедливости основаны на интуитивных соглашениях между всеми субъектами социальных отношений. При этом интуитивным он называл суждение, которое не поддается рациональной аргументации. Следовательно, основная трудность, по Э. Муру, заключается в том, что при обсуждении проблемы справедливости, мы не можем:

– рационально обосновать стремление к универсализации этических суждений и показать, что наши принципы справедливости могут быть единственно верными в силу их логической необходимости;

– формализовать процедуры вывода этих принципов и построить на их основе стройную и логически обоснованную систему моральных правил [Мур, 1999].

Постановка центрального вопроса игры. Следовательно, если мы стремимся к разрешению конфликтов, возникающих в обществе, то нам необходимо развивать практику общественных дискуссий. В этом случае центральный вопрос, на который мы будем искать ответ в процессе игры, выглядит так: «Что же такое справедливость и с помощью каких политических инструментов возможно достижение социального консенсуса в понимании справедливости?»

Сценарий и методика проблемно-дискуссионной игры «Сальдо справедливости»

Задачи участников:

1. Назвать, какие интуитивные (недоказуемые) суждения лежат в основе представлений о справедливости.

2. Выявить модели справедливости, которые выражаются в форме политических идеологий.

3. Описать условия, при которых представления о справедливости могут воплощаться в повседневных идеологиях: например, пищевых (вегетарианство), экологических и природосберегающих (минимализм), потребительских (предпочтения вкуса), идеологиях выбора образа жизни (эскапизм или социальный активизм), планирования семьи (чайлдфри) и др.

4. Обосновать тезис о принципиальной открытости дискуссии об общественном благе и справедливости в правовом демократическом государстве.

Участники дискуссии делятся на четыре группы, три из которых придерживаются одной из политических идеологий, а четвертая — выступает в качестве экспертного сообщества. Участники отвечают на общий для всех вопрос: «Что такое справедливость?»

Роли участников:

Экспертная группа: два участника, которые за убедительность, логичность и ролевую аутентичность аргументов каждой команде ставят от 0 до 10 баллов и подводят итоги дискуссии.

1-я группа — «консерваторы» — граждане государства Z, разделяющие традиционные ценности и выступающие за решающую роль государства в общественной жизни.

2-я группа — «либералы» — граждане государства Z, разделяющие либеральные ценности и придающие первостепенное значение гражданским свободам.

3-я группа — «социал-демократы» — граждане государства Z, разделяющие социал-демократические и социалистические ценности и придающие первостепенное значение формам гражданской консолидации и принципам равенства доступа к общественным благам

Получив индивидуальное кейс-задание, описывающее конкретную жизненную ситуацию, каждая группа должна ответить на три вопроса:

Насколько справедлива описанная в кейсе ситуация?

Какие аргументы можно привести в пользу своего утверждения?

Если ситуация справедлива, то какие действия можно предпринять, направленные на ее закрепление, сохранение и институционализацию. Если ситуация несправедлива, то какие действия можно предпринять для установления справедливости?

Перед началом игры «Сальдо справедливости» формулируются пять вопросов и студентам предлагается составить таблицу с ответами. В левой колонке формулируется вопрос, в правой — ответ:

1. В чем заключается содержание понятий «справедливость», «идеология»?

2. Каковы причины и исторические обстоятельства возникновения политических идеологий?

3. Каковы основные тезисы и аргументы консервативной политической идеологии?

4. Каковы основные тезисы и аргументы либеральной идеологии?

5. Каковы основные тезисы и аргументы социал-демократической идеологии?

Этапы проблемно-дискуссионной игры «Сальдо справедливости»:

Первый этап — *подготовительный*. Проходит до проведения игры. В этот период готовится общий замысел и стратегия игры, пишется сценарий, план, проводится инструктаж участников, собирается материальное обеспечение занятия. Преподаватель объясняет игровую задачу, распределяет роли участников с учетом интересов, предпочтений и способностей студентов, предлагает основную и дополнительную литературу.

Второй этап — *вводный*. Проходит на самом занятии. Преподаватель еще раз объясняет задачи и возможности игры, роль отдельных участников, дает общее направление игре путем формирования соответствующего задания.

Третий этап — *оценочный*. Анализ итогов игры: оценка и самооценка участников. Заключительное слово предоставляется участникам и экспертной группе. Преподаватель проводит анкетирование участников для выяснения результатов игры.

Критерии и шкала оценивания экспертами высказываний участников:

Корректность формулировок высказываний	2 балла
Последовательность и логичность высказываний	2 балла
Научная обоснованность тезисов	2 балла
Эстетическая выразительность высказывания	2 балла
Соответствие высказываний роли участника	2 балла
Максимальный балл	10 баллов

Выводы. Проблемно-дискуссионная игра «Сальдо справедливости» была адресована преимущественно философской студенческой аудитории. Как показала апробация на практике [Ермоленко, 2021], использование игры в учебном процессе помогает студентам эффективно освоить содержание темы «Социальная справедливость» в рамках курса «Методика преподавания обществознания». Вместе с тем проблема справедливости является междисциплинарной и интегрирует широкий спектр вопросов, связанных с использованием форм моральной и политической рациональности в общественной жизни. Поэтому игра «Сальдо справедливости» может с успехом проводиться в рамках тех курсов, которые связаны с изучением социально-политической проблематики: социология, политология, правоведение, история политических учений. При этом важно рассматривать проблему справедливости в контексте политического мировоззрения, политических ценностей и идеологий: консервативной, либеральной, социал-демократической [Жукоцкая, Кожевников, Сахарова, Ермоленко, Твердынин, 2017]. Игровая интерпретация проблемы справедливости позволяет студентам осознать историко-культурные предпосылки той или иной социально-политической позиции и развить в себе навыки социально-политической коммуникации, осознать себя в качестве субъекта социального действия.

Список источников

1. Ермоленко Г. А. Деловая игра студентов-философов [Электронный ресурс] // Официальный сайт Московского педагогического государственного университета. URL: <http://mpgu.su/novosti/delovaja-igra-studentov-filosofov> (дата обращения: 10.11.2021).
2. Идеология: социальная теория и практика: монография / А. В. Жукоцкая, С. Б. Кожевников, М. В. Сахарова и др.; под ред. А. В. Жукоцкой. М.: Социальный проект, 2017. 207 с. ISBN 978-5-98433-087-9
3. Мур Дж. Принципы этики // Мур Дж. Природа моральной философии. М.: Республика, 1989. С. 22–222. ISBN 5-250-02722-9
4. Платон. Государство и политика / пер., введ. и коммент. В. Н. Карпова. М.: АСТ, 2017. 496 с. ISBN 978-5-17-099852-4
5. Чехов А. П. Крыжовник // А. П. Чехов. Собр. соч.: в 12 т. Т. 8. Повести и рассказы. 1895–1903. М.: Художественная литература, 1962. С. 294–304.

References

1. Ermolenko, G. (2021). Delovaia igra studentov-filosofov [Business game of philosophy students]. *The official website of the Moscow Pedagogical State University*. (In Russian). <http://mpgu.su/novosti/delovaja-igra-studentov-filosofov>
2. Zhukoczkaya, A. V. (Ed.), Kozhevnikov, S. B., Saxarova, M. V., Ermolenko, G. A., & Tverdy`nin, N. M. (2017). *Ideologiya: social`naya teoriya i praktika* [Ideology: Social Theory and practice]: Monograph. Moscow: Social`ny`j proekt. 207 p. (In Russian).
3. Mur, Dzh. (1989). Printsipy etiki [Principles of ethics]. In: Mur, Dzh. (1989). *Priroda moral`noj filosofii* [The Nature of Moral Philosophy] (pp. 22–222). Moscow: Respublika. (In Russian).
4. Platon (2017). *Gosudarstvo i politika* [State and politics] (Translation, introduction and commentary by V. N. Karpov). Moscow: AST. 496 p. (In Russian).

5. Chehov, A. P. (1962). Kryzhovnik. In: *A. P. Chekhov. Sobr. soch.* [Collected works] (in 12 volumes, vol. 8 “Povesti i rasskazy. 1895–1903”; pp. 294–304). Moscow: Hudozhestvennaya literatura. (In Russian).

Информация об авторах / Information about the authors:

Ермоленко Галина Алексеевна — доцент, доктор философских наук, профессор, Московского педагогического государственного университета.

119571, Россия, Москва, просп. Вернадского, д. 88

Ermolenko Galina Alekseevna — Associate Professor, Doctor of Philosophy, Professor, Moscow Pedagogical State University.

119571, Russia, Moscow, prosp. Vernadskogo, d. 88

E-mail ga.ermolenko@mpgu.su

Кожевников Сергей Борисович — доцент, доктор философских наук, профессор Московского городского педагогического университета.

129226, Россия, Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр., д. 4

Kozhevnikov Sergey Borisovich — Professor, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Moscow City University.

129226, Russia, Moscow, 2-i Sel'skokhoziaistvennyi pr., d. 4

E-mail: KozhevnikovSB@mgpu.ru

Научно-публицистическая

УДК 167.1

DOI: 10.25688/2078-9238.2022.41.1.06

АХИЛЛЕСОВА ПЯТА СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ТЕСТЫ ПРОТИВ КОММУНИКАЦИИ. СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

М. Р. Кармова

Финансовый университет при Правительстве РФ,
Ленинградский просп., 49, Москва, Россия, 125167

E-mail: mkarmova@fa.ru

ORCID 0000-0001-7393-0119

Аннотация. Представленная статья посвящена проблеме использования теста как метода проведения контроля в сфере образования и ее последствия, целью которой является проведение анализа методов контроля в сфере образования и рассмотрение эффективности применения знаний на практике.

Ключевые слова: тесты, форма контроля, коммуникация, креативные методы проведения контроля.

Для цитирования: Кармова М. Р. Ахиллесова пята современного образования: тесты против коммуникации. Социально-философский анализ // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2022. № 1 (41). С. 66–73. DOI: <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2022.41.1.06>

Scientific and Journalistic

UDC 167.1

DOI: 10.25688/2078-9238.2022.41.1.06

THE ACHILLES' HEEL OF MODERN EDUCATION: TESTS VERSUS COMMUNICATION. SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Maryana R. Karmova

Financial University under the Government of the Russian Federation,
Leningradskij prosp., 49, Moscow, Russia, 125167

E-mail: mkarmova@fa.ru

ORCID: 0000-0001-7393-0119

Abstract. This article is devoted to the problem of test use as a method of control in the sphere of education and its consequences. The purpose of the article is to analyze the methods of control in the sphere of education and to examine the efficiency of knowledge application in practice.

Keywords: tests, a form of control, communication, creative methods of control.

For citation: Karmova, M. R. (2022). The Achilles Heel of Modern Education: Tests against Communication. Socio-philosophical analysis. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 1 (41), 66–73. (In Russian). <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2022.41.1.06>

В эпоху глобальных процессов меняется все. Образование в этом смысле не исключение. Методы обучения, формат проведения занятия, количество используемых платформ на занятии и даже расположение мебели в аудитории меняются. Однако, по мнению автора, существует ряд проблем, связанный с одним из методов контроля как в школе, так и во многих вузах, а именно проведение контроля знаний посредством выполнения тестов, которым уделяется больше внимания наряду с другими, более эффективными техниками проведения контроля знаний.

По мнению автора, сегодня необходимость проведения анализа влияния тестирования на мотивацию к обучению все еще актуальна. Это связано с тем, что за последнее десятилетие возникла обеспокоенность, что использование тестов не только препятствует практике форматного оценивания, но и оказывает негативное влияние на мотивацию к обучению. Более того, факты свидетельствуют о том, что этот эффект сильнее сказывается на менее успешных обучающихся и, таким образом, увеличивает разрыв между учениками с более высокими и низкими результатами.

Обратимся к истории создания тестов, их целям и задачам. История создания и использования тестов уходит своими корнями во времена Древнего Египта и Вавилона, целью которых была проверка уровня подготовленности представленных кандидатов в жрецы, писцы, воинов и т. д. Было важно выявить не только навык говорения, слушания, ловкости, но и молчания, умения внимательно и молчаливо слушать. Тесты в форме испытаний проявляются в фольклоре глубокой древности: рыцарские турниры, военные походы, золотое шитье, изготовление сукна и др. Такие произведения, как «Песнь о вещем Олеге», «12 подвигов Геракла», «Марья-искусницы» — яркое тому подтверждение.

Сегодня тесты являются неотъемлемой частью образовательного процесса. Их используют не только в школах и вузах, но и в дошкольных учреждениях. В книге А. Н. Майорова «Теория и практика создания тестов для системы образования (как выбирать, создавать и использовать тесты для целей в образовании)» отмечается, что в узком смысле тестирование в педагогике связано с использованием стандартизированных педагогических тестов для измерения и оценки результатов обучения. В широком же смысле тестирование — это любое испытание с целью измерения достижения обучаемого [Майоров, 2001, с. 31].

Интеграция цифровых технологий в практику преподавания и обучения все больше становится основополагающей для образования, что также продемонстрировал нынешний период пандемии, который привел к внедрению дистанционного обучения на всех уровнях [Alice Roffi, 2021, с. 2]. Проведение тестов дистанционно представляется автору более серьезной проблемой, которую необходимо исследовать и анализировать как отдельную тему.

Тест, используемый в качестве формы контроля, способен обеспечить равные для всех учащихся условия проверки, что позволяет реализовать индивидуализацию и дифференциацию обучения [Габова, 2005, с. 17]. Для определения уровня успешного изучения пройденного материала возможно использование

различных форм тестирования. Однако стоит подчеркнуть, что основной целью тестирования является то, что выбранная форма позволяет оперативно получать результаты проверки знаний умений и навыков, а если это электронное тестирование, то основным преимуществом выступает экономия времени педагога.

Это, по мнению автора, является единственным плюсом такого метода проведения контроля знаний, как тесты.

По мнению американского писателя Джеймса Фелана, тестирование подавляет творчество, сужает учебную программу, не фокусируется на том, что студенты уже выучили и приводит к несправедливому оцениванию учащихся, результаты которого не предсказывают полезные вещи [Фелан, 2016, с. 2].

Автор статьи полагает, что система образования во всех странах должна постоянно проверяться, пересматриваться и быть в гармонии с новейшей технологической эпохой. В прошлом обучение проходило в простых комнатах с черными досками и белым мелом. Учебные программы соответствовали тому времени, хотя в них отсутствовали технологии. Тесты, например, писались от руки или на обычных печатных машинках. В наши дни они могут быть выполнены с использованием новейших технологий, что является хорошим шагом на пути к современным инновациям в образовании. Некоторые учителя полагают, что они недостаточно свободны в выполнении своей работы, поскольку считают, что школьная администрация играет большую роль в навязывании инструкций и правил, которые почти всегда мешают, а не облегчают работу. С другой стороны, некоторые учителя считают, что им очень нравится преподавать в созданных ранее условиях, и у них нет никаких проблем с администрацией, так как они привыкли делать все, что от них требуется, не стремясь модернизировать традиционные методы контроля.

Основная проблема даже самоотверженных педагогов заключается во времени. Современные педагоги напрочь лишены временной ниши, которую могут посвятить обдумыванию креативного метода проведения контроля знаний: эссе, кейсы, групповые дискуссии, дебаты и др. Фактически каждый педагог должен выполнить план на протяжении одного учебного года, куда входит учебная, учебно-методическая, научно-методическая и организационная работа. Это зачастую настолько большой объем, что весь потенциал педагога направлен на выполнение учебно-методического плана. В данной ситуации возникает проблема, которая больше отражается на учащихся, их мотивации к изучению той или иной дисциплины, поскольку педагоги зачастую не придумывают никаких инновационных способов или мероприятий для преподавания вне предписанного учебным планом.

К сожалению, в системе современного образования тесты являются одной из форм проведения контроля знаний, тогда как групповые проекты, решение кейса посредством дискуссии в группах, проведение дебатов на определенную тему являются либо второстепенными элементами, либо они вовсе не включены в учебный план дисциплины. Соответственно, те педагоги, чья основная

задача заключается в выполнении плана дисциплины, будут лишены возможности работы на постоянной основе с более креативными формами контроля по той причине, что они не прописаны в планах дисциплины.

Однако, не стоит забывать, что образовательные учреждения должны быть местом, где обучающиеся получают знания, манеры и принципы, оттачивают свою личность. Ожидается, что они станут полезными членами общества и лидерами завтрашнего дня, а это представляется возможным через приобщение их к диалогам, дебатам и дискуссиям. Автор считает, что умение и стимулирование задавать вопросы лучше всего в условиях отсутствия тестирования. Для получения новых жизненных навыков нет особой необходимости в предварительных знаниях или определенном объеме знаний в той или иной области; это осуществляется с помощью логических вопросов.

Более того, поощрение такого аргументированного анализа, как критика, дает положительные результаты. Следует подчеркнуть, что работа — это форма обмена опытом. Говоря об обучении в высшей школе, студентам нужно предоставлять возможность проводить семинары или небольшие встречи, основой которых является составление и обращение вопросов аудитории, вследствие чего происходит раскрытие талантов интервьюирования, расширение кругозора знаний и мысли, поскольку развитие мышления — это порог успеха. На этом этапе опытный, более терпеливый и непредвзятый педагог должен наблюдать за их работой и видеть характер вопросов, ответов и комментариев, на всякий случай, чтобы помочь проложить путь к тому, чтобы учащиеся стали успешными и остроумными будущими коммуникаторами в обществе, а не только в школе и университете.

Однако, если они, педагоги и учащиеся, вынуждены подготовить и выполнить тесты, все будет иначе, и это окажет давление на педагогов и вызовет тревогу у учащихся. Если тестирование является постоянной формой контроля того или иного образовательного учреждения, то это еще и порождает такую проблему, как академическое мошенничество (списывание). Преподавание в подобной пассивной среде обычно порождает не только немотивированных учеников, но и педагогов.

Справедливости ради надо сказать, что некоторые педагоги очень амбициозны и верят в перемены, инновации, но они сталкиваются с «бетонным» содержанием планов дисциплин, которые зачастую напрочь лишены креативных форм контроля знаний. Здесь справедливо назревает вопрос: «А как насчет того, чтобы дать педагогам больше свободы на занятиях?».

При предоставлении педагогам некоей академической свободы и повышении при этом безопасности учащихся недостатки тестов уменьшатся или даже исчезнут. Безопасность того, что студентам ничего не грозит (понижение оценок/баллов) ведет к исследованию, инновациям, критическому мышлению и более яркому и плодотворному участию в открытых дебатах. Для того чтобы получить более здоровые учебные заведения, необходимо пересмотреть всю систему образования, которая должна быть изменена, переосмыслена

и полностью адаптирована. Тесты будут иметь приоритет, когда речь идет об изменении образовательного процесса.

Исследователи не выступают категорически против проведения тестов; напротив, тесты могут быть полезны и важны, так как рассматриваются в числе других критериев оценки успеваемости студентов. Необходимо учитывать, что тесты должны быть разработаны таким образом, чтобы проверить, насколько студенты хорошо могут освоить пройденный материал и рассматриваться как руководство для будущего проектирования курсов и учебных программ.

Профессионально разработанные тесты предоставляют ценную информацию, и они могут и должны служить нам, педагогам, руководством при разработке курсов и учебных программ. Когда цели обучения четко определены, а оценки соответствуют им, «преподавание по тестам» не только хорошо, но и это именно то, что мы, педагоги, должны делать.

Более того, тесты должны быть валидными и надежными. В случае возникновения академических проблем должен быть кто-то, кого можно спросить, проконсультироваться или обвинить.

На самом деле некоторые преподаватели, особенно в высших учебных заведениях, несут часть вины. Они редко посещают регулярные и постоянные курсы по оценке. Им следует больше работать над тестами, которые они пишут для своих студентов; пересматривать и проверять их тщательным образом перед утверждением. Более того, им следует обращаться за помощью к более опытным старшим коллегам, так как польза студентов является высшим приоритетом.

Учреждения, в которых подавляющее большинство педагогов обязывают своих студентов учить тексты наизусть, получают не будущих специалистов, а роботов, лишенных креативного мышления. Могут ли такие специалисты быть полезными государству? Сомнительно. Замечено, что в некоторых образовательных учреждениях, где используется вышеизложенный метод контроля, многие учащиеся рвут учебники сразу же после окончания учебного года. Вполне вероятно, что они не помнят практически ничего из того, что изучали, а точнее, учили наизусть в течение всего года. Это показывает, что то, что они проходили на протяжении учебного года, было просто индоктринацией: ради успешного прохождения тестов, а не знаний и навыков, которые, как правило, могут применяться всю жизнь.

Что приходит на ум сейчас: почему некоторые педагоги и их студенты испытывают трудности в аудитории? Иногда преподаватели, как и их студенты, проводят много аудиторных часов, пытаясь найти реферативные ответы на некоторые абстрактные вопросы по определенным предметам, однако положительных результатов так и не добиваются.

А что если бы они с удовольствием провели это время, обсуждая некоторые вопросы, касающиеся того, что интересует их самих и их общество, или людей во всем мире? Они получили бы больше знаний в ходе дискуссий и дебатов, а не в результате жестких тестов, которые либо оказывают на них слишком

сильное давление и создают хаос, либо вызывают привыкание к академическому мошенничеству.

Тесты, действительно, влияют отрицательно на психологическое состояние учащихся, когда они их проваливают. Один из возможных способов предложить учащимся независимость и безопасность — это предоставление большей свободы в аудитории посредством коммуникативного подхода.

Коммуникативный подход позволяет учащимся разделить большую часть бремени, связанного с процессом общения в классе: около 80–85 % коммуникативного процесса в классе. Педагог играет новые роли, а именно педагог как фасилитатор, консультант. Педагог в роли фасилитатора поднимает определенную тему, а затем учащиеся коммуницируют друг с другом, выражают свои мысли и в конечном итоге приходят к решению. Преподаватель наблюдает, вмешивается в том случае, если это необходимо, и с удовольствием наблюдает за тем, как его/ее студенты с энтузиазмом разбираются с темой. Этот способ направлен на то, чтобы поощрять учащихся выражать себя демократическим способом, который подготовит их к перспективному будущему. Устаревшие методы обучения не способствуют развитию коммуникативных навыков учащихся.

Рассмотрим изучение иностранного языка. Традиционные методы обучения, особенно метод заучивания наизусть грамматических правил иностранного языка, все еще существуют. Некоторые родители считают, что это лучший способ получения знаний для их детей, так как это показывает, насколько хороши их дети в запоминании правил и словарного запаса, хотя обычно они объясняют правила изучаемого языка на их родном языке. Учителя чувствуют себя спокойно, видя, что их ученики заучивают правила и объясняют их на обоих языках: изучаемом и родном. Некоторые учителя делают то же самое в классах; объясняя грамматические правила не на изучаемом, а на родном языке. Это наносит обучающимся серьезный вред, когда они поступают в высшие учебные заведения, поскольку в вузах преподаватели иностранных языков обязаны объяснять материал на изучаемом языке, но студенты в данной ситуации не были обучены к получению знаний на иностранном языке, ведь те же самые грамматические правила в школе им разъясняли на родном языке, то есть студенты первых курсов зачастую лишены опыта обучаться иностранному языку на изучаемом языке.

Автор полагает, что студентам не нравится, когда их педагоги преподают только по тестам. Они находятся под давлением, поскольку им приходится заучивать все наизусть, прежде чем прийти в аудиторию на следующий день и отвечать на вопросы преподавателя.

В свете этой статьи следует рассмотреть несколько рекомендаций:

- педагоги должны инициировать в аудитории форум, чтобы обучающиеся могли коммуницировать и выражать себя свободно и открыто;
- студенты не должны испытывать давление и тревогу из-за экзаменов, основанных на тестовой форме;

– педагоги могут попробовать проводить экзамены с открытой книгой или предоставлять студентам возможность проводить исследовательские работы, что и будет формой контроля знаний;

– педагоги должны позволить обучающимся чувствовать себя в безопасности, не ощущать тревогу за снижение баллов или оценок, чтобы они могли обмениваться идеями со своими одноклассниками/сокурсниками. Более того, их точки зрения должны приниматься во внимание;

– для того чтобы жить в аутентичной атмосфере и практиковаться в ней, студенты должны посещать места, упомянутые в учебниках/пособиях, хотя бы несколько раз в полугодие/семестр, чтобы увидеть вещи естественным образом, вдали от суетливой рутины в аудитории;

– администрация образовательного учреждения должна предоставлять возможность педагогам проходить курсы современного управления технологиями;

– коммуникация на должном уровне и поощрение за нее позволяют достичь коммуникативных целей, что ведет к положительным результатам успеваемости обучающихся;

– педагоги, составляющие тесты, должны подбираться тщательно, особенно для начальной школы или первых курсов вуза, так как это основа для творчества;

– для старших классов/курсов тесты должны разрабатываться экспертами-педагогами и психологами.

В связи с вышеизложенным анализом автор работы полагает, что необходимо помнить, что преподавание — это комплексный процесс, который должен осуществляться через всестороннее сотрудничество, когда все несут ответственность за выполнение этой миссии: учащиеся, педагоги и администрация образовательного учреждения. В то же время необходимо повышать уровень цифровой компетентности как студентов, так и преподавателей, поддерживать их в разработке образовательных интервенций для приобретения научных навыков, преодоления недостатков и барьеров, препятствующих широкой интеграции цифровых технологий в науку и образование.

Список источников

1. Габова О. В., Русаков А. А. Тестирование — одна из форм диагностики и проверки успешности обучения. Педагогическая информатика. 2005. № 3. С. 13–17.

2. Майоров А. Н. Теория и практика создания тестов для системы образования (как выбирать, создавать и использовать тесты для целей в образовании). М.: Интеллект-центр, 2001. 296 с.

3. Phelan J., Phelan J. Teaching to the (right) test // Inside Higher Ed. 2013. September 5. URL: <https://www.insidehighered.com/views/2013/09/05/teaching-test-good-if-its-right-test-essay>

4. Roffi A., Stefano C. S., Ranieri M. Using Augmented and Virtual Reality for teaching scientific disciplines // IUL Research. 2021. Vol. 2 num. 3. URL: <https://iulresearch.iuline.it/index.php/IUL-RES/article/download/120/123/>

References

1. Gabova, O. V., & Rusakov, A. A. (2005). Testirovanie — odna iz form diagnostiki i proverki uspešnosti obučeniia [Testing — one of the forms of diagnostics and checking the success of learning]. *Pedagogical Computer Science*, (3), 13–17. (In Russian).
2. Mayorov, A. N. (2001). *Teoriia i praktika sozdaniia testov dlia sistemy obrazovaniia (kak vybirat', sozdavat' i ispol'zovat' testy dlia tselei v obrazovanii)* [Theory and practice of creating tests for the education system (how to select, create and use tests for goals in education)]. M.: Intellect Center. 296 p. (In Russian).
3. Phelan, J., & Phelan, J. (2013, September 5). Teaching to the (right) test. *Inside Higher Ed*. Retrieved from: <https://www.insidehighered.com/views/2013/09/05/teaching-test-good-if-its-right-test-essay>
4. Roffi, A., Stefano, C. S., & Ranieri, M. (2021). Using Augmented and Virtual Reality for teaching scientific disciplines. *IUL Research*, (2, 3). Retrieved from: <https://iulresearch.iuline.it/index.php/IUL-RES/article/download/120/123/>

Информация об авторе / Information about the autor:

Марьяна Ризоновна Кармова — старший преподаватель Финансового университета при Правительстве РФ.

125167, Россия, Москва, Ленинградский просп., д. 49

Maryana Rizonovna Karmova — Senior Lecturer Financial University under the Government of the Russian Federation.

125167, Russia, Moscow, Leningradskij prosp., d. 49

E-mail: mkarmova@fa.ru

Научно-публицистическая

УДК 1(091):18

DOI: 10.25688/2078-9238.2022.41.1.07

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФЕМИННОГО ОБРАЗА В КУЛЬТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ НАЧАЛА XX в.

Л. Р. Миркушина

Московский городской педагогический университет,

2-й Сельскохозяйственный пр., 4, Москва, Россия, 129226

E-mail: mirkushinalr@mgpu.ru

Аннотация. Статья посвящена формированию новых представлений поэтесс, философов об изменении собственной женской роли в общественной жизни на рубеже XIX–XX столетий. В работе рассматриваются творческие искания Зинаиды Гиппиус, Зиновьевой-Аннибал, Анны Мар, М. В. Безобразовой, А. Ахматовой, М. Цветаевой, которые под воздействием процесса эмансипации в Европе, расширения доступа к высшему образованию, а также появления героинь нового типа в русской литературе XIX в. чувствуют необходимость реализоваться не только в личной, но и в общественной жизни. Автор отмечает, что эпоха Серебряного века подарила новый идеал женщины, которая, преодолевая себя, стремилась избавиться от влияния устоев патриархального общества, но при этом сохранить традиционные женские свойства. Культурно-художественное пространство и философская мысль начала XX в., демонстрируя главные идеи эпохи, все больше начала уделять внимание вопросу взаимоотношения полов, в частности пыталось переосмыслить женский вопрос. Все более распространенным и обыденным явлением становилось отстаивание прав женщин, при этом жертвующих своими собственными интересами исключительно по идейным соображениям. Эта тенденция стала яркой чертой нашей культуры всего XX столетия и не потеряла своей актуальности в настоящее время, трансформируясь, конечно, в реалиях времени. К сожалению, значительное влияние на формирование эстетических и идеологических концепций оказывало несоответствие преобладающих стандартов о женском начале с их потребностью к самоутверждению, которая стала отличительной особенностью эпохи.

Ключевые слова: русская философия, Серебряный век, феминизм, гендерная проблематика.

© Миркушина Л. Р., 2022

Для цитирования: Миркушина Л. Р. Трансформация феминного образа в культурно-художественном пространстве начала XX в. // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2022. № 1 (41). С. 74–85. DOI: <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2022.41.1.07>

Scientific and journalistic

UDC 1(091):18

DOI: 10.25688/2078-9238.2022.41.1.07

TRANSFORMATION OF THE FEMININE IMAGE IN THE CULTURAL AND ARTISTIC SPACE OF THE EARLY XX CENTURY

Liya R. Mirkushina

Moscow City University,

2-i Sel'skokhoziaistvennyi pr., 4, Moscow, Russia, 129226

E-mail: mirkushinalr@mgpu.ru

Abstract. The article discusses the formation of new ideas of poetesses, philosophers about the change in their own female role in public life at the turn of the XIX–XX centuries. The paper represents the creative searches of Zinaida Gippius, Zinovieva-Annibal, Anna Mar, M. V. Bezobrazova, A. Akhmatova, M. Tsvetaeva, who, under the influence of the process of emancipation in Europe, expanding access to higher education, as well as the emergence of a new type of heroines in Russian literature of the 19-th century, feel the need to realize themselves not only in their personal but also in public life. The author notes that the era of the Silver Age presented a new ideal of a woman who, overcoming herself, sought to get rid of the influence of the foundations of a patriarchal society, but at the same time preserve traditional feminine properties. The cultural and artistic space and philosophical thought of the early 20th century, demonstrating the main ideas of the era, began to pay more and more attention to the issue of gender relations, in particular, they tried to rethink the women's question. An increasingly widespread and commonplace phenomenon was the defense of the rights of women, while sacrificing their own interests solely for ideological reasons. This trend has become a striking feature of our culture throughout the twentieth century and has not lost its relevance at the present time, transforming, of course, in the realities of the time. Unfortunately, a significant influence on the formation of aesthetic and ideological concepts was affected by the discrepancy between the prevailing standards of the feminine principle and their need for self-assertion, which became a distinctive feature of the era.

Keywords: Russian philosophy, feminism, Silver Age, gender mainstreaming.

For citation: Mirkushina, L. R. (2022). Transformation of the feminine image in the cultural and artistic space of the early XX century. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 1 (41), 74–85. (In Russian). <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2022.41.1.07>

Введение

Список источников эпохи Серебряного века, тесно интегрируя с философией, послужила фундаментом к осмыслению женского образа в русской культуре и выдвинула на значимые позиции плеяду талантливых женщин. Под воздействием процессов феминизации и эмансипации в Европе, расширения доступа к высшему образованию (Высшие женские курсы), а также появления героинь нового типа в русской литературе XIX в. женщины чувствуют необходимость реализоваться не только в личной, но и в общественной жизни. По замечанию Л. В. Калачиной, «артистичная, изысканная и экстравагантная, изменчивая и таинственная, полная загадок и противоречий, бесконечно влюбляющаяся и вечно ускользающая женщина Серебряного века была непосредственной участницей культурных событий этого периода, имела все возможности для личностного и творческого самовыражения и предпочитала под стать духу времени скрываться под собственными женскими масками» [Калачина, 2010, с. 14].

Методы / Методологические основания

При проведении исследования были использованы системный и социокультурный подходы, которые позволили рассмотреть образ женщины с позиции трансформаций в системе миропонимания эпохи Серебряного века. С помощью метода герменевтики были выявлены философские идеи в художественных произведениях.

Результаты

В данный период поэтессы, стремясь воплотить свои способности на литературном поприще, прибегали к маске, в связи с несоответствием представлений мужчин-коллег о женском. Под маской понимается скрытие себя под мужским псевдонимом (З. Гиппиус — А. Крайний, Л. Денисов), использование мужского наряда, «проявление мужского характера: резкого, язвительного, независимого, сильного» [Ерохина, 2020 с. 172]. Но в то же время, вступая в противоречие с институциональными барьерами, представительницам эпохи «приходилось преодолевать множество стереотипов, в частности, стереотипы тех ролей, которые навязывали этим женщинам чаще всего близкие им мужчины и мужской мир, окружающий их» [Михайлова, 1998, с. 122]. Маска же позволяла соответствовать «маскулинным образцам творчества» [Воронина, 2020, с. 21], предстать перед публикой в том образе, к которому женщина стремилась с возможностью открыто говорить о вещах, которые ранее были бы невозможны, а также освободиться от некоторых традиционных запретов.

Зинаида Гиппиус, Нина Петровская зачастую писали произведения от мужского имени, несмотря на то, что семейные обстоятельства заставляли придерживаться традиционных правил. С одной стороны, женщина стремилась сохранить привычные свойства, навязанные патриархальным обществом, с другой — не всегда до конца принимала данные требования и бунтовала против них, что в некоторых случаях приводило к внутриличностному конфликту. Примером может послужить пьеса «Кольца» (1904) и роман «Тридцать три уroda» (1906), в которых Л. Д. Зиновьева-Аннибал воссоздала события личной жизни. Данные произведения воплощали в своей сюжетной линии идеи В. Иванова — мужа писательницы, планировавшего создать внутри семьи «новую Церковь, где Эрос воплощается в плоть и кровь» [Михайлова, 1998, с. 128]. Лидия Зиновьева-Аннибал, вынужденная жить в «тройственном союзе» с мужем и сначала с поэтом С. Городецким, а затем с М. Сабашниковой, привела героиню ее романа к самоубийству, так как тяжесть подобной ситуации оказалась слишком велика. В скором времени скоропостижно скончалась и сама писательница.

Такие необычные связи в период Серебряного века не исключение из правил. А. Чеботаревская и Ф. Сологуб, Л. Менделеева и А. Блок, З. Гиппиус и Д. Мережковский — самые знаменитые из подобных союзов. Кроме того, Зинаида Гиппиус и Дмитрий Мережковский жили долгие годы совместно с публицистом Дмитрием Философовым. Сходные проявления стали, во-первых, желанием воплощения святого брака, во-вторых, битвой за духовное и художественное возрождение среды, государства. Подобный опыт с самого начала был безнадежно провальным. Невозможность изменить многовековой стереотип покорности женского пола, их извечного неравенства с мужским полом породила драматические финалы.

Так, Зинаида Гиппиус испытывала настоящие муки из-за противоречия между своим желанием равенства с мужчинами и реальностью.

Подобные глубинные противоречия типичны для некоторых представительниц слабого пола того времени. Рассуждая о непростой и парадоксальной литературной деятельности Анны Мар (псевдоним Анны Леншиной), основной тематикой которой стало постоянное стремление женщины к мукам, М. Михайлова замечает: А. Мар «одной из первых женским языком заговорила о невозможности дальнейшего существования женщины в мире, созданном и организованном мужчинами, который обрекает женщину на единственную роль — вечной искательницы любви и взаимопонимания. Ее творчество отражает определенную стадию существования женской литературы, ее, так сказать, феминного, женственного этапа, когда женщина продолжает жить по мужским стандартам» [Михайлова, 2000, с. 50].

Нежелание принять мужской половиной большинства современных женских героинь сказилось и на восприятии феминного творчества, которое один из крупнейших представителей русской литературы XX в. О. Мандельштам воспринимал «бессознательной пародией как поэтических изобретений, так и воспоминаний». Исходя из собственной позиции поэт и критик

высказывался, что «большинство московских поэтесс ушиблены метафорой» [Мандельштам, 1990, с. 275]. В свою очередь, В. Брюсов в феврале 1921 года на «Вечере поэтесс» отметил, что «и после революции женщины способны писать только о любви и страсти» [Дорфман, 1996, с. 49]. Не секрет: женщины не соглашались со словом «поэтессы», потому что видели в нем тенденцию к преувеличенной и неуместной чувственности и, по словам С. Бойм, «недостатку исторического чувства и исторической ответственности» [Boym, 1993]. Но именно этого у женщин Серебряного века было слишком много. По выражению делегатки первого Всероссийского женского съезда 1908 года К. Макшеевой, русская женщина «на протяжении своей многострадальной истории» показывала «и образцы святости, и подвиги самоотречения», но более активное участие в жизни общества подтолкнуло женщину «с беззаветной смелостью на подвиг, на борьбу», жаждать немедленной жертвенности ради великих целей [Макшеева, 1998, с. 277].

Анализируя данный период эпохи, хочется сказать о Марии Владимировне Безобразовой, первой женщине в стране, получившей настоящую высококвалифицированную подготовку в области философии. Являясь организатором женского движения, она участвовала в деятельности первого Русского женского взаимно-благотворительного общества и Этического общества [Кравченко, 2016, с. 32]. Побуждая рассматривать главное в человеке вне любого дифференцирования, общественная деятель не только призывала мужчин признать права женщин, но и женщин — к восприятию себя независимыми людьми. Безобразова уверена: «Женский вопрос не только наш кровный, нет, он самый глубокий для всех, и его неразрешение тормозит общую культуру» [Безобразова, 2009, с. 351]. Мария Владимировна особо подчеркивала, что предназначение женщины состоит не только в сохранении семейных ценностей и посвящению себя домашним хлопотам, а исполнять при этом роль самодостаточного и активного члена социума, высвобождаясь от зависимого положения от мужчины.

Эпохальные события начала века в России, как упоминалось ранее, значительно повлияли на творчество поэтов и писателей. Женщины, порывающиеся мучиться и терпеть «за всех», — новый символ художественной литературы. Характерны в этом смысле два произведения с одинаковым названием «Молитва» М. Цветаевой и А. Ахматовой. Цветаева создала «Молитву» в семнадцатилетнем возрасте в 1909 году и, угадывая свою страшную судьбу, обращалась к Богу с мольбой о смерти. В то же время ее душа жаждала отразиться в истории: «Всего хочу: с душой цыгана / Идти под песни на разбой, / За всех страдать под звук органа / И амазонкой мчаться в бой» [Цветаева, 2017, с. 49].

Анна Ахматова, создавая «Молитву» в страшные годы мировой войны (1915), готова была пожертвовать жизнью мужа, поэта Николая Гумилева, сражавшегося на передовой, и даже жизнью единственного сына; лишиться творческого дара во имя счастливого будущего России. Удивительно, как поэтический образ ее героини в этом произведении отличен от тех женских персонажей, которые были созданы литераторами-мужчинами в этот период.

«Дай мне горькие годы недуга,
Задыханья, бессонницу, жар,
Отыми и ребенка, и друга,
И таинственный песенный дар —
Так молюсь за Твоей литургией
После стольких томительных дней,
Чтобы туча над темной Россией
Стала облаком в славе лучей».

[Ахматова, 1990, с. 99]

Самопожертвование она совершала не ради родных людей, жертвенность ее была безжалостнее и глубиннее. Она готова страдать за весь истерзанный народ. Бесспорно, в судьбе А. Андреевны эта жертва была претворена абсолютно: первый муж, Николай Гумилев, был расстрелян, третий муж, Н. Пунин, посажен в тюрьму, сын, Лев Гумилев (в будущем российский ученый, писатель, переводчик), подвергся репрессиям, а сама Ахматова испытала отчаянные годы терзаний и боли за близких и родину. Она сумела выжить в ленинградскую блокаду, выдержала непонимание и преследование со стороны правительства.

Поэтесса, не задумываясь, приняла трудный путь страны как свой крест. В пророческом для себя поэтическом произведении «Мне голос был...» (1917), А. Ахматова дает решительный, почти ультимативный ответ на просьбы тех, кто призывает ее бросить окровавленную Россию: «Оставь свой край глухой и грешный. Оставь Россию навсегда». Ее моральный выбор оказался прямым и, конечно же, непредсказуемым для большинства:

«Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух».

[Ахматова, 2019, с. 143]

Все последующее поэтическое творчество А. Ахматовой отмечено неистребимой верностью родине, острейшим психологическим анализом и внутренним глубоким переживанием в изображении исторических реалий, очевидцев и участниц которых она явится. Символичная поэзия стала для нее принципиальной позицией жизни, а не просто манифестом абстрактных мыслей.

Известно, что поэт Осип Мандельштам, со снисходительной улыбкой смотревший на поэтесс вообще, не только признавал, но и по достоинству оценивал творчество Анны Ахматовой. Он уверен, что она «принесла в русскую лирику всю огромную сложность и психологическое богатство русского романа девятнадцатого века» [Мандельштам, 1994, с. 272]. По мнению ученых-литераторов, действительно в женских лирических персонажах второй половины XIX в. берут начало образы женщин-героинь Серебряного века.

Поэзия Ахматовой и Цветаевой удивляет силой гуманистических идеалов, «безмерностью» чувств, но даже в самых трагических сюжетах голос лирической героини звучит мужественно. Таким образом, поэтессы своим творчеством

запечатлели не только традиционный женский тип благой мученицы, но и в значительной степени тип женщины-героини. Исследователь В. Н. Кардапольцева обращает внимание на то, что «новые» [Кардапольцева, 2000, с. 95–96] женщины-героини русской литературы не были счастливы в семейной жизни, не реализовались как матери. Не просто так Ахматова в 1915 году в стихотворении «Колыбельная» написала «...спи, мой мальчик, / Я дурная мать».

Восторгаясь этими строчками, Цветаева, заимствовала их для стихотворения 1918 года «Памяти Беранже»:

«Дурная мать! — Моя дурная слава
Растет и расцветает с каждым днем.
То на пирушку заведет Лукавый,
То первенца забуду — за пером...»

В ранней поэзии женщин-авторов лирическим героиням не удается совместить любовь и творческий дар, хотя они еще к этому стремятся. Как утверждала Цветаева в одном из писем, «творчество и любовность несовместимы. Живешь или там, или здесь» [Цветаева, 2019, с. 111]. Они могут ради поэтического вдохновения отречься от простого человеческого, женского счастья, но сохранить нежность, самоотвержение и трагедийность. По мнению М. Цветаевой, «женщина остается безмолвной, если не творит как поэт и художник, но в этом случае она отождествляется с мужчиной» [Кардапольцева, 2000, с. 50]. Женщины Серебряного века, чтобы быть понятыми, должны были держаться в обществе неординарно, шокирующе, намеренно вызывая эпатаж, а декларировать свою волю могли только мужественностью.

Большинство женщин того времени не соглашались с Цветаевой. С. К. Исполатова, представитель на Первом женском съезде, критиковала позицию женщин, которые умышленно теряя женскую идентичность, подыгрывают мужчинам, считая недостойным выражение: «Вы рассуждаете чисто по-женски». И оскорбленная такими словами женщина, как считала С. К. Исполатова, «спешит поскорее сбросить с себя все женское, как что-то позорное, чтобы приобрести мужской ум и мужскую логику. В бессмысленном подражании мужчине она топчет в грязь свою духовную, творческую силу, свою волю, свою душу. Для определения своих природных свойств она пользуется мужской меркой, ибо собственная мерка не выработана. Она смотрит на себя мужскими глазами, а мысль ее — и та подчинена мужской цензуре. Есть исключения, но их пока немного» [Исполатова, 1998, с. 197]. Выход из данного положения Исполатова видит в изменении сознания всех и предлагает каждому служить примером своим поведением, меняя взаимоотношения между полами.

Выступая на съезде А. В. Тыркова заметила, «что русская женщина, двигая дело своего освобождения, в то же время помогает и всему освобождению России, потому что освобождение женщины есть не только ее личное движение вперед, но, больше того, оно накладывает печать на всю жизнь страны: только там, где все женщины участвуют в жизни страны, создается свободная жизнь» [Первое общее собрание...].

В период смены культурных парадигм в начале XX в. в России, женщины стремились внести собственный вклад в ее преобразование. Они не только предлагали персонажей нового формата, но и сами становились проводниками современных идей. Женщины удивляли, волновали многих, потому что заставляли себя ненавидеть и не соглашаться с ними, однако ими восхищались и боготворили. Например, о Зинаиде Гиппиус современники писали, что «она сама делала новый век. Она создавала законы во всем: в одежде, в литературе, в вере» [Кардапольцева, 2000, с. 19].

Женщины того периода: благотворительницы, литераторы, ученые, просветительницы — внесли неоценимую лепту в развитие новой страны, эпохи. Хотя жизнь многих из них оказалась драматичной, даже безнадежной. Причиной этого стало столкновение, противоречие между действительностью и их неистребимым желанием к изменениям. Гибель старого мира была стремительной и происходила ужасающими способами, а появление нового еще не произошло. Об этой эпохе поэт Константин Бальмонт сказал: «Люди, которые мыслят и чувствуют на рубеже двух периодов, одного законченного, другого еще не народившегося... развенчивают все старое, потому что оно потеряло свою душу и сделалось безнадежной схемой. Но, предшествуя новому, они сами, выросшие на старом, не в силах видеть это новое воочию, — вот почему в их настроениях рядом с самыми восторженными вспышками так много большой тоски» [Бальмонт, 1997, с. 367].

Заключение

Подводя итог, необходимо отметить, что в период Серебряного века появился необычный, свежий образ женщины нового типа, одновременно желающей и сбросить женственные качества, и освободиться от устаревших традиций. При таких обстоятельствах могли развиваться не только противоречия индивидуальности, но и случиться драматический финал. В одинаковой мере это можно сказать и об образах литературы, и о конкретных женщинах той непростой, но, несомненно, интересной эпохи. Вероятно, именно в этом скрыта парадоксальность, неоднозначность в изображении женских образов рассматриваемого периода истории, одновременно заключавших в себе антагонистические особенности личности.

Как видим, вся творческая деятельность века русского культурного ренессанса провозглашала важнейшие идеи того времени, стремясь определиться также и с общеизвестным женским вопросом — одним из самых острых на рубеже веков. Вся художественная культура молниеносно отзывалась на современные проблемы. Тем не менее прозаические жанры и другие виды искусства не могли апеллировать таким разнообразием выразительных средств, как поэзия. Поэзия как знамя Серебряного века сделала возможным остро, живо и пронизывающе очертить важные аспекты в осознании и видении

женской природы и женских образов в поворотный исторический момент. Именно тогда в символическом выражении были реализованы и типизированы поэтические изображения женщин, воплощены основные женские типажи, созданные или пересмотренные эпохой.

Через категорию Вечной Женственности Список источников XIX–XX вв., тесно интегрируясь с философией, послужила фундаментом к осмыслению женщины в русской культуре. Ведь женские образы эпохи становились воплощением просветительства, духовности и примером возрождения и очищения России. Подобные идиллические мировоззренческие установки неторопливо, но решительно обнаруживались в окружающей реальности. Становились обыденностью женщины, участвующие в борьбе за статус свободной, равноправной личности, одновременно жертвующие собственными интересами по высокоидейным убеждениям. Эта эволюция стала яркой чертой нашей культуры всего XX столетия и не потеряла своей остроты в настоящее время, трансформируясь, конечно, в реалиях времени. Несомненно, новая эпоха революционных веяний изменила образ Вечной Женственности, привела к утрате его ключевых признаков: олицетворение мысли о неразделимости мира, возможности вдохновлять к творчеству, довершать и оттенять мужское начало до гармоничной полноты и единства. Усилив равноправие и раскрепощение, новая действительность ускорила перерождение и роли женщины в обществе, и привычной Вечной Женственности.

К сожалению, значительное влияние на формирование художественных и концептуальных понятий сказывалось роковое несовпадение преобладающих стандартов о женском начале с их потребностью к самоутверждению, которая стала отличительной особенностью эпохи.

Список источников

1. Ахматова А. А. Когда в тоске самоубийства. Поэзия Серебряного века. М.: Эксмо, 2019. 672 с.
2. Ахматова А. А. Молитва. Собрание соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1990. 99 с.
3. Айвазова С. Г. Русские женщины в лабиринте равноправия (Очерки политической теории и истории. Документальные материалы). М.: РИК Русанова, 1998. 405 с.
4. Бальмонт К. Избранное. М.: Диамант, 1997. 448 с.
5. Безобразова М. В. Розовое и черное из моей жизни. М.: Аграф, 2009. 480 с.
6. Воронина О. А. Женщины и художественное творчество: гендерный анализ // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 5 (116). С. 217–224.
7. Дорфман Л. «Серрапионова сестра» Елизавета Полонская и критическое восприятие женской лирики // Преображение. Русский феминистский журнал. М., 1996. № 4. С. 46–53.
8. Ерохина Т. И. Трансформация феминных стереотипов в советской культуре начала XX века // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 4 (23). С. 169–179.
9. Исполатова С. К. Самосознание женщины как фактор обновления общественного строя // Труды Первого Всероссийского женского съезда (10–16 декабря 1908 г., г. Санкт-Петербург). С. 197–205.

10. Калачина Л. В. Феномен женской маски в культурно-художественном пространстве серебряного века: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 теория и история культуры. Саранск, 2010. 19 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19322889> (дата обращения: 21.10.2021).

11. Кардапольцева, В. Н. Женские лики России. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2000. 160 с.

12. Кравченко В. В. Творчество М. В. Безобразовой: из предыстории гендерных исследований в России // История философии. 2016. Т. 21. № 1. С. 32–40.

13. Макшеева К. Нравственная сторона русской женщины в литературе и в жизни // Труды Первого Всероссийского женского съезда (10–16 декабря 1908 г., г. Санкт-Петербург). С. 277–284 // Айвазова С. Г. Русские женщины в лабиринте равноправия (Очерки политической теории и истории. Документальные материалы). М.: РИК Русанова, 1998. 405 с.

14. Мандельштам О. Литературная Москва // О. Мандельштам. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1990. 275 с.

15. Мандельштам О. Э. Письмо о русской поэзии // О. Мандельштам. Соч.: в 2 т. / сост. О. Дорофеева. Т. 2. Проза. М.; Тула: Филин, 1994. 383 с.

16. Михайлова М. В. Лица и маски русской женской культуры Серебряного века // Гендерные исследования: Феминистская методология в социальных науках. Харьков: ХЦГИ, 1998. С. 117–132.

17. Михайлова М. Диалог мужской и женской культур в русской литературе Серебряного века: «Cogito ergo sum» – «Amo ergo sum» // Russian Literature. North-Holland. 2000. Т. 45. С. 47–70.

18. Первое общее собрание в зале Городской Думы 10 декабря 1908 г. Труды Первого Всероссийского женского съезда (10–16 декабря 1908 г., г. Санкт-Петербург) // Айвазова С. Г. Русские женщины в лабиринте равноправия (Очерки политической теории и истории. Документальные материалы). М.: РИК Русанова, 1998. 405 с. С. 169–181.

19. Цветаева М. И. Стихотворение Памяти Беранже, авторский сб. «Волшебный фонарь». М.; СПб.: Азбука-Аттикус, 2019. 1024 с.

20. Цветаева М. И. Стихотворения (1906–1916). М.; Берлин: Директ-Медиа, 2017. 592 с.

21. Boym S. «Loving in Bad Taste. Eroticism and Literary Excess in Marina Tseve-taeva's 'The Tale of Sonechka'» // Sexuality and the Body in Russian Culture / eds. J. Costlow, S. Sandier, J. Vowles. Stanford, CA: Stanford University Press, 1993. 357 p.

References

1. Ahmatova, A. A. (2019). *Kogda v toске samoubiistva. Poeziia Serebrianogo veka* [When in suicide angst. Poetry of the Silver Age]. Moscow: E'ksmo. 672 p. (In Russian).

2. Ahmatova, A. A. (1990). *Molitva. Sobranie sochinenij* [Prayer. Collected works]: In 2 volumes. Vol. 1. Moscow: Pravda. 99 p. (In Russian).

3. Ajvazova, S. G. (1998). *Russkie zhenshchiny v labirinte ravnopraviia (Oчерki politicheskoi teorii i istorii. Dokumental'nye materialy)* [Russian women in the labyrinth of equality (Essays on political theory and history. Documentary materials)]. Moscow: RIK Rusanova. 405 p. (In Russian).

4. Bal'mont, K. (1997). *Izbrannoe* [Favorites]. Moscow: Diamant. 448 p. (In Russian).
5. Bezobrazova, M. V. (2019). *Rozovoe i chernoe iz moei zhizni* [Pink and Black from My Life]. Moscow: Agraf. 480 p. (In Russian).
6. Boym, S. (1993). Loving in Bad Taste. Eroticism and Literary Excess in Marina Tsvetaeva's 'The Tale of Sonechka'. In: *Sexuality and the Body in Russian Culture* (Costlow, J., Sandier, S., & Vowles, J. (Eds.)). Stanford, CA: Stanford University Press. 357 p.
7. Cvetaeva, M. I. (2019). *Stikhotvorenie Pamiati Beranzhe, avtorskii sb. 'Volshebnyi fonar'* [Poem in Memory of Beranger, author's collection The Magic Lantern]. Moscow; St. Petersburg: Azbuka-Attikus. 1024 p. (In Russian).
8. Cvetaeva, M. I. (2017). *Stikhotvoreniia (1906–1916)* [Poems (1906–1916)]. Moscow; Berlin: Direkt-Media. 592 p. (In Russian).
9. Dorfman, L. (1996) «Serapionova sestra» Elizaveta Polonskaia i kriticheskoe vospriatie zhenskoi liriki [«Serapion's Sister» Elizaveta Polonskaya and Critical Perception of Women's Lyrics]. *Preobrazhenie. Russian feminist magazine*, (4), 46–53. (In Russian).
10. Erohina, T. I. (2020). Transformatsiia feminnykh stereotipov v sovetskoj kul'ture nachalaXX veka [Transformation of feminine stereotypes in soviet culture in the beginning of the twentieth century]. *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik* [Verkhnevolzhsky philological Bulletin], (4, 23), 169–179. (In Russian).
11. Ispolatova, S. K. (1998). Samosoznanie zhenshchiny kak faktor obnovleniia obshchestvennogo stroia [Self-awareness of a woman as a factor in the renewal of the social order]. *Trudy Pervogo Vserossiiskogo zhenskogo s'ezda (10–16 dekabria 1908 g., g. Sankt-Peterburg)* [Proceedings of the First All-Russian Women's Congress (1908, December 10–16, St. Petersburg)], 197–205. (In Russian).
12. Kalachina, L. V. (2010). Fenomen zhenskoi maski v kul'turno-khudozhestvennom prostranstve serebriannogo veka [The phenomenon of a female mask in the cultural and artistic space of the Silver Age]. *Extended abstract of candidate's thesis*: 24.00.01. Saransk. 19 p. (In Russian). Retrieved from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19322889> (accessed: 21.10.2021).
13. Kardapol'ceva, V. N. (2000). Zhenskie liki Rossii [Female faces of Russia]. Ekaterinburg: Publishing house of the Humanitarian University. 160 p. (In Russian).
14. Kravchenko, V. V. (2016). Tvorchestvo M. V. Bezobrazovoi: iz predistorii gendernykh issledovanii v Rossii [Creativity M.V. Bezobrazovoy: From the Prehistory of Gender Studies in Russia]. *History of philosophy*, (21, 1), 32–40. (In Russian). Retrieved from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26399149>
15. Maksheeva, K. (1994). Nravstvennaia storona russkoj zhenshchiny v literature i v zhizni [The moral side of the Russian woman in literature and in life]. *Trudy Pervogo Vserossiiskogo zhenskogo s'ezda (10–16 dekabria 1908 g., g. Sankt-Peterburg)* [Proceedings of the First All-Russian Women's Congress (1908, December 10–16), St. Petersburg)], 277–284. (In Russian).
16. Mandel'shtam, O. (1990). Literaturnaia Moskva [Literary Moscow]. In: *O. Mandel'shtam. Sochineniia: v 2 tomakh* [O. Mandelstam. Compositions in two volumes]. Vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaia literatura. 275 p. (In Russian).
17. Mandel'shtam, O. (1994). Pis'mo o russkoj poezii [Letter about Russian poetry]. In: Dorofeeva, O. (Comp.). *O. Mandel'shtam. Sochineniia: v 2 tomakh* [O. Mandelstam. Compositions in two volumes]. Vol. 2. Proza. Moscow; Tula: Filin. 383 p. (In Russian).
18. Mihajlova, M. (2000). Dialog muzhskoi i zhenskoi kul'tur v russkoj literature Serebriannogo veka: "Cogito ergo sum" – "Amo ergo sum" [Dialogue between male and female

cultures in Russian literature of the Silver Age «Cogito ergo sum» – «Amo ergo sum»]. *Russian Literature. North-Holland*, 45.

19. Mihajlova, M. V. (1998). Litsa i maski russkoi zhenskoi kul'tury Serebrianoogo veka [Faces and masks of Russian female culture of the Silver Age]. *Gendernye issledovaniia: Feministskaia metodologiia v sotsial'nykh naukakh* [Gender Studies: Feminist Methodology in the Social Sciences]. Kharkov. (In Russian). Retrieved from: http://www.a-z.ru/women_cd1/html/mihailova_g.htm

20. Pervoe obshchee sobranie v zale Gorodskoi Dumy 10 dekabria 1908 g. [The first general meeting in the hall of the City Duma on December 10, 1908] (1993). Trudy Pervogo Vserossiiskogo zhenskogo s'ezda (10–16 dekabria 1908 g., g. Sankt-Peterburg) [Proceedings of the First All-Russian Women's Congress (December 10–16, 1908), St. Petersburg]. In: Ajvazova, S. G. (1998). *Russkie zhenshchiny v labirinte ravnopraviiia (Ocherki politicheskoi teorii i istorii. Dokumental'nye materialy)* [Russian women in the labyrinth of equality (Essays on political theory and history. Documentary materials)] (pp. 169–181). Moscow: RIK Rusanova. 405 p. (In Russian).

21. Voronina, O. A. (2020). Zhenshchiny i khudozhestvennoe tvorchestvo: gendernyi analiz [Women and fine arts: a gender analysis]. *Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], (5, 116), 217–224. (In Russian).

Информация об авторе / Information about the autor:

Лия Рафиковна Миркушина — кандидат философских наук, ассистент, Московский городской педагогический университет.

129226, Россия, Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр., д. 4

Lia Rafikovna Mirkushina — Candidate of Philosophical Sciences, Assistant, Moscow City University.

129226, Russia, Moscow, 2-i Sel'skokhoziaistvennyi pr., d. 4

E-mail: mirkushinalr@mgpu.ru

Научно-исследовательская

УДК 366.636[394+159.955]

DOI: 10.25688/2078-9238.2022.41.1.08

ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМА «САД» В РОМАНАХ М. А. БУЛГАКОВА

М. А. Авдонина

Институт иностранных языков им. Мориса Тореза МГЛУ,

Ростокинский пр., 13Ас1, Москва, Россия, 107014

E-mail: mavdonina@yandex.ru

Н. И. Жабо

Аграрно-технологический институт РУДН,

ул. Миклухо-Маклая, 8к2, Москва, Россия, 117198

E-mail: zhabo_ni@rudn.university

Аннотация. В статье обсуждается понятие «лингвокультурема» на материале одного языкового знака. Цель данного исследования — рассмотреть эстетику и эмоциональную наполненность лингвокультурема «сад» как части авторского замысла романов «Белая гвардия» и «Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова. Сопоставляются культурные концепты, составляющие структуру этой универсальной лингвокультурема, ее вербализаторы: топологическое описание, названия растений, поэтизмы, универсалии христианского мира. Слово «сад» благодаря прецедентным именам и имплицитным оценкам передает авторскую интенцию вечности и жизнеутверждающей силы жизни. Развернутое коннотативное поле «сад» как смыслообразующий центр романов эмоционально окрашено в тона радости, приподнятости, торжественности.

Ключевые слова: лингвокультурема, концепт, М. А. Булгаков, художественный текст.

Для цитирования: Авдонина М. А., Жабо Н. И. Лингвокультурема «сад» в романах М. А. Булгакова // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2022. № 1 (41). С. 86–99. DOI: <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2022.41.1.08>

Scientific research

UDC 366.636[394+159.955]

DOI: 10.25688/2078-9238.2022.41.1.08

**LINGUO-CULTUREME «GARDEN»
IN THE NOVELS M. BULGAKOV****Marina A. Avdonina**

Maurice Thorez Institute of Foreign Languages, MSLU

Rostokinskij pr., 13As1, Moscow, Russia, 107014

E-mail: mavdonina@yandex.ru

Nataliya I. Zhabo

Agrarian and Technological Institute of RUDN University,

ul. Mikluxo-Maklaya, 8k2, Moscow, Russia, 117198

E-mail: zhabo_ni@rudn.university

Abstract. The article discusses the concept of “linguo-cultureme” on the material of one linguistic unit. The purpose of this study is to examine the aesthetics and emotional content of the linguo-cultureme GARDEN as part of the author’s concept of novels “White Guard” and “The Master and Margarita” by M. Bulgakov. The cultural concepts that make up the structure of this universal linguocultureme and its verbalizers have been compared: topological description, names of plants, poeticism, the universality of the Christian world. The word garden, thanks to its precedent names and implicit evaluations, conveys the author’s intention of eternity and the life-affirming power of life. The expanded connotative field of garden as the semantic center of the novels is emotionally painted in tones of joy, uplift, solemnity.

Keywords: linguoculture, concept, M. A. Bulgakov, fiction text.

For citation: Avdonina, M. A., & Zhabo, N. I. (2022). Linguoculturema «GARDEN» in the Novels of M. A. Bulgakov. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 1 (41), 86–99. (In Russian). <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2022.41.1.08>

В процессе приобретения индивидуального и коллективного опыта человек с той или иной степенью эмоциональности воспринимает предметы и явления окружающей действительности, в его сознании формируются ассоциативные представления, чаще всего опосредованные языковыми средствами и культурными стереотипами.

Язык помогает человеку размышлять о референтах, недоступных для его непосредственного чувственного восприятия. В сознании человека формируется особый виртуальный мир, часть которого, иногда значительная, представлена лишь словами, лишенными внутреннего чувственного наполнения: «Не отдельные слова, а их совокупность в составе текста выясняет ситуацию...» [Жинкин, 1958, с. 202]. В процессе актуализации слова коннотативные составляющие его семантической структуры [Телия, 1998, стр. 13] взаимодействуют с коннотативными полями других слов. Благодаря опыту общения человек

учится видеть различия между собственным восприятием какого-либо слова и восприятием этой же единицы другими людьми [Степанов, с. 1997, с. 28].

По мнению Р. Барта, который понимал текст как диалог, сущность литературы состоит именно в коннотации [Барт, 2000, с. 247]. Таким образом, исторический опыт человечества наследуется каждым человеком осознанно и неосознанно [Лакофф и Джонсон, 2004, с. 256]. Это происходит в течение всей жизни человека, переосмысливается, переоценивается. Меняются иерархические отношения внутри семантической структуры слова, оно развивается прогрессивно или регрессивно [Растье, 2001]. Немаловажную роль в этом процессе играет интертекстуальность, подразумевающая, что образованный и внимательный читатель видит цитации, определяет диалог автора и читателя художественного текста.

Важную роль в появлении и разработке научных понятий «культурема» и «лингвокультурема» играют исследования В. Г. Гака, В. В. Воробьева, некоторых других ученых. Так, В. Г. Гак считал, что культурема — это «определенный знак культуры, имеющий в том числе языковое выражение; при этом в культурах, имеющих языковое выражение, языковой знак является обозначением, а реалья — обозначаемым (под реальями в данном случае понимается все относящееся к культуре: предметы, функции, обычаи, факты поведения и т. п.)» [Гак, 1998, с. 142]. До введения в научный оборот термина «лингвокультурема» его роль в лингвистике выполнял термин «культурема». Этим термином в абсолютном начале 2000-х годов обозначали «языковые знаки, содержащие культурно-значимую информацию», его использовали для обозначения артефактов: конкретных объектов культурной значимости, явлений, событий, поступков человека и моделей реагирования человека на действительность; культурами называли также «концептуальные представления человека об устройстве мира»; кроме того, этот термин использовали «для выражения социальных оценок по отношению к предметному миру и к поведенческой сфере в жизни человека» [Бухонкина, 2002, с. 3]. Термин «лингвокультурема» был предложен В. В. Воробьевым и рассматривался как комплексная межуровневая единица, «которая представляет собой диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического (понятийного или предметного) содержания» [Воробьев, 2006, с. 44]. Ученый отмечает, что культура — элемент действительности (предмет или ситуация), присущий определенной культуре, а лингвокультурема — проекция элемента культуры в языковой знак [Воробьев, 1997, с. 51]. Таким образом, лингвокультурема представляет собой совокупность формы языкового знака, его содержания и культурного смысла, сопровождающего этот знак: слово-сигнал будит в человеке всю совокупность «культурного ореола». Особое внимание в вопросе восприятия лингвокультуры он уделяет глубинному смыслу, потенциально имеющемуся в значении в качестве компонента его содержания, полагая, что «погружение» слов в культуру более полно отражает их языковую и внеязыковую семантику, помогает лучше понять национальную специфику культурных ценностей [Горушкина, 2019, с. 34]. Таким образом, культура — объект изучения культурологии, а лингвокультурема — объект изучения лингвокультурологии.

Цель данного исследования — рассмотреть эстетику и эмоциональную наполненность лингвокультуры «сад» как части авторского замысла двух романов М. А. Булгакова: «Белая гвардия» и «Мастер и Маргарита»¹.

Задачи:

- Рассмотреть в сопоставительном плане отражение в текстах М. А. Булгакова культурные концепты, составляющие структуру лингвокультуры «сад».
- Определить роль эпитетов, метафор, топонимов и других вербализаторов лингвокультуры «сад», актуализирующих ее в художественной картине мира автора и показывающих его доминантные представления и эмоции.
- Проанализировать имплицитность, косвенный характер выражения оценок, чувств, внутреннего мира персонажей, проявляемых через денотативную и коннотативную структуры лингвокультуры «сад» как смыслообразующего центра романов «Белая гвардия» и «Мастер и Маргарита».

Методы исследования. В процессе отбора, анализа и описания материала использованы процедуры описательного, интерпретационного, количественного, лингвокультурологического и сопоставительного методов исследования, а также метода лексико-семантического анализа.

Изложение основных результатов исследования. В романах М. А. Булгакова «Белая гвардия» и «Мастер и Маргарита» вербализаторы универсальной лингвокультуры «сад» и входящих в нее лингвокультурных концептов «Гефсиманский сад», «Сад Ирода Великого», «Сад Понтия Пилата», «Царский сад», «Кипрейские сады», «Сады Версаля», «Сады Киева», «Александровский сад» имеют для писателя особое структурообразующее значение. Судьбоносные для персонажей события происходят в разных садах, имеющих много общих признаков. Сад для М. А. Булгакова, как и для А. П. Чехова, является транслятором авторских интенций вечности и жизнеутверждающей силы жизни, цикличности ее обновления и стремления к прекрасному. Любое упоминание о саде имеет отношение к коннотативному полю текста и гипертекста. Общепринятое в литературоведении отношение к описанию природы как к фону развития событий и характеристики персонажей не применимо к пассажам, касающимся описания садов в этих двух романах. Само слово «сад» становится статистически значимым, частота его употребления резко повышается.

Коннотативно «сад» М. А. Булгакова особенно подробно раскрывается при вербализации лингвокультурного концепта «Сад Понтия Пилата», который находился рядом с дворцом Понтия Пилата. «Кого из читателей “Мастера и Маргариты” не восхищали живописность, топографическая аккуратность и богатство конкретных деталей в описании М. А. Булгаковым столицы Иудеи!», — пишет И. Л. Галинская [Галинская, 2000, с. 90] именно затем, чтобы опровергнуть идею о достоверности деталей описания места в романах,

¹ Цитируется по: *Булгаков М. А.* Белая гвардия // М. А. Булгаков. Собр. соч.: в 5 т. Т. 1. М.: Художественная лит-ра, 1989. С. 178–429 (при цитировании — «Б. г.»); *Булгаков М. А.* Мастер и Маргарита. Пермь: Стрелец, 2000. 480 с. (при цитировании — «М. М.»).

при этом Иерусалим, по ее мнению, описывается по макету-реконструкции и описанию Ю. Ф. Виппера [Галинская, 2000, с. 96].

Во-первых, писатель совершенно конкретен в топологическом описании сада:

«Покинув верхнюю площадку сада перед балконом, он по лестнице спустился на следующую террасу сада, повернул направо и вышел к казармам...» («М. М.», с. 301);

«...где каменная стена отделяла нижние террасы дворцового сада от городской площади...» («М. М.», с. 35);

«...близ мраморной скамьи в саду...» («М. М.», с. 290);

«...на нижней террасе сада в круглой беседке с фонтаном» («М. М.», с. 39);

«...когда на верхней террасе сада у двух мраморных белых львов, стороживших лестницу...» («М. М.», с. 35);

«заносило дымком в колоннаду через верхнюю площадку сада...» («М. М.», с. 2).

Во-вторых, описание сада изобилует названиями растений:

«Прокуратору казалось, что розовый запах источают кипарисы и пальмы в саду...» («М. М.», с. 20);

«Но, выйдя из-под колоннады на заливаемую солнцем верхнюю площадь сада с пальмами на чудовищных слоновых ногах...» («М. М.», с. 35);

«Пропал отягощённый розами куст, пропали кипарисы, окаймляющие верхнюю террасу, и гранатовое дерево, и белая статуя в зелени, да и сама зелень» («М. М.», с. 37);

«...присесть на скамью в тени магнолии...» («М. М.», с. 3).

В-третьих, сад описывается поэтически:

«...и слышно было, как ворковали голуби на площадке сада у балкона, да еще вода пела замысловатую приятную песню в фонтане» («М. М.», с. 21);

«...с ударом, похожим на пушечный, как трость переломило кипарис: Вместе с водяною пылью и градом на балкон под колонны несло сорванные розы, листья магнолий, маленькие сучья и песок. Ураган терзал сад» («М. М.», с. 291);

«...и лунная ночь тотчас отступила в сад, как будто бы Афраний увел ее с собою» («М. М.», с. 317).

«Фонтан совсем ожил и распелся во всю мочь, голуби выбрались на песок, гулякали, перепрыгивали через сломанные сучья, клевали что-то в мокром песке» («М. М.», с. 293).

«Но, улегшись у ног и даже не глядя на своего хозяина, а глядя в вечереющий сад, пес сразу понял, что хозяина его постигла беда» («М. М.», с. 301).

В-четвертых, сад играет главную роль в описании трагедии Понтия Пилата в конце романа в видениях Иванушки:

«...он видел город странный, непонятный, несуществующий, с глыбами мрамора, источенными колоннадами, со сверкающими на солнце крышами, с черной мрачной и безжалостной башней Антония, со дворцом на западном

холме, погруженным до крыш почти в тропическую зелень сада, с бронзовыми, горящими в закате статуями над этой зеленью, он видел идущие под стенами древнего города римские, закованные в броню, кентурии.

В дремоте перед Иваном являлся неподвижный в кресле человек, бритый, с издерганным желтым лицом, человек в белой мантии с красной подбивкой, ненавистно глядящий в пышный и чужой сад. Видел Иван и безлесый желтый холм с опустевшими столбами с перекладинами» («М. М.», с. 327).

И, наконец, коннотативное поле лингвокультуры «сад» у М. А. Булгакова несет в себе главные составляющие, универсальные для христианского мира: Эдем, райский сад, Царский сад, земля — сад. Это развернутое коннотативное поле, в целом, положительное. Оно эмоционально окрашено в тона радости, приподнятости, торжественности:

«Над черной бездной, в которую ушли стены, загорелся необъятный город с царствующими над ним сверкающими идолами поверх пышно разросшегося за много тысяч этих лун садом» («М. М.», с. 371).

Сад соединяет два мира: мир земной и мир небесный. Это не только сад стольных городов, сад царей, но и райский сад.

Два романа — «Белая гвардия» и «Мастер и Маргарита» — для нас единое проявление личности автора. Казалось бы, в первом из них нет места саду: действие протекает в снежном зимнем Киеве, и все же само слово употреблено 14 раз!

Универсальная лингвокультура «сад» служит в романах М. А. Булгакова средством, указывающим на некое объединяющее начало описываемых событий. Несмотря на разные места действия М. А. Булгаков соединяет место своих романов:

1. Сады царя Ирода в Иерусалиме. Царский сад известен по Священному писанию (4 Цар. 25:4, Иер. 39:4) и, вероятно, находился на южной стороне Иерусалима. Отсюда и религиозная приподнятость, торжественность настроения при описании. Отсюда же и перечисление культурно и концептуально значимых эпитетов «райский — царский — вечный». Как видно из описания в исторических главах, М. А. Булгаков прекрасно владеет содержанием прецедентных библейских топоконцептов и создает эффект достоверности происходящего:

«...ну хотя бы в садах на Елеонской горе» («М. М.», с. 2);

«...и все это утонуло в густейшей зелени капрейских садов» («М. М.», с. 30) (имеется в виду остров Капри (Капрея), где уединенно жил Тиберий));

«...недалеко от масличного жома в Гефсиманском саду» («М. М.», с. 312).

Он описывает особенности ландшафта:

«...шум моря, подкатывающего к самым стенам сада Ирода Великого» («М. М.», с. 39).

Он добавляет мелкие детали, интуитивно чувствуя их верность:

«...на дороге в Виффагии, там, где углом выходит фиговый сад» («М. М.», с. 25);

«на нижней террасе сада в круглой беседке с фонтаном» («М. М.», с. 39);

«на верхней террасе сада у двух мраморных белых львов, стороживших лестницу» («М. М.», с. 35);

«близ мраморной скамьи в саду» («М. М.», с. 290).

Он описывает сад через названия растений:

«Прокуратору казалось, что розовый запах источают кипарисы и пальмы в саду» («М. М.», с. 20);

«Пропал отягощенный розами куст, пропали кипарисы, окаймляющие верхнюю террасу, и гранатовое дерево, и белая статуя в зелени, да и сама зелень» («М. М.», с. 37);

«присесть на скамью в тени магнолии» («М. М.», с. 39);

«Из сада через ограду выливалась волна запаха миртов и акаций с Гецфиманских полян» («М. М.», с. 307).

Он поэтизирует сад:

«и лунная ночь тотчас отступила в сад, как будто бы Афраний увел ее с собою» (М. М., с. 317).

2. Сады Версаля — летней резиденции королей Франции на ковре гостиной:

«...с Людовиком XIV, нежащемся на берегу шелкового озера в райском саду...» («Б. г.», с. 181);

«...и торопливому стуку и шороху ответил плещущий колокольчиками гавот оттуда, где Людовик XIV нежился в небесно-голубом саду на берегу озера...» («Б. г.», с. 340).

Заметим, что это и главный сюжет Александра Бенуа, главы художественного объединения «Мир искусства», создавшего в 1897 году знаменитую серию акварелей «Последние прогулки Людовика XIV», где воплощается идеал изысканности и неги аристократической роскоши эпохи Короля-Солнца, которую художник считал вершиной цивилизации, раем. М. А. Булгаков с ним полностью согласен.

3. Сады детства и юности Турбиных. Сад связан в сознании писателя с воспоминаниями о доме, уютном, родном, с ковром, и даже в заснеженном Киеве. В «Белой гвардии» М. А. Булгаков описывает сады и создает:

– обобщенный образ Киева:

«Сады стояли безмолвные и спокойные, отягченные белым, нетронутым снегом. И было садов в Городе так много, как ни в одном городе мира. Они раскинулись повсюду огромными пятнами, с аллеями, каштанами, оврагами, кленами и липами» («Б. г.», с. 218);

– сад гимназии:

«И ровно восемь же лет назад в последний раз видел Турбин сад гимназии» («Б. г.», с. 25).

«И вот высадился все там же, на этом самом плацу, в том же саду» («Б. г.», с. 252);

– сады казенных дач:

«Медленно и верно рассветало, и над садами казённых дач <...> вставал и расходился туман» («Б. г»., с. 299);

– соседские сады:

убегая от погони, Турбин «увидел ее (Юлию Александровну Рейсс) в самый момент чуда, в черной мшистой стене, ограждавшей наглухо снежный узор деревьев в саду» («Б. г»., с. 348);

повернув за ней, он заметил «на правой руке какой-то белый, сказочный многоярусный сад» («Б. г»., с. 348);

после третьей низенькой калиточки он «оказался в белом саду, но уже где-то высоко и далеко от роковой Провальной» («Б. г»., с. 348).

Таким образом, раненый Алексей Турбин и его спасительница «пробежали три сада» («Б. г»., с. 351). То есть путь к спасению лежал через сад: «какой-то белый, сказочный многоярусный сад» («Б. г»., с. 348).

А в конце романа в тот же дом с садом судьба приводит Николку:

«Позвонил у двери флигеля, приютившегося в первом ярусе сада» («Б. г»., с. 399).

– Царский сад Киева:

«Сады красовались на прекрасных горах, нависших над Днепром, и, уступами поднимаясь, расширяясь, порою пестря миллионами солнечных пятен, порою в нежных сумерках, царствовал вечный Царский сад» («Б. г»., с. 218).

«С террас был виден в море снега залегший напротив на горах Царский сад...» («Б. г»., с. 398).

Царский сад, или Государев, был учрежден в 1743 году по проекту архитектора Растрелли на месте старинного Регулярного сада, заложенного по указу Петра I как образцовый плодовый сад. На Южном склоне был высажен виноградник, ближе к Владимирскому спуску с Печерска на Подол разбили розарий, на месте которого сейчас находится стадион «Динамо» имени Валерия Лобановского. В 1763 году садовые мастера Д. Фок и Л. И. Гофмейстер руководили высадкой новых плодовых деревьев и созданием оранжерей. В 1862 году в долине роз было построено увеселительное заведение «Шато-де-Флёр» и устроены фонтаны. Во времена юности, проведенной М. А. Булгаковым в родном Киеве, лучшим уголком Царского сада был Купеческий сад. (М. О. Чудакова цитирует: «Ходили в Купеческий сад на каждый симфонический концерт»; «...Это были времена легендарные, те времена, когда в садах самого прекрасного города нашей родины жило беспечальное юное поколение» [Чудакова, 1988], находившийся на выступе высокого холма с обрывом к Днепру и к Подолу, где сейчас находится Крещатый парк, Арка дружбы народов, Киевская филармония и водонапорная башня. Там устраивались симфонические концерты. Стихотворение «Баллада» (1930) Бориса Пастернака, посвящено концерту пианиста Генриха Нейгауза в этом саду:

Дрожат гаражи автобазы.
 Нет-нет, как кость, взблеснет костел.
 Над парком падают топазы,
 Слепых зарниц бурлит котел.
 В саду — табак, на тротуаре —
 Толпа, в толпе — гуденье пчел,
 Разрывы туч, обрывки арий,
 Недвижный Днепр, ночной Подол.
 «Пришел», — летит от вяза к вязу,
 И вдруг становится тяжел
 Как бы достигший высшей фазы
 Бессонный запах маттиол...

И далее: «метель полночных маттиол», «угар араукарий», «парк на крутояре» и другие характеристики киевской городской лингвокультуры «купеческий сад».

4. Александровский сад в Москве. Этот сад носит имя царя-победителя Александра I. В этом саду происходит встреча Маргариты и Азазелло.

Сад — это важнейшая часть жизни в достатке:

«...и не отдельный сад, и не деньги...» («М. М.», с. 210).

Сад у М. А. Булгакова связан с мечтаниями:

«Вовсе не воздух влечет его в сад, он что-то видит в это весеннее полнолуние на луне и в саду, в высоте» («М. М.», с. 382);

— с детскими грезами: персонажи «Белой гвардии» грелись у печки, глядя на ковер и слышали «плещущий колокольчиками гавот оттуда, где Людовик XIV нежился в небесно-голубом саду на берегу озера...» («Б. г.», с. 340).

Персонажи анализируемых романов живут непременно в домах с садом:

«Старинный двухэтажный дом кремового цвета помещался на бульварном кольце в глубине чахлого сада...» («М. М.», с. 55);

«...весь верх прекрасного особняка в саду...» («М. М.», с. 210);

или, по меньшей мере, с садиком:

«...две комнаты в подвале маленького домика в садике» («М. М.», с. 135).

«Кони роют землю, содрогается маленький сад» («М. М.», с. 36).

Действия всех персонажей романа М. А. Булгакова так или иначе связаны с садом. При этом каждый сад предлагается читателю в ощущение: одуряюще пахнут мирты и акации, гремит соловьиное пение, слышен шум моря. Читатель погружается в атмосферу места и времени действия романа.

Но это только на первый взгляд. На самом же деле при сравнительном анализе романов «Белая гвардия» и «Мастер и Маргарита» мы находим совпадающие элементы описания Киева, Москвы и Ершалаима, которые отражают внутренний мир писателя и дорогие его сердцу воспоминания, образ дома его юности, около которого росла акация и пели соловьи, переносят в ключевые для его картины мира места:

«...ветви акации у тротуара, летом темнившие окна Турбиных...» («Б. г.», с. 365).

«Когда отпевали мать, был май, вишневые деревья и акации наглухо залепили стрельчатые окна» («Б. г.», с. 179);

«... серая фигура слезла с ветки акации...» (Б. Г., с. 202);

«Темнота с улицы глянула на Василису куском серого неба, краем акаций, пушинками» («Б. г.», с. 368);

«Липы и акации разрисовали землю в саду сложным узором пятен» («Б. Г.», с. 368);

«Теперь уж соловьи, наверно, поют» («М. М.», с. 59);

«Нет, нет, и я решила уйти за город слушать соловьев» (М. М., с. 305);

«Работы закончились на закате, и теперь над Иудой гремели и заливались хоры соловьев» («М. М.», с. 307);

«Весь Гефсиманский сад гремел в это время соловьиным пением» («М. М.», с. 308).

Отметим, что концепт «Соловей» в сознании М. А. Булгакова включает в себя и негативные коннотации:

«...уже свищет соловьем разноцветная шлычная конница...» («Б. г.», с. 282);

«Ну, взял на пробу горемыка мандарин. И вся-то цена этому мандарину три копейки. И вот они уж свистят, как соловьи весной в лесу...» («М. М.», с. 340).

М. А. Булгаков, чтобы не повторять слово сад, часто использует метафору, синекдоху:

«Второе знамение пришло летом, когда Город был полон мощной пыльной зеленью» («Б. г.», с. 225).

Лингвокультурема «сад» представлена в романах М. А. Булгакова как значимая фигура диалектики происходящего в романах сквозь призму индивидуальной художественной картины мира писателя, глубинных слоев его опыта и психики. М. А. Булгаков очень нежен, сострадателен в описании садов:

«Кони роют землю, содрогается маленький сад» (М. М., с. 360);

«он видит пышный, но еще не одетый сад» (М. М., с. 381);

даже когда показывает сад на завершающем этапе его жизненного цикла как символ умирания старого мира:

«Старинный двухэтажный дом ...в глубине чахлого сада» («М. М.», с. 55);

или когда буря в душе Пилата и гроза в Иерусалиме предстоят искупительной жертве Христа:

«с ударом, похожим на пушечный, как трость переломило кипарис. Вместе с водяною пылью и градом на балкон под колонны несло сорванные розы, листья магнолий, маленькие сучья и песок. Ураган терзал сад» [«М. М.», с. 291].

В романе «Белая гвардия», действие которого происходит зимой, слово «сад» употребляется 15 раз. На первых 50 страницах романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» слово «сад» употреблено писателем 22 раза. В общей сложности в этом романе слово «сад» использовано 69 раз. На наш взгляд, адрес — Садовая, — который писатель выбрал как одно из главных мест действия романа, — это компонент булгаковского бессознательного. Мы подсчитали, что слово «сад» используется для описания событий, происходящих вокруг Понтия Пилата, 45 раз, а для событий, происходящих в Москве, — 24 раза, плюс к этому не менее 20 импликаций, например:

«Попав в тень чуть зеленеющих лип» (М. М., с. 7);

«О трижды романтический Мастер, неужто вы не хотите днем гулять со своею подругой под вишнями, которые начинают зацветать, а вечером слушать музыку Шуберта?» (М. М., с. 371).

Сад в сознании М. А. Булгакова ассоциируется с самыми приятными моментами жизни, с самыми сокровенными воспоминаниями.

Особенностью развитой цивилизации является то, что готовая система номинаций позволяет человеку узнать мир через слова, а не слова через мир. Человек не ищет названия складывающемуся в его сознании понятию, но старается понять слово как готовую систему оппозиций. В общественном сознании слово имеет более богатую палитру оппозиций, нежели в отдельном индивидуальном сознании. В то же время в индивидуальном сознании иерархия этих оппозиций может на разных этапах становления отношения «слово – понятие» или «слово – предмет» значительно отличаться от общепринятой: какая-либо существенная оппозиция может не приниматься как таковая или отойти на второй план, а какая-либо несущественная стать основной, доминирующей.

Таким образом, наше исследование в полной мере доказывает, что лингвокультурема «сад» является структурообразующей в романах М. А. Булгакова «Белая гвардия» и «Мастер и Маргарита». Система данной лингвокультуремы в текстах этих произведений включает в себя несколько универсальных лингвокультурных топоконцептов («Гефсиманский сад», «Царский сад», «Сад Ирода Великого», «Сад Понтия Пилата», «Кипрейские сады») и региональных лингвокультурных топоконцептов («Сады Киева», «Александровский сад»). Лингвокультурема «сад» — одна из стержневых в индивидуальной и художественной картинах мира М. А. Булгакова. Достаточно широк спектр денотативных знаний и коннотативно обусловленных эмоций, которые писатель передает средствами вербализации концептов, входящих в данную лингвокультурему. Действия всех персонажей в указанных романах М. А. Булгакова так или иначе связаны с садом. Сад в булгаковских текстах имеет развернутые коннотации, в целом положительные, радостные, торжественные. С помощью лингвокультурных топоконцептов лингвокультуремы «сад» М. А. Булгаков соединяет место действия своих романов: Царский сад Киева в «Белой гвардии», сады царя Ирода в Ершалаиме (Иерусалиме) и Александровский сад в Москве.

Путь прочтения художественного произведения является социально обусловленным, хотя и принято считать, что этот путь выбирает сам читатель, создавая при этом свою интерпретацию текста. Благодаря этому вполне закономерному парадоксу многие известные литературные произведения по-разному прочтываются, осмысляются и интерпретируются разными читателями. В то же время эта разница относительна. При сохранении коннотативного значения того или иного ключевого слова-образа, каковым слово «сад» является благодаря функционированию в составе прецедентных имен, в том числе библейских, сохраняется способность аллюзивного воздействия образа и его устойчивых коннотаций на новый социум. Осмысление прежней образности в целом сохраняется, обогащаясь новыми денотативными представлениями о данном феномене. Прецедентное функционирование универсальной лингвокультуры «сад» в романах М. А. Булгакова «Белая гвардия» и «Мастер и Маргарита» передает авторскую интенцию возрождения жизни, ее циклического обновления и стремления человека в ней к вечному, хотя и ранимому прекрасному.

Творцы — люди яркой индивидуальности — предлагают менее активным в познании читателям свое восприятие, и особенности психологии одного человека становятся достоянием общества. Можно предложить особое издание исследуемых романов: с мультимедийным приложением, (звук, анимацией, отсылкой к иллюстративным и информативным материалам). Таким способом можно создать визуализацию верных образов, коннотаций, аллюзий.

Список источников

1. Барт Р. Основы семиологии // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / пер. с фр. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 2000. С. 247–310.
2. Булгаков М. А. Белая гвардия // Булгаков М. А. Собр. соч.: в 5 т. Т. 1. М.: Художественная лит-ра, 1989. С. 178–429.
3. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита // Булгаков М. А. Собр. соч.: в 5 т. Т. 5. Пермь: Стрелец, 2000. 480 с. С. 5–384.
4. Бухонкина А. С. Типы асимметрии культурем (на материале французского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20: сравн.-историч., типологич. и сопоставит. языкозн. Волгоград: ВГУ, 2002. 22 с.
5. Воробьев В. В. Лингвокультурология: монография, М.: Изд-во РУДН, 2006. 112 с.
6. Воробьев В. В. Лингвокультурология (теория и методы), М.: Изд-во РУДН, 1997. 331 с.
7. Гак В. Г. Языковые преобразования. М.: Языки русской культуры, 1998. 768 с.
8. Галинская И. Л. Ершалаим и его окрестности в романе Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» // Россия и современный мир. 2000. № 4. С. 90–97.
9. Горущкина А. В. Лингвокультуры в структуре современного поэтического дискурса сетевого автора Али Кудряшевой: функциональный аспект изучения: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01: русский язык. Череповец: ЧГУ, 2019. 185 с.
10. Жинкин Н. И. Механизмы речи. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1958. 370 с.
11. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

12. Растье Ф. Интерпретирующая семантика. Нижний Новгород: Деком, 2001. 367 с.
13. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 1997. 992 с.
14. Телия В. Н. Коннотация // Большой энциклопедический словарь. Языкознание. М.: Большая российская энциклопедия, 1998. С. 236–238.
15. Чудакова М. О. Жизнеописание Михаила Булгакова. М.: Книга, 1988. 672 с.

References

1. Bart, R. (2000). *Osnovy semiologii* [Fundamentals of Semiology]. In: Kosikova G. K. (tr. from French and introductory article). *Frantsuzskaia semiotika: ot strukturalizma k poststrukturalizmu* [French semiotics: from structuralism to post-structuralism], 247–310. Moscow: Editorial URSS. (In Russian).
2. Bukhonkina, A. S. (2002). *Tipy asimmetrii kul'turem (na materiale frantsuzskogo i russkogo iazykov)* [Types of culturems asymmetry (on the basis of French and Russian languages)]. *Extended abstract of candidate's thesis*: 10.02.20. Volgograd: VGU. 22 p. (In Russian).
3. Bulgakov, M. A. (1992). *Belaya gvardiya* [White Guard]. In: Bulgakov M. A. *Collected Works: in 5 volumes*, 1, 178–429. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian).
4. Bulgakov, M. A. (1992). *Master i Margarita* [Master and Margarita]. In: Bulgakov M. A. *Collected Works: in 5 volumes*, 5, 5–384. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian).
5. Chudakova, M. O. (1988). *Zhizneopisanie Mikhaila Bulgakova* [Biography of Mikhail Bulgakov]. Moscow: Book. 672 p. (In Russian).
6. Gak, V. G. (2016). *Iazykovye preobrazovaniia* [Language transformations]. Moscow: Librocom. 408 p. (In Russian).
7. Galinskaya, I. L. (2000). *Ershalaim i ego okrestnosti v romane Mikhaila Bulgakova "Master i Margarita"* [Yershalaim and its surroundings in the novel by Mikhail Bulgakov "Master and Margarita"]. *Rossiiia i sovremennyi mir* [Russia and the modern world], (4), 90–97. (In Russian).
8. Gorushkina, A. V. (2019). *Lingvokul'turemy v strukture sovremennogo poeticheskogo diskursa setevogo avtora Ali Kudriashevoi: funktsional'nyi aspekt izucheniia* [Linguoculturems in the structure of the modern poetic discourse of the network author Ali Kudryasheva: a functional aspect of the study]. *Candidate's thesis*: 10.02.01. Cherepovets: Cherepovets State University. 185 p. (In Russian).
9. Lakoff J., & Johnson M. (2004). *Metafori, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Moscow: Editoria URSS. 256 p. (In Russian).
10. Rastier F. (2001). *Interpretiruiushchaia semantika* [Interpretive Semantics]. Nizhniy Novgorod: DEKOM Publ. 368 p. (In Russian).
11. Stepanov, Yu. S. (1997). *Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. Moscow: School "Languages of Slavic Culture". 992 p. (In Russian).
12. Teliia, V. N. (1998). *Konnotatsiya* [Connotation]. *Linguistics: Big Encyclopedic Dictionary* (pp. 236–238). Moscow: Great Russian Encyclopedia. (In Russian).
13. Vorobyov, V. V. (2006). *Lingvokul'turologiia* [Linguoculturology]: Monograph. Moscow: Publishing house of RUDN University. 112 p. (In Russian).
14. Vorobyov, V.V. (1997). *Lingvokul'turologiia (teoriia i metody)* [Linguoculturology (theory and methods)]. Moscow: RUDN University Press. 331 p. (In Russian).
15. Zhinkin, N. I. (1958). *Mekhanizmy rechi* [Mechanisms of speech]. Moscow: APN RSSFR. 378 p. (In Russian).

Информация об авторах / Information about the authors:

Авдонина Марина Алексеевна — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации факультета заочного обучения Института иностранных языков им. Мориса Тореца Московского государственного лингвистического университета.

107014, Россия, Москва, Ростокинский пр., д. 13А, стр. 1

Avdonina Marina Alekseevna — Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Linguistics and Intercultural Communication, Faculty of Distance Learning, Maurice Thorez Institute of Foreign Languages, Moscow State Linguistic University.

107014, Russia, Moscow, Rostokinskij pr., d. 13A, str. 1

E-mail: mavdonina@yandex.ru

Жабо Наталья Ивановна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Аграрно-технологического института Российского университета дружбы народов.

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 8, корп. 2

Zhabo Natalia Ivanovna — Candidate of Philological Sciences, Associate lecturer of the Department of Foreign Languages of the Agrarian and Technological Institute, RUDN University.

117198, Russia, Moscow, ul. Mikluxo-Maklaya, d. 8, korp. 2

E-mail: zhabo_ni@rudn.university

Рецензия

УДК 004.8

DOI: 10.25688/2078-9238.2022.41.1.09

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:

Карпов В. Э., Карпова И. П., Кулинич А. А. Социальные сообщества роботов: эмоции и темперамент роботов. Общение роботов. Модели контагиозного, подражательного и агрессивного поведения роботов. Командное поведение роботов и образование коалиций. Пространственная память анимата. М.: ЛЕНАНД, 2019. 352 с.

В. М. Мапельман

Московский городской педагогический университет

129226, Россия, Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр., д. 4

E-mail: MapelmanVM@mgru.ru

Для цитирования: Мапельман В. М. Рецензия на книгу: Карпов В. Э., Карпова И. П., Кулинич А. А. Социальные сообщества роботов: эмоции и темперамент роботов. Общение роботов. Модели контагиозного, подражательного и агрессивного поведения роботов. Командное поведение роботов и образование коалиций. Пространственная память анимата. М.: ЛЕНАНД, 2019. 352 с. // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2022. № 1 (41). С. 100–107. DOI: <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2022.41.1.09>

Review

UDC 366.636[394+159.955]

DOI: 10.25688/2078-9238.2022.41.1.09

BOOK REVIEW:

Karpov V. E., Karpova I. P., Kulinich A. A. Social communities of robots: Emotions and temperament of robots. Communication robots. Models of contagious, imitative and aggressive behavior of robots. Team behavior of robots and the formation of coalitions. Spatial memory animat. M.: LENAND, 2019. 352 p.

Valentina M. Mapelman

Moscow City University (MCU),

2-i Sel' skokhoziaistvennyi pr., 4, Moscow, Russia, 129226

E-mail: MapelmanVM@mgpu.ru

For citation: Mapelman, V. M. (2022). Book Review: Karpov V. E., Karpova I. P., Kulinich A. A. Social communities of robots: Emotions and temperament of robots. Communication robots. Models of contagious, imitative and aggressive behavior of robots. Team behavior of robots and the formation of coalitions. Spatial memory animat. M.: LENAND, 2019. 352 p. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 1 (41), 100–107. (In Russian). <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2022.41.1.09>

Авторам рецензируемой монографии должно быть близко мнение французского математика, астронома и философа XVII века Пьера Гассенди о том, что «если мы действительно что-то знаем, то мы знаем это благодаря математике». Добавив к математическим заключениям авторитетные выводы современных естественных наук, они продемонстрировали себя последовательными сторонниками довольно распространенного в наши дни мнения, что только опытное и рациональное естествознание в союзе с математикой способно выработать истинно научное знание с помощью информационных (в ближайшем будущем цифровых) технологий. Полученные же в рамках этого триединого сотрудничества результаты достойны того, чтобы быть признанными в качестве общенаучных. Однако от подобных заявлений все-таки приходится переходить к знаниям о всеобщем, то есть обеспечивать философский уровень обобщений. При этом, как заметил тот же Гассенди: «В философии ох как следует заботиться о словах, именно для того, чтобы не было вечного спора о смысле», ведь философия оперирует не фактами, а категориями.

Рассматриваемая монография, очевидно, является профессиональным серьезным исследованием в области робототехники. Об этом свидетельствуют и представительность аргументации, и серьезность привлекаемого библиографического сопровождения, и авторитет рецензентов. Ее заголовок обещает определенное научное продвижение в исследовании такого специфического научного ракурса, как возможность реализации социальности в рамках искусственных систем.

Слово «робот» впервые прозвучало в 1920 году в связи с пьесой Карела Чапека «Р.У.Р.» (R.U.R.) — «Россумские универсальные роботы». Автор совместно

с братом-художником, оформлявшим спектакль, решили так назвать существа, искусственно созданные для выполнения тяжелой, опасной, монотонной работы (от *чеш. robot* — «подневольный труд», «каторга»). Эти персонажи во многом были сродни гомункулусам Парацельса. При этом важно отметить, что сама идея создания искусственного человека не так уж и нова. Не случайно она получила свое отражение в историческом эпосе практически всех народов.

Со временем термин «робот» все чаще стали связывать с техническим устройством, которое в соответствии с заложенной программой способно реализовывать разнообразные механические операции (в режиме ручного или автоматического управления), прежде всего производственного характера. Область практического функционального использования роботов постоянно расширялась. Появились роботы бытовые, боевые, персональные, охранные, медицинские, обучающие, досуговые, космические и так далее. Их внешний облик тоже не остался без внимания, нередко принимая формы, напоминающие человека или животного. Современный робот может быть оснащен органами как биологического, так и технического происхождения, но руководство им в любом случае осуществляется с помощью специального процессора, претендующего на деятельность мозга.

Параллельно с закономерным и успешным развитием технологий робототехники, начинают распространяться процессы, вполне оправданные для художественного творчества, но едва ли бесспорно допустимые в научно-исследовательской деятельности. Частные научные выводы провозглашаются в качестве общих теоретических истин; вольно используется специальная и даже обыденная терминология; сложное сводится к простому, а часть — к целому; вероятностные по своему статусу умозаключения по аналогии (от частного к частному), резюмируются категорическими выводами. Примеры всего этого широко представлены в рассматриваемой монографии.

Авторы с самого начала утверждают, что она «является первой в нашей стране попыткой систематического изложения принципов построения социумов роботов, то есть использование моделей и методов социального поведения применительно к системам групповой робототехники» (с. 9).

Прежде всего, в работе обращает на себя внимание терминология. В качестве синонимичных авторы используют понятия «робот», «агент» и «анимат». При этом, чтобы сконцентрировать наше внимание на разных аспектах проявления некоего единого объекта, предлагается первое из них употреблять при сосредоточении на его технических составляющих, второе — «для задач более абстрактных, модельных», а третье — «когда нас больше будет интересовать поведение, да еще биологически инспирированное...» (с. 10). В глоссарии даны уточнения. Агент — это «некоторая абстрактная, программная сущность», а анимат — «искусственная модель животного» (с. 329). Разъяснения понятия «робот» в монографии опущены, в том числе и в глоссарии. Однако предлагается ссылка на материал одного из авторов (В. Э. Карпова) представленный на Поспеловских чтениях 2009 года, в котором даются три версии понятия «робот»:

– автомат, у которого связь с внешней средой не жесткая (рецепторы получают возможность переключаться с одного источника информации на другой)

и эффекторы которого тоже являются управляемыми и могут воздействовать на различные объекты внешней среды, обладающий целенаправленным поведением и умеет различать объекты внешней среды;

– машина с антропоморфным (человекоподобным) поведением, которая частично или полностью выполняет функции человека (иногда животного) при взаимодействии с окружающим миром;

– технический комплекс, предназначенный для выполнения различных движений и некоторых интеллектуальных функций человека и обладающий необходимыми для этого исполнительными устройствами, управляющими и информационными системами, а также средствами решения вычислительно-логических задач.

Каким же образом авторы выходят на социальность? Похоже, что это во многом есть результат аналогий, ассоциаций и личностных пристрастий. Во-первых, в монографии проигнорировано гуманитарное содержательное наполнение данного термина, что подтверждает список понятий, упоминаемых в глоссарии, и источников, данных в библиографии. Вообще, человек и общество как культурные цивилизационные феномены никого в представленном исследовании не интересуют. В работе термин «социум» используется безо всяких объяснений в качестве обобщающего синонима для таких понятий, как «коллектив», «рой», «стая», «колония», «команда», «группа» и тому подобных. Во-вторых, авторы однозначно позитивно отнеслись к примерам периодического сближения биологами коллегиального существования живых систем с социальностью, практически их отождествляя. Не случайно они допускают в своей работе уточнения типа «социум (популяция)» (с. 19), «группа (социум)» (с. 325). При этом необходимо заметить, что во фрагментах привлекаемых работ биологов термин «социальный» фактически не используется, зато авторы монографии насыщают им заголовки всех глав и параграфов, комментарии и выводы. В-третьих, читатель сталкивается с безапелляционным принятием всех предлагаемых естествоиспытателями терминологических отождествлений, например с понятием «эусоциальный», трактуемым как наивысшая степень социальности. При этом критерии для оценки того или иного состояния как наивысшего не указываются. Предлагаемая в глоссарии формулировка тоже не дает никаких оснований для определения данного явления как высшей формы общественной организации. Едва ли серьезным научным основанием может служить позиция: «считается...» (с. 333). В чем проявляется в частности социальность эусоциальных насекомых не определяется. Судя по всему, основным и единственным аргументом для правомочности подобного рода терминологических новаций является научный авторитет тех, кто такие предложения вносит. К сожалению, почти все обобщения (отождествления, сведения) подобного рода, как правило, чрезвычайно далеки от специфики смысла термина «социальный» и самого состояния социальной общности.

Не понятно и использование встречающегося на протяжении всей работы клише «модели и методы». Методы (эмпирические и теоретические) являются способами и приемами получения, а также проверки знаний. Модель есть

результат применения метода моделирования, одна из форм научных построений. Но авторы не сообщают, на каком основании, в результате каких проверочных мероприятий та или иная из предлагаемых в работе конструкций квалифицируется как модель, ведь моделирование — это процесс создания аналога и доказательства его хотя бы относительного соответствия исследуемому объекту, то есть получение права на квалификацию «модель». А вот работа с моделью может быть названа моделированием с большими допущениями.

Содержание монографии подразделено на три части. Первая из них — «Модели и феномены социального поведения», — по признанию авторов, есть «биологически инспирированная часть монографии» (с. 10). Ее материал связан в основном с этологией, являющейся зоологической наукой, изучающей врожденное, наследственное инстинктивно обусловленное поведение животных в естественной среде. Поведение же людей этология затрагивает лишь в той степени, в какой человека можно рассматривать как биологический вид. При этом важно помнить и о том, что данная наука, выявляя общебиологические закономерности поведения животных, создает их шаблоны, схемы, трафареты (паттерны), которые авторы монографии замыкают только на один смысл — аналог (модель).

Диапазон животных, чье поведение в монографии однозначно определяется как общественное, оригинален. Это взаимоотношения «приматов, пчел, муравьев и т. п., однако нас интересуют прежде всего именно они» (с. 18). Авторы не уточняют, в чем же заключается между ними подобие и нельзя ли сюда для полноты впечатлений и разнообразия добавить, например, «колонии вирусов»?

В первой части речь идет о поведении, языке и речи, самосознании, модели мира и даже профессиональной карьере роботов. Являются ли данные темы запретными для специалистов в области робототехники? Конечно же, нет, но от чего же отталкиваются авторы исследования? Например, при рассмотрении поведения для них оказалось достаточным представлять его как «способность животных изменять свои действия под влиянием внутренних и внешних факторов... Социальное поведение животных — это общественное поведение животных... Социальное поведение проявляется в виде различных взаимоотношений между особями и между группировками, осуществляемых коммуникативным поведением» (с. 18). При таком определении, с элементами тавтологии, для выявления закономерностей социального поведения действительно вполне можно ограничиться муравейником.

Другой бесспорный для авторов ориентир — это деятельность центральной нервной системы, где «как эмоции, так и темперамент — это одни из основных механизмов оценок поведения высокоорганизованных организмов... Эмоции и другие подобные психические явления — объекты интереса искусственного интеллекта (ИИ) и когнитивных наук» (с. 61). Но если помнить, что эмоции это одно из психических явлений, не компенсирующее переживания, аффекты, настроения, чувства, а темперамент представляет собой аспекты поведения, не учитывающие его содержание, то их связи с интеллектом едва ли можно представить, как непосредственные.

Обращает на себя внимание и то, что на протяжении всей работы авторы позиционируют себя как типичные представители современной идеологии

«искусственного интеллекта», где основная забота сосредоточена на технических системах, механизмах и программах, сориентированных на психические и нейрофизиологические процессы, при мизерном учете (а нередко и полном игнорировании) собственно интеллектуальной деятельности. При этом среди когнитивных наук наиболее «пострадавшими» (то есть не задействованными) оказываются теория познания и логика (не путать с математической логикой), философия сознания и лингвистика (не отождествлять с психолингвистикой). Авторы вообще не используют такой термин, как «знание» (оно, кстати, не совпадает с понятием «информация») и всего того, что связано с его получением, развитием и использованием.

В рассуждениях о языке, знаках, картине мира и его модели, полностью отсутствуют элементы их интеллектуального наполнения. Например, «... является ли ММ (модель мира) знаковым выражением КМ (картины мира) или исходит ли понятие КМ из понятия ММ. Для наших задач будет достаточно считать ММ и КМ синонимами» (с. 99). Механистическая пропитанность большинства используемых понятий, в том числе и двух последних, признаваемая самими авторами, едва ли способствует решению поставленных задач.

Вторая часть монографии «Командное поведение и коалиции» (3 главы, 14 параграфов) представляет собой «описание механизмов и феноменологии социального поведения верхнего, абстрактного уровня» (с. 11). Несмотря на отсылки ее авторов к социальной психологии, вопрос о степени социальности рассматриваемых отношений так и остался открытым, тем более что социальность процессов далеко не исчерпывается психологическими ракурсами. Стайное, коллективное, командное поведение роботов является предметом рассмотрения данной части работы. Почему они характеризуются как социальные, не поясняется. А, кроме того, по сравнению с чем этот уровень определяется как верхний и с какой стати он квалифицируется как абстрактный. Кстати, в этой части монографии речь идет о феноменах поведения, но не о феноменологии.

В третьей части — «Технические вопросы базового уровня» (5 глав, 24 параграфа) — затрагиваются темы «и хранения данных, и программно-аппаратные решения, и устройства полигонов, и способы решения пусть модельных, но все-таки прикладных задач» (с. 11). Особо хотелось бы остановиться на заключительной главе этой части, посвященной нерешенным задачам в отношении социальных сообществ роботов.

Авторы в ней еще раз подчеркивают, что главный их ориентир — это центральная нервная системы и результаты изучения особенностей ее функционирования биологическими науками. Определив их, они, по сути дела, предлагают отказаться от выявления специфики социальности в поведении (хотя это демонстрируется на протяжении всей монографии), «а создать единый целостный механизм поведения индивидуума, используя при этом некий базовый, желательно — минимальный набор механизмов и методов» (с. 322). Борясь против «социальных химер» и тем самым косвенно признавая свою неспособность представить разнообразие, разнообразность и разнонаправленность общественных отношений в максимально полном объеме, авторы

предлагают сосредоточиться на питании, размножении и поведении (в диапазоне от определения лидерства до состояния агрессивности).

Понимая, что функционирование как отдельного социального индивида, так и любой его коллективной формы осуществляется в какой-либо среде, в монографии предлагается некое резюме: «Критерий эффективности социума (группы) — личное благополучие особи. При этом индивидуальная состоятельность тех же муравьев определяется их пищевой эффективностью... Этим же определяется роль лидера, доминанта» (с. 325). Так авторы, по всей вероятности, видят перспективы развития социума.

А вот заключительный и весьма небольшой параграф работы посвящен наконец-то той науке, которая с момента своего возникновения в V в. до н. э. и до настоящего времени занимается вопросами закономерностей человеческого поведения и отражения их в морали и нравственности, то есть этике. Но едва ли кто-либо из читателей на базе рассматриваемого материала что-то узнает о «нравственности поведения». В списке литературы упоминаются лишь два источника по данной проблематике: учебник по этике Р. Г. Апресяна [Апресян, 2017] и статья В. Э. Карпова, П. М. Готовцева и Г. В. Ройзензона «К вопросам об этике в системах искусственного интеллекта» [Карпов, Готовцев, Ройзензон, 2018]. Содержание параграфа представляет собой краткое изложение статьи.

Во-первых, термины «этика», «мораль» и «нравственность» явно не различаются и используются как синонимы. Во-вторых, и в этом случае социальное поведение у них практически сливается с поведением животных, не обладая при этом никакими специфическими социальными особенностями. В-третьих, авторы не только не различают моральное сознание, нравственные отношения и нравственную деятельность, но и вообще не пользуются этической терминологией. При этом настойчиво употребляются разнообразные производные от термина «этика». Создается впечатление, что речь вообще идет не об этике, не о моральном знании и принципах нравственного поведения, а о безопасности жизнедеятельности и ее обеспечении в условиях рисков, угроз и чрезвычайных ситуаций в связи с проектированием, созданием и использованием робототехники.

Ничего нового не добавляют к этому и ссылки на разработанные международными и отечественными специализированными организациями правила и кодексы, например общие рекомендации для разработчиков искусственного интеллекта, предложенные авторитетной международной ассоциацией — Институтом инженеров электротехники и электроники (IEEE) — «Этически унифицированное конструирование» (Ethically Aligned Design) или доклад Всемирной комиссии ЮНЕСКО по этике научных знаний и технологий (КО-МЕСТ) «Об этике робототехники» (ноябрь 2017 года). В лучшем случае они касаются некоторых аспектов морали «в виде прямого задания набора правил поведения (“заповедей”» (с. 328), но даже краем не затрагивают проблем нравственности. Попутно хотелось бы заметить, что, возможно, неприятие принципиальной автономии морали и нравственности, исследуемых этикой, и сосредоточение лишь на моральной составляющей, является результатом современных категорических требований выражения любых научных знаний

на английском языке. Не желают авторы монографии смириться и с тем, что далеко не все социальные отношения поддаются формализации и математизации (в том числе и в сфере нравственности) и готовы говорить о «теологии аниматов», а также предусмотреть «место для чего-то трансцендентного, не подлежащего критическому осмыслению» (с. 328).

Особо обращает на себя внимание и тот факт, что, разрабатывая проблемы социальных сообществ, авторы не привлекают ни в качестве соавторов, ни в качестве консультантов, ни в качестве рецензентов никого из представителей гуманитарных наук, социальной философии, этики или хотя бы социологии.

Так о ком же пишут авторы монографии: о будущих «подневольных работниках» или о перспективных «людях» грядущего? И являются ли социальными те сообщества, о которых идет речь?

Список источников

1. Апресян Р. Г. Этика. М.: КНОРУС, 2017. 356 с. ISBN 978-5-406-05973-9
2. Карпов В. Э., Готовцев П. М., Ройзензон Г. В. К вопросам об этике в системах искусственного интеллекта // *Философия и общество*. 2018. Т. 87. № 2. С. 84–105.
3. Карпов В. Э., Карпова И. П., Кулинич А. А. Социальные сообщества роботов: эмоции и темперамент роботов. Общение роботов. Модели контагиозного, подражательного и агрессивного поведения роботов. Командное поведение роботов и образование коалиций. Пространственная память анимата. М.: ЛЕНАНД, 2019. 352 с. ISBN 9785971057574

References

1. Apresyan, R. G. (2017). *Etika* [Ethics]. Moscow: KNORUS. 356 p. (In Russian).
2. Karpov, V. E., Gotovtsev, P. M., & Roizenzon, G. V. (2018). K voprosam ob etike v sistemakh iskusstvennogo intellekta [To questions about ethics in artificial intelligence systems]. *Philosophy and Society*, (87 (2)), 84–105. (In Russian).
3. Karpov, V. E., Karpova, I. P., & Kulinich, A. A. (2019). *Sotsial'nye soobshchestva robotov: emotsii i temperament robotov. Obshchenie robotov. Modeli kontagioznogo, podrazhatel'nogo i agressivnogo povedeniia robotov. Komandnoe povedenie robotov i obrazovanie koalitsii. Prostranstvennaia pamiat' animata* [Social communities of robots: emotions and temperament of robots. Communication of robots. Models of contagious, imitative and aggressive behavior of robots. Team behavior of robots and formation of coalitions. Spatial memory of the animat]. Moscow: LENAND. 352 p. (In Russian).

Информация об авторе / Information about the autor:

Мапельман Валентина Михайловна — профессор, доктор философских наук, профессор общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Московского городского педагогического университета.

129226, Россия, Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр., д. 4

Mapelman Valentina Mikhailovna — Professor, Doctor of Philosophy, Professor of the University-wide Department of Philosophy and Social Sciences, Moscow City University.

129226, Russia, Moscow, 2-i Sel'skokhoziaistvennyi pr., d. 4

E-mail: MapelmanVM@mgpu.ru

Научно-исследовательская

УДК 172.1

DOI: 10.25688/2078-9238.2022.41.1.10

ВЛИЯНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДА К ИСТОРИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ОБЩЕСТВА В ПРОЦЕССЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Э. Ю. Ковалев

Московский городской педагогический университет,
2-й Сельскохозяйственный пр., 4, Москва, Россия, 129226

E-mail: cowalyow.ed@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1431-53561

Аннотация. Понимание глобализации и ее влияния на личность и идентичность человека является важной задачей современной философии. Еще в XX веке, данный вопрос рассматривался в рамках цивилизационного подхода к истории, в рамках которого была предложена идея об уникальности отдельных человеческих культур и своеобразии их развития. Вместе с этим также рассматривался вопрос влияния западного мира на локальные культуры, предвосхищая постановку проблемы глобализации и мультикультурализма. К XXI в. в результате растущих демографических, экономических, экологических, политических и военных взаимосвязей в планетарном масштабе массовая унифицированная культура стала оказывать никогда в истории до того невиданное по значимости, охвату и глубине воздействие на личность и идентичность все большего числа людей. Одновременно с этим сформировались две социокультурные тенденции, которые тесно взаимосвязаны: глобализация и локализация культуры как углубление и расширение национальных традиций и обычаев под воздействием столкновения с глобализацией.

Ключевые слова: цивилизационный подход, универсализм, национализм, национальное государство, вестернизация, идентичность.

© Ковалев Э. Ю., 2022

Для цитирования: Ковалев Э. Ю. Влияние цивилизационного подхода к истории на формирование национальной идентичности общества в процессе глобализации // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2022. № 1 (41). С. 108–121. DOI: <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2022.41.1.10>

Scientific research

UDC 172.1

DOI: 10.25688/2078-9238.2022.41.1.10

THE INFLUENCE OF THE CIVILIZATIONAL APPROACH TO HISTORY ON THE FORMATION OF THE NATIONAL IDENTITY OF SOCIETY IN THE PROCESS OF GLOBALIZATION

Eduard. Yu. Kovalev

Moscow City University (MCU),
2-i Sel'skokhoziaistvennyi pr., 4, Moscow, Russia, 129226
E-mail: cowalyow.ed@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1431-5356

Abstract. Understanding globalization and its impact on personality and human identity is an important task of modern philosophy. Back in the 20th century, this issue was considered within the framework of a civilizational approach to history, within which the idea of the uniqueness of individual human cultures and the originality of their development was proposed. Along with this, the issue of the influence of the Western world on local cultures was also considered, anticipating the formulation of the problem of globalization and multiculturalism. By the 21-st century, as a result of growing demographic, economic, environmental, political and military interconnections on a planetary scale, a unified mass culture has begun to exert an impact, never before seen in importance, scope and depth, on the personality and identity of an increasing number of people. At the same time, two socio-cultural tendencies have formed, which are closely interconnected: the globalization of culture and the localization of culture, as the deepening and expansion of national traditions and customs, under the influence of a collision with globalization.

Keywords: civilizational approach, universalism, nationalism, nation state, westernization, identity.

For citation: Kovalev, E. Yu. (2022). The influence of the civilizational approach to history on the formation of the national identity of society in the process of globalization. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, № 1 (41), 108–121. (In Russian). <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2022.41.1.10>

Введение

О путях развития цивилизации, ее движении к формированию общечеловеческого пространства, постепенной унификации технологии, культуры и языка и последствиях данной трансформации размышляли и продолжают задумываться множество философов, историков и социологов. Особенную значимость эта проблематика приняла в XX в. ввиду распространения влияния западной цивилизации, и, таким образом, начала процесса глобальной вестернизации вследствие реакции мирового сообщества на наиболее разрушительные события прошлого века, такие как мировые войны, революции, противостояние двух супердержав в рамках холодной войны. Они разрушили традиционные представления о прогрессе, морали и одновременно поставили новые вопросы о ценности личности человека, его свободе и идентичности, об отношениях между индивидом, государством и обществом.

Для того чтобы понять состояние мироощущения человека современной эпохи, причины и направление трансформации национальных культур в условиях глобализации, необходимо вначале изучить результаты анализа цивилизационных процессов в истории человечества и их влияния на человека и культуру в трудах тех философов, которые стояли у истоков рассмотрения данного вопроса. Это были мыслители, работающие в рамках философско-социологических исследований истории, альтернативных формационному подходу К. Маркса, который не выделял понятие «цивилизация» как научную категорию внутри своей концепции. Именно тогда, параллельно с Марксом, стал постепенно формироваться цивилизационный подход к истории. Его представители рассматривали историю человечества как проявление множества отдельных народов и культур, взаимодействующих друг с другом, однако вместе с тем имеющих собственное уникальное культурное ядро или ментальность, отличающую их друг от друга.

К ним относятся: немецкий мыслитель Генрих Рюккерт (1857), который говорил об «исторических организмах» и «исторических индивидах» [Страхов, 1894, с. 56], русский общественный деятель XIX в. Николай Данилевский (1869), выделявший культурно-исторические типы, каждый из которых рождает в истории собственную цивилизацию; его идеи в 20-е годы XX в. развивали философы русского зарубежья, и евразийцы в том числе, а также немецкий ученый Освальд Шпенглер (1927), который обозначал исторические организмы как великие культуры, рождающиеся из переживаний «коллективной души» отдельного народа; философ истории, англичанин Арнольд Тойнби (1946) говорил о локальных цивилизациях и их постепенном объединении во всеобщее человечество; американский социолог Питирим Сорокин (1960) прогнозировал конвергенцию двух социальных систем в одну, что привело бы к тесному взаимодействию двух великих стран; и, наконец, на излете XX в. российский культуролог Г. Д. Гачев выпускает около 20 книг в серии «Национальные образы мира», получившие сразу статус бестселлеров [Гачев, 2007, с. 155]. XXI в. внес свои коррективы в данную проблему.

История изучения вопроса

Начать надо с того, что в литературе, посвященной изучению цивилизаций, само слово употребляется в разных смыслах.

Так, Данилевский считал, что первоосновой культурно-исторического типа является племя или единство народов, характеризующееся отдельным языком или группой языков, близких между собою, которые при этом пользуются политической независимостью. Он также первым стал рассматривать вопрос различий мировоззрения, или менталитета, европейского и русского народов, учитывая такие несхожести у его представителей, как индивидуализм и коллективизм, и отличия в религиозной практике, освещая не только культуру, но и духовную составляющую. По его мнению, эти различия выходили из самой сущности типа, так как каждый культурно-исторический тип вырабатывает уникальные начала цивилизации для себя, и потому Данилевский был категорически против того, чтобы отождествлять русский тип с мировой цивилизацией [Данилевский, 2017, с. 58].

Рассматривая следующих представителей цивилизационного подхода, характерного для XX в., мы можем выделить два различных взгляда на глобализацию и унификацию человеческой цивилизации: представление об уникальности и «примордиальности» каждого народа и его культуры, которые ему необходимо сохранять, и воззрение о постепенном объединении всех народов в объединенную, но при этом культурно и этнически разнообразную общность.

Наиболее значимым представителем первого воззрения является Шпенглер. Для него существование самобытных культур, или менталитета, определяется за счет уникальных характеристик народа и места его проживания, «почвы» на которой «зарождается его душа» [Шпенглер, 2018 с. 97]. В то же время народ немислим без национального государства, которое существует для его защиты и выражения самости. Политика и войны выступают природными способами сохранения и приумножения народа, способствуя постоянному обновлению и поддержанию духовных и материальных сил народа, так как государство, которое перестает сражаться за свое существование, обречено на забвение, а его культура — на ассимиляцию. Таким образом, для Шпенглера всеобщий мир в пацифистском понимании являлся невозможным, так как противоречил жизненному порядку.

Второе воззрение явно проявляется в труде Тойнби. Рассматривая отдельные культурные регионы на базе религии, он выделял их в самостоятельные цивилизации. Поэтому наиболее значимыми факторами в их существовании являются религиозный и территориальный, а также критерий взаимосвязанности материнских и дочерних цивилизаций. Основная задача исследователей исторического процесса, по его мнению, состоит в сравнительном изучении классификации цивилизаций и выявлении того вклада, который внесла каждая из них в достижение общечеловеческой цели — создания единой, экуменической общечеловеческой цивилизации, построенной на гуманизме [Тойнби, 2019, с. 345]. Ему вторит Питирим

Сорокин, который видит будущее в объединении человечества через соединение двух враждующих блоков [Сорокин, 2018, с. 640].

Подобное противоречие взглядов мы обнаруживаем и в русской зарубежной философии XX в. на примере воззрений Н. Бердяева и И. Ильина. Так, Бердяев полагал, что разделение народов в виде политически навязываемого государством национализма, которое он называл цезаризмом, порождает лишь войны, тоталитаризм и раздор между народами. В нем он видел величайший гнет над свободным человеком и его правом на личные воззрения и ценности, что до определенной степени созвучно с социалистическими идеями интернационализма. Однако при этом, несмотря на определенные симпатии к идее интернационализма как идее объединения человечества, Бердяев считал, что национализм и интернационализм одинаково являются заблуждениями, связанными между собой. Проблема интернационализма в том, что он утверждает не конкретное, а абстрактное единство человечества и потому бессодержателен и бессилён. В противовес ему Бердяев предлагал собственное видение морального универсализма, который вмещал бы в себе все индивидуализированные наднациональные формы: «Нужно преодолеть идею суверенитета национального государства и стремиться к сверхнациональной организации народов, сохраняющих свои индивидуальные культуры, свое единственное лицо в мире. Это предполагает перевоспитание человеческих обществ, переоценку ценностей, духовное перерождение» [Бердяев, 2018, с. 237].

Противоположный взгляд выражает Иван Ильин. Он считал, что национализм можно рассматривать исключительно как любовь к историческому облику и творческому акту своего народа во всем его своеобразии. Вопрос глобализации и отношений народов друг с другом Ильин видел одинаково с Данилевским в качестве сохранения своеобразия собственного народа, посредством национального государства, в котором народ может расти и развиваться. Он также подчеркивал необходимость сохранения исторически сформировавшейся уникальности народа. По его мнению, глобализм, массовая культура, редуцирование роли государства как «национального дома» приводят к исчезновению существующего многообразия, сводя все народы к ложному равенству в окостеневшем, унифицированном подобию и однообразии. Поэтому Ильин всячески протестует против уничтожения национального своеобразия, продвигаемого в идеях либерально-рыночной капиталистической системы, в равной мере критикуя социализм и интернационализм, но, в отличие от Бердяева, считая, что данная проблема не в ее исполнении, но в самой сути искусственно навязываемого равноправия через уничтожение собственной уникальности: «...эта химера, всеразрушительная, противокультурная и безбожная затея есть порождение рассудочной души, злой и завистливой, — все равно, стремится ли эта химера воинственно подмять все народы под один народ или растворить все национальные культуры в бесцветности и безвидности всесмешения» [Ильин, 2017, с. 264]. В этом абзаце можно увидеть предупреждение о будущем процессе глобализации, который распространяется в том числе через унифицированную массовую культуру.

Таким образом, как среди западных, так и среди русских философов мы отмечаем две основные точки зрения на процесс надвигающейся глобализации. Первая, универсалистская, состоит в том, что человечество со временем объединится в единое государство, где каждый народ тем не менее сможет сохранить свое культурное многообразие. Вторая, «примордиальная», предполагает необходимость существования государств, то есть политических наций, для сохранения уникальности каждого народа. Поэтому, как нам кажется, оба воззрения можно сопоставить с принятыми в современности международными документами. Идея единства человечества во всем многообразии существующих народов и культур выражена во Всеобщей декларации прав человека ООН¹. Воззрение о самостоятельности каждого народа в решении своего независимого политического и культурного существования описывается в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций².

Их видение несет особенную важность, так как эти философы рассматривали проблемы взаимодействия народов и влияние постепенно развивавшегося процесса глобализации на человека и среду, в которой он существует в XX в., пытаясь предсказать результат данного процесса для всей жизни на Земле в будущем. Поэтому на текущий момент, когда глобальная сеть экономических, транспортных и, важнее всего, информационных связей связала все народы и государства в общее пространство, вопрос о ее влиянии на культуру, восприятие и даже условия формирования человека как личности становится как никогда актуален.

Тенденции современного процесса глобализации

Само понятие современного процесса глобализации американский ученый Э. Гидденс связывает с расширением влияния Запада на протяжении XIX–XX вв. Однако, распространив одинаковые культурные, технологические и юридические нормы, западный мир лишил себя уникального преимущества в силу утраты монополии на эти институты. Таким образом, можно заключить, что в отличие от представлений философов объединение человечества началось в процессе завоевательных устремлений западной культуры, которая

¹ Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс] // Официальный сайт Организации Объединённых Наций. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/universal-declaration-of-human-rights> (дата обращения: 07.08.2021).

² Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. Принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Организации Объединённых Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 07.08.2021).

навязывала свои представления и ценности прочим регионам Земли. Однако, частично достигнув этой цели через колонизацию и вестернизацию, коллективный Запад не смог «ассимилировать» другие культуры, трансформировать их «души» в собственную копию, заменив ценности и традиции. Напротив, навязывание западной культуры привело к противоположному результату, в форме усиленного стремления интеллигенции незападных стран сохранить и приумножить собственную культуру [Гидденс, 2018, с. 189]. Это видно на примере работ русских философов Соловьева и Данилевского о своеобразии России; национально ориентированных взглядов индийских борцов за независимость — Махатмы Ганди и Мухаммада Али Джинны; труда «Ориентализм» американского профессора Эдварда Саида, основателя научно-философского направления постколониализма [Саид, 1978, с. 393].

Однако само по себе появление новых национальных государств и движений не решило проблему функции государства как независимой системы управления и одновременно как института, формирующего культурную среду конкретного народа. Влияние процессов глобализации на государство как систему и независимую общность привело к тому, что после 1945 г. все современные государства взяли на себя общецивилизационные и универсалистские социальные задачи в беспрецедентном, до того абсолютно неизвестном масштабе. Разумеется, главной причиной принятия данных задач стало нежелание допустить нового конфликта, подобного Второй мировой войне. При этом важным фактором стало формирование двух социально-мировоззренческих противостоящих блоков, в один из которых полностью или частично оказались втянуты все государства земного шара. Это привело к утрате самостоятельности национального государства как игрока на мировой арене и одновременно уменьшило его роль как «дома» отдельной нации, в рамках исполнения общечеловеческих законов и предписаний, принятых в рамках Устава ООН. Подобную концепцию, называемую обществом риска, выдвинул рассматривающий геополитические процессы немецкий социолог Ульрих Бек. По его мнению, существующий процесс глобализации приводит к ослаблению национального государства и замещению его космополитическим обществом [Бек, 2018, с. 58].

Необходимо также подчеркнуть, что современный процесс глобализации напрямую связан с победой западного блока в холодной войне и потому является для России во многом культурно ассимиляционной вестернизацией. Помимо этого, необходимо выделить важный культурный элемент победившей системы, а именно новую интерпретацию понятий «идентичность» и «различие» [Момджян, 2021, с. 10]. К 1989 г. неолиберальная, «потребительская» логика понимания данных терминов заменила социалистические, христианские, национальные и прочие базовые понятия об идентичности и различии [Никифоров, 2021, с. 11]. Сама по себе неолиберальная идентичность — это декларативно безусловная гарантия уважения прав и свобод отдельного человека, которая побуждает индивида к созданию множества культурных

ярлыков, сравнимых с брендами продуктов, которые должны являться основой его идентичности [Петров, 2018, с. 4].

Являясь одновременно побудительно индивидуалистической, но при этом господствующей культурной нормой, продвигаемая неолиберальная идентичность приводит к двум противоположным результатам. С одной стороны, городская часть общества как наиболее открытая изменениям воспринимает данные ценности, что приводит к формированию мультикультурной среды, с другой — прежние массовые групповые идентичности гомогенного общества, такие как национальная гордость, социалистическая солидарность, христианская братская любовь, уступают место внутригрупповым, субкультурным идентичностям малых групп. Поэтому различие, способность выделиться, становится ценностью самой по себе, идеологией, обосновывающей уникальную значимость социального существования отдельной личности [Преображенская, Кудрявцева, 2020, с. 4].

Это приводит, с одной стороны, к постепенной трансформации привычных традиций и ценностей не только отдельного индивида, но и общества в целом, приводя к повсеместному включению в повседневную жизнь западного стиля мышления, особенно среди молодежи. С другой стороны, подобные изменения провоцируют ответную реакцию с целью сохранения традиционного уклада жизни, который является привычным и нормальным. Поэтому во множестве государств наблюдаются примеры попыток сохранения собственной национальной идентичности в виде повышенного внимания и подчеркивания собственного культурного наследия, как, например, во Франции, или возрастания роли религиозности в обществе, что особенно характерно для стран Ближнего Востока и Восточной Европы, и даже прямых законодательных инициатив по внесению положений об идентичности нации в Основной закон государства, что было сделано в России.

Однако здесь необходимо отметить, что данные инициативы, как правило, разделяет лишь одна из частей общества. Как уже было сказано, в виду исчезновения общей культурно-ценностной идентичности и замены национальной гомогенности общества мультикультурностью, современный социум состоит из множества групп, имеющих отличные друг от друга ценностные ориентиры [Buralkin, Chernenkaaya, 2019]. Можно сказать, что по отношению к глобализации выделяют две условные группы населения — космополитическую и традиционалистскую. В первую входят жители крупных городов, молодежь, представители тех профессий, чья работа завязана на взаимодействии с Интернетом и т. д. Они, как правило, положительно относятся к процессам глобализации, будучи частью той космополитичной, городской среды, в которой наличествуют представители всех культур, религий и ценностей, живущих в «вечном настоящем» [Забелина, 2020, с. 5]. Причем социолог это наблюдает как на примере русской, так и японской ситуации. Ко второй группе относятся, соответственно, жители небольших городов, представители старшего поколения и члены традиционных конфессий. Их связь с традициями и желание

сохранить привычный общественный быт чаще всего ставит их в оппозицию к процессам глобализации и доминирования западной массовой культуры. Нужно также отметить, что с ростом городского населения в процессе урбанизации, как правило, растет и космополитическая часть общества.

После распада СССР в подобной ситуации оказалось и большинство республик, возникших на постсоветском пространстве. Менее чем за десятилетие на смену идеалам и ценностям, разделявшимся господствовавшей в стране коммунистической идеологией, пришла идея ориентации на западное общество как некий идеал социального устройства, что, разумеется, сильно повлияло на общественное представление о нормах и ценностях. Советский образ жизни пропагандировал единство социалистического и общечеловеческого, стремление построения светлого будущего и ориентацию на общественное благо, что присутствовало во всей жизнедеятельности советской молодежи посредством обучения, работы общественных организаций и усваивания пропагандируемых ценностей [Жукоцкая, 2021, с. 163]. Неожиданный для большинства развал страны и системы ценностей вместе с серьезной экономической нестабильностью отразился на мировоззрении и ментальности последующих поколений советского строя. Возник мировоззренческий конфликт между поколениями [Жирнов, 2012, с. 3]. В случае с советской и российской молодежью важно подчеркнуть: так как советская молодежь стала поколением отцов и матерей современной российской молодежи, природа противостояния ценностных норм имеет не только экономические противоречия, но прежде всего мировоззренческие [Малолетнева, 2018, с. 5]. Поэтому многие исследователи рассматривают данный конфликт в ракурсе различия мироощущения поколений [Сибирев, Головин, 2020. с. 17]. В то же время существует подход, рассматривающий двойственность молодых поколений как поиск ими собственного пути, ведущий к построению гражданского общества [Ткачева, Белоножко, 2017, с. 6].

Молодежь как бы балансирует между двумя мирами: с одной стороны, она наследует через семью черты мировоззрения старших поколений, с другой — их желание проявить себя и стремление к индивидуализму, усвоенное через западную культуру, ставит их в положение новых «разночинцев» [Вакарев, 2021., с. 220] Это можно заметить, рассматривая многочисленные противоречивые мнения, одновременно разделяемые молодежью: патриотизм и идеализация Запада, либеральные ценности и идеалы советского социального благополучия, идеализм и прагматизм в требованиях, предъявляемых к политическим лидерам, опора в своих воззрениях как на визуальные, так и на реальные впечатления, подтвержденное исследованиями положение дел [Ильинский, Луков, 2020. с. 10].

Заключение

Таким образом, рассмотрев концепции представителей цивилизационного подхода и специфику современного процесса глобализации, мы можем

заключить, что для разрешения противоречия между космополитами и традиционалистами, а также предоставления молодежи возможности реализовать себя, свои личные таланты и амбиции на благо общества представляется необходимым воспользоваться идеями Н. Я. Данилевского и И. Ильина о формировании концепции национального государства как института сохранения ценностей и традиций, которое будет представлять собой стержень нации в условиях мультикультурализма. Предпочтение идеи национального государства видится нам единственным вариантом в условиях современной глобализации, размывающей национальную идентичность и трансформирующую индивида в «потребителя идентичностей». И более того, необходимо отметить, что в современности идеи равноправия, свободы, любви к ближнему и заботы о благополучии всего человечества часто используются в политических конфликтах как средство или предлог для исполнения государственных амбиций [Сидоров, 2019, с. 5]. Поэтому, несмотря на привлекательность идей единства, высказываемых Н. А. Бердяевым и А. Тойнби, мы с сожалением должны заключить, что идеал равноправного существования в рамках общей федерации или государства недостижим на данном этапе существования человеческой цивилизации.

Список источников

1. Бердяев Н. А. Русские записки. 1938. № 3. С. 232–238.
2. Бек У. Космополитическое мировоззрение. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2018. 336 с.
3. Вакарев Е. С. Молодежь в СССР: проблемы понимания советского прошлого современными россиянами // Проблемы распада и наследия СССР в современном публичном пространстве: сб. науч. ст. Всероссийской науч.-практ. конференции с международным участием. М.: Книгодел, 2021. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46566012&pff=1> (дата обращения: 25.01.2021).
4. Гачев Г. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. Серия: Технологии культуры. 3-е изд. М.: Академический Проект, 2015. 512 с.
5. Гидденс Э. Последствия современности / пер. с англ. Г. К. Ольховикова; Д. А. Кибальчича; вступ. статья Т. А. Дмитриева. М.: Праксис, 2018. 352 с.
6. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М: Книга, 2017. 574 с.
7. Жукоцкая А. В. Концепт «советскости» в пространстве мифологии и идеологии // Проблемы распада и наследия СССР в современном публичном пространстве: сб. науч. ст. Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием. М.: Книгодел, 2021. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46566006&pff=1> (дата обращения: 25.01.2021).
8. Жамсаев М. Б., Чагдурова Э. Д. Глобализация как закономерный результат исторического процесса и ее современные интерпретации // Вестник Брянского государственного университета. 2019. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalizatsiya-kak-zakonomernyy-rezultat-istoricheskogo-protsesta-i-ee-sovremennye-interpretatsii> (дата обращения: 07.08.2021).
9. Жирнов А. А. Роль российской молодежи в развитии постсоветского (российского) общества и проблемы ее гражданского воспитания // Вестник Вятского государственного университета. 2012. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-rossiyskoy-molodezhi-v-razviti>

razvitiy-postsovetskogo-rossiyskogo-obschestva-i-problemy-ee-grazhdanskogo-vozpitaniya (дата обращения: 19.07.2021).

10. Забелина Е. В. Структура психологического времени личности, включенной в процесс глобализации: на материале Японии и России // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2020. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-psihologicheskogo-vremeni-lichnosti-vklyuchennoy-v-protsess-globalizatsii-na-materiale-yaponii-i-rossii> (дата обращения: 19.07.2021).

11. Ильин И. А. Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг. М.: Алгоритм, 2017. 464 с.

12. Ильинский И. М., Луков В. А. Московские студенты: трансформации ценностных ориентаций // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/moskovskie-studenty-transformatsii-tsennostnyh-orientatsiy> (дата обращения: 07.08.2021)

13. Малолетнева И. В., Попова А. А. Ценностная парадигма глазами студенческой молодежи // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2018. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnaya-paradigma-glazami-studencheskoy-molodezhi> (дата обращения: 19.07.2021).

14. Момджян К. Х. К вопросу о конструировании социальной реальности // Философский журнал. 2021. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-konstruirovanii-sotsialnoy-realnosti> (дата обращения: 29.01.2022).

15. Никифоров А. Л. Какое будущее ждет человечество? // Философский журнал. 2021. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kakoe-budushee-zhdet-chelovechestvo> (дата обращения: 29.01.2022).

16. Преображенская К. В., Кудрявцев А. А. Философско-антропологические подходы к формированию национальной и культурной идентичности в условиях современности // Вестник Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2020. № 4–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofsko-antropologicheskie-podhody-k-formirovaniyu-natsionalnoy-i-kulturnoy-identichnosti-v-usloviyah-sovremennosti> (дата обращения: 17.07.2021).

17. Петров П. А. Концепции глобализации в социальной философии // Общество. Коммуникация. Образование. 2018. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsii-globalizatsii-v-sotsialnoy-filosofii> (дата обращения: 03.08.2021).

18. Сорокин П. А. Кризис нашего времени. Россия и Соединенные Штаты / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. В. Сапова. Сыктывкар: Анбур, 2018. 640 с. (Питирим Сорокин. Собр. соч.).

19. Сибирев В. А., Головин Н. А. Межпоколенческие различия в удовлетворенности жизнью и чувстве счастья в России (на материалах Европейского социального исследования) // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1 (155). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhpokolencheskie-razlichiya-v-udovletvorennosti-zhiznyu-i-chuvstve-schastya-v-rossii-na-materialah-evropeyskogo-sotsialnogo> (дата обращения: 19.07.2021). DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.12

20. Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский Мирь, 2016. 672 с.

21. Страхов Н. Н. Исторические взгляды Г. Рюккerta и Н. Я. Данилевского // Русский вестник. Т. 234. 1894. № 10. С. 154–183. URL: <https://danilevsky.ru/publikatsii-otvorchestve/istoricheskie-vzglyady-g-ryukkerta-i-n-ya-danilevskogo/> (дата обращения: 17.07.2021).

22. Сидоров Л. Г. Философия управления процессами глобализации // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-upravleniya-protsessami-globalizatsii> (дата обращения: 03.08.2021).

23. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории: сб. / пер. с англ. И. Е. Киселева, М. Ф. Носова. М.: Айрис Пресс, 2003. 318 с.

24. Ткачева Н. А., Белоножко Л. Н. Влияние духовно-нравственных ценностей молодежи на формирование гражданской культуры российского общества // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2017. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-duhovno-nravstvennyh-tsennostey-molodezhi-na-formirovanie-grazhdanskoj-kultury-rossiyskogo-obschestva> (дата обращения: 19.07.2021). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2017-17-2-225-234>

25. Шпенглер. О. Закат Европы. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. М: Мысль, 2018. 820 с.

26. Buralkin M. Yu., Chernenkaya S. V. The problem of the scientific status theory of mediatization // 11th International Scientific and Theoretical Conference-Communicative Strategies of Information Society / ed. O. D. Shipunova, V. N. Volkova, A. Nordmann, L. Moccozet. SPb.: St. Petersburg Polytechnic University, 2019. P. 272–280.

References

1. Berdyaev, N. A. (1938). *Russkie zapiski* [Russian notes], (3), 232–238. (In Russian).
2. Bek, U. (2018). *Kosmopoliticheskoe mirovozzrenie* [Cosmopolitan worldview]. Moscow: Centr issledovaniy postindustrial'nogo obshchestva. 336 p. (In Russian).

3. Vakarev, E. S. (2021). Molodezh' v SSSR: problemy ponimaniia sovetskogo proshlogo sovremennymi rossiianami [Youth in the USSR: problems of understanding the Soviet past by modern Russians]. *Problemy raspada i naslediiia SSSR v sovremenном publichnom prostranstve* [Problems of the collapse and legacy of the USSR in the modern public space]: Collection of scientific articles of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation. Moscow. (In Russian). Retrived from <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46566012&pff=1>

4. Gachev, G. (2015). Natsional'nye obrazy mira [National images of the world]. *Kosmo-Psikho-Logos. Seriya: Tekhnologii kul'tury* [National images of the world. Cosmo-Psycho-Logos. Series: Technologies of culture] (3rd ed.). Moscow: Akademicheskij Proekt. 512 p. (In Russian).

5. Giddens, E. (2018). *Posledstviia sovremennosti* [Consequences of modernity] (Olkhovikov, G. K., & Kibalchicha, D. A. (Tr. from the English); Dmitrieva, T. A. (Introductory article). Moscow: Praksis. 352 p. (In Russian).

6. Danilevskij, N. (2017). *Rossiiia i Evropa* [Russia and Europe]. Moscow: Kniga. 574 p. (In Russian).

7. Zhukockaya, A. V. (2021). Kontsept “sovetskosti” v prostranstve mifologii i ideologii [The concept of “Sovietism” in the space of mythology and ideology]. *Problemy raspada i naslediiia SSSR v sovremenном publichnom prostranstve* [Problems of the collapse and legacy of the USSR in the modern public space]: Collection of scientific articles of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation. Moscow. (In Russian). Retrived from <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46566006&pff=1>

8. Zhamsaev, M. B., & Chagdurova, E. D. (2019). Globalizatsiia kak zakonomernyi rezul'tat istoricheskogo protsessia i ee sovremennye interpretatsii [Globalization as a natural result of the historical process and its modern interpretations]. *The Bryansk State University*

Herald, (1). (In Russian). Retrived from <https://cyberleninka.ru/article/n/globalizatsiya-kak-zakonomernyy-rezultat-istoricheskogo-protssesa-i-ee-sovremennye-interpretatsii>

9. Zhirnov, A. A. (2012). Rol' rossiiskoi molodezhi v razvitii postsovetskogo (rossiiskogo) obshchestva i problemy ee grazhdanskogo vospitaniia [The role of Russian youth in the development of post-Soviet (Russian) society and the problems of its civic education]. *Herald of Vyatka State University*, (4). (In Russian). Retrived from <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-rossiyskoy-molodezhi-v-razvitii-postsovetskogo-rossiyskogo-obschestva-i-problemy-ee-grazhdanskogo-vospitaniya>

10. Zabelina, E. V. (2020). Struktura psikhologicheskogo vremeni lichnosti, vkluchennoi v protsess globalizatsii: na materiale Iaponii i Rossii [The structure of the psychological time of a person involved in the process of globalization: based on the material of Japan and Russia]. *Pushkin Leningrad State University Journal*, (4). (In Russian). Retrived from <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-psihologicheskogo-vremeni-lichnosti-vklyuchennoy-v-protsess-globalizatsii-na-materiale-yaponii-i-rossii>

11. Il'in, I. A. (2017). Nashi zadachi. Stat'i 1948–1954 gg. [Our tasks. Articles 1948–1954]. Moscow: Algoritm. 464 p. (In Russian).

12. Il'inskij, I. M., & Lukov, V. A. (2020). Moskovskie studenty: transformatsii tsennostnykh orientatsii [Moscow students: transformations of value orientations]. *RUDN Journal of Sociology*, (1). (In Russian). Retrived from <https://cyberleninka.ru/article/n/moskovskie-studenty-transformatsii-tsennostnykh-orientatsiy>

13. Maloletneva, I. V., & Popova A. A. (2018). Tsennostnaia paradigma glazami studencheskoi molodezhi [The value paradigm through the eyes of student youth]. *Vestnik Universiteta (State University of Management)*, (5). (In Russian). Retrived from <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnaya-paradigma-glazami-studencheskoy-molodezhi>

14. Momdzhyan, K. H. (2021). K voprosu o konstruirovanii sotsial'noi real'nosti [On the question of the construction of social reality]. *Philosophy Journal*, (4). (In Russian). Retrived from <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-konstruirovanii-sotsialnoy-realnosti>

15. Nikiforov, A. L. (2021). Kakoe Budushchee Zhdet Chelovechestvo? [What future awaits humanity?] *Philosophy Journal*, (3). (In Russian). Retrived from <https://cyberleninka.ru/article/n/kakoe-budushee-zhdet-chelovechestvo>

16. Preobrazhenskaya, K. V., & Kudryavcev, A. A. (2020). Filosofsko-antropologicheskie podkhody k formirovaniu natsional'noi i kul'turnoi identichnosti v usloviakh sovremennosti [Philosophical and anthropological approaches to the formation of national and cultural identity in modern conditions]. *Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy*, (4–2). (In Russian). Retrived from <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofsko-antropologicheskie-podhody-k-formirovaniyu-natsionalnoy-i-kulturnoy-identichnosti-v-usloviakh-sovremennosti>

17. Petrov, P. A. (2018). Kontseptsii globalizatsii v sotsial'noi filosofii [Concepts of globalization in social philosophy]. *Obshchestvo. Kommunikatsiia. Obrazovanie*. [Society. Communication. Education], (1). (In Russian). Retrived from <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsii-globalizatsii-v-sotsialnoy-filosofii>

18. Sorokin, P. A. (2018). *Krizis nashego vremeni. Rossiia i Soedinennye Shtaty* [The crisis of our time. Russia and the United States] (Sapova, V. V. (compilation, preparation of the text, introductory article and commentary)). Syktyvkar: Anbur. 640 p. (Pitirim Sorokin. Collected works). (In Russian).

19. Sibirev, V. A., & Golovin, N. A. (2020). Mezhpokolencheskie razlichii v udovletvorennosti zhizn'iu i chuvstve schast'ia v Rossii (na materialakh Evropeiskogo sotsial'nogo

issledovaniia) [Intergenerational Differences in Life Satisfaction and a Feeling of Happiness in Russia (Based on the European Social Survey Data)]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (1). (In Russian). Retrived from <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhpokolencheskie-razlichiya-v-udovletvorennosti-zhiznyu-i-chuvstve-schastyav-rossii-na-materialah-evropeyskogo-sotsialnogo>; DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.12>

20. Said, E. V. (2016). *Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka* [Orientalism. Western concepts of the East]. Saint-Petersburg: Russkij Mir. 672 p. (In Russian).

21. Strahov, N. N. (1894). Istoricheskie vzgliady G. Riukkerta i N. Ia. Danilevskogo [Historical views of G. Ryukkert and N. Y. Danilevsky]. *Russkij vestnik*, (234, 10, 154–183). (In Russian). Retrived from <https://danilevsky.ru/publikatsii-o-tvorchestve/istoricheskie-vzglyady-g-ryukkerta-i-n-ya-danilevskogo/>

22. Sidorov, L. G. (2019). Filosofii upravleniia protsessami globalizatsii [The philosophy of managing the processes of globalization]. *Sotsial`no-gumanitarnye znaniia*, (3). (In Russian). Retrived from <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-upravleniya-protsessami-globalizatsii>

23. Tojnbi, A. Dzh. (2003). *Tsivilizatsiia pered sudom istorii* [Civilization before the Court of History]: Collection (Kiseleva, I. E., & Nosova, M. F. (Tr. from English)). Moscow: Ajris Press. 318 p. (In Russian).

24. Tkacheva, N. A., & Belonozhko, L. N. (2017). Vliianie dukhovno-nravstvennykh tsennostei molodezhi na formirovanie grazhdanskoj kul`tury rossiiskogo obshchestva [The influence of spiritual and moral values of youth on the formation of the civic culture of Russian society]. *RUDN Journal of Sociology*, (2). (In Russian). Retrived from <https://cyberleninka.ru/article/n/vliianie-duhovno-nravstvennyh-tsennostey-molodezhi-na-formirovanie-grazhdanskoj-kulturny-rossijskogo-obshchestva>

25. Shpengler, O. (2018). *Zakat Evropy* [The Decline of Europe]. (Vol. 2. Vsemirno-istoricheskie perspektivy). Moscow.: Mysl'. 820 p. (In Russian).

26. Buralkin, M. Y., & Chernenkaya S. V. (2019). The problem of the scientific status theory of mediatization. In: Shipunova, O. D., & Volkova, V. N. (Eds). *11th International Scientific and Theoretical Conference-Communicative Strategies of Information Society* (pp. 272–280). Laurent Moccozet. (In Russian).

Информация об авторе / Information about the autor:

Ковалёв Эдуард Юрьевич — аспирант Московского городского педагогического университета.

129226, Россия, Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр., д. 4

Kovalev Eduard Yurievich — Graduate student, Moscow City University.

129226, Russia, Moscow, 2-i Sel'skokhoziaistvennyi pr., d. 4

E-mail: cowalyow.ed@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1431-5356

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Уважаемые авторы!

В нашем журнале публикуются как оригинальные, так и обзорные статьи по философским наукам. Журнал адресован философам-исследователям, представителям социально-гуманитарного знания, аспирантам и соискателям ученой степени — всем, кто интересуется философским осмыслением сущности человека и общества, проблемами познания, этики и философии культуры.

Редакция просит вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике», руководствоваться требованиями Редакционно-издательского совета МГПУ к оформлению научной литературы.

- объем статьи — от 20 000 до 40 000 знаков с пробелами, включая рисунки, таблицы и графики, с учетом списка литературы (*не менее 20 000 и не более 40 000*);

- поля — по 2,5 справа, слева, сверху, снизу;

- шрифт — 14, Times New Roman;

- интервал — полуторный;

- красные строки — 1,25 (выставляются автоматически);

- для связи затекстовых библиографических ссылок с текстом документа используются отсылки, которые приводятся в тексте документа в квадратных скобках с указанием идентифицирующих сведений, например: [ФАМИЛИЯ автора, год издания, с. 17]; [ФАМИЛИЯ автора, год издания, с. 17–25] (обратите внимание, что указывается только ФАМИЛИЯ автора (авторов), без инициалов);

- в верхнем левом углу указывается тип статьи (обзорная; научно-теоретическая; научно-практическая; аналитическая; научно-публицистическая; научно-исследовательская);

- далее указывается классификационный индекс Универсальной десятичной классификации (УДК) (www.teacode.com/online/udc/);

- далее — заглавие статьи на русском языке (выравнивание по центру, кегль шрифта — 14, буквы заглавные, выделение жирным шрифтом). В конце заглавия статьи точка не ставится;

- имя, отчество и фамилия (полностью) авторов (выравнивание по левому краю, кегль шрифта — 14, выделение жирным шрифтом, курсивом);

- информация о месте работы (учебы) автора(ов), электронные адреса, ORCID (Open Researcher and ContributorID) (www.orcid.org) авторов указывается после имен авторов на разных строках и связывается с именами с помощью надстрочных цифровых обозначений — 1 (выравнивание по левому краю, кегль шрифта — 14, выделение жирным шрифтом, курсивом);

- перечень затекстовых библиографических ссылок, озаглавленный *Список источников* (кегель шрифта — 14, выравнивание по ширине страницы). Список оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.05-2008 «Библиографическая ссылка» и строится в порядке цитирования источников в тексте статьи;

- список источников на английском языке, озаглавленный *References*, в соответствии со стилем APA (7th edition) (apastyle.apa.org). В *References* необходимо полностью повторить список литературы к русскоязычной части, независимо от того, имеется или нет в нем иностранная литература. Последовательность авторов в *References* должна полностью совпадать с русскоязычным списком источников;

- в список источников включаются только **научно-исследовательские работы (научные статьи, монографии, книги)**, в том числе не менее 50 % зарубежных (за последние 3 года (Scopus) / 5 лет (Web of Science), с указанием DOI или URL национального архива для всех источников. Ссылки на **другие виды источников** (архивную, нормативную, публицистическую, справочную, учебно-методическую литературу, словари, авторефераты диссертаций и др.) оформляются внутри текста статьи **подстрочными ссылками** (в соответствии с ГОСТ Р 7.05–2008 «Библиографическая ссылка»);

- материал статьи должен отвечать требованиям оригинальности: не менее 75 % для обзорных (аналитических) рукописей; не менее 85 % для эмпирических.

Более подробно о требованиях к оформлению рукописи можно узнать по адресу: <http://philosophy.mgpu.ru/instrukciya-dlya-avtorov/>

Плата за публикацию статей в журнале не взимается.

По вопросам публикации статей в журнале «Вестник МГПУ. Серия «Философские науки» предлагаем обращаться к составителю — заместителю главного редактора *Светлане Васильевне Черненко* (*ChernenkayaSV@mgpu.ru*).

E-mail: vestnikphilosofya@mail.ru

Научный журнал / Scientific Journal
Вестник МГПУ.
Серия «Философия».

MCU Journal
of Philosophical Sciences

2022, № 1 (41)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № ФС77-62496 от 27 июля 2015 г.

Главный редактор:
доктор философских наук, профессор *А. В. Жукоцкая*

Главный редактор выпуска:
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т. П. Веденева*

Редактор:

А. В. Лященко

Корректоры:

К. М. Музаилова, С. И. Шостко

Технический редактор:

О. Г. Арефьева

Верстка:

А. В. Бармин

Научно-информационный издательский центр МГПУ.
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр., д. 4.
Тел.: 8 (499) 181-50-36
E-mail: niic@mgpu.ru

Подписано в печать: 19.05.2022.
Формат: 70 × 108 ¹/₁₆. Бумага: офсетная.
Объем: 7,75 печ. л. Тираж: 1000 экз.